

78

Валерий Яковлевич Брюсов

Том 1. Стихотворения 1892-1909

(Собрание сочинений в семи томах #1)

Настоящее собрание сочинений В.Я. Брюсова — первое его собрание сочинений. Оно объединяет все наиболее значительное из литературного наследия Брюсова.

Первый том составляют стихотворения 1892–1909 гг. (сборники: «Juvenilia», «Chefs d'Œuvre», «Me eum esse», «Tertia Vigilia», «Urbi et Orbi», «Stephanos», «Все напелы»).

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

От издательства	0008
Павел Антокольский. Валерий Брюсов	0009
Juvenilia (1892–1894)	0010
Пролог	0010
Первые мечты	0018
Новые грезы	0023
Лирические поэмы	0029
Chefs d'Œuvre (1894–1896)	0039
Стихи о любви	0039
Криптомерии	0054
Холм покинутых святынь	0062
Будни	0073
Часы дней	0084
Méditations	0088
Лирические поэмы	0092
Me eum esse (1896–1897)	0103
Новые Заветы	0103
Видения	0111
Мгновения	0116
Скитания	0120
Ненужная любовь	0126
Веянье смерти	0135
В пути	0142
Завершение	0149
Лирические поэмы	0155

Tertia Vigtlia (1898–1901)	0164
Возвращение	0164
Любимцы веков	0168
У моря Крым 1898–1899 г, Ревель (Катериненталь) 1900 г	0203
В стенах	0215
Еще сказка	0226
Милая правда	0242
Близким	0249
Книжка для детей	0262
Из дневника	0276
Прозрения	0289
Мы	0302
Лирические поэмы	0313
Urbi et Orbi (1901–1903)	0374
Вступления	0374
Песни	0390
Баллады	0397
Думы	0409
Элегии	0445
Сонеты и терцины	0463
Картины	0479
Антология	0495
Оды и послания	0512
Лирические поэмы	0527
Stephanos (1904–1905)	0550
Посвящение	0550
Вечеровые песни	0552

На Сайме	0563
Правда вечная кумиров	0570
Из ада изведенные	0589
Мгновения	0607
Повседневность	0613
Современность	0627
Лирические поэмы	0652
Все напевы (1906–1909)	0667
Поэту	0667
Близкой	0668
Элегии и буколики	0669
Вечеровые песни	0671
На Гранитах	0675
В поле	0684
Мгновения	0692
Эротика	0701
Ерѡб авикате макав	0704
Мертвая любовь	0716
Обреченный	0723
Сонаты	0733
В эпическом роде	0740
Надписи к гравюрам	0742
Видения	0748
Женщины	0757
В городе	0765
Оды и послания	0773
Правда вечная кумиров	0775
Приветствия	0785

Современность	0793
Послания	0800
Заключение	0825

Валерий Яковлевич Брюсов
Собрание сочинений в семи
томах
Том 1. Стихотворения 1892-
1909

От издательства

[Текст отсутствует]

Павел Антокольский. Валерий Брюсов

[Текст отсутствует]

Juvenilia (1892–1894)

Памяти Елены К

Пролог

Parler n'a trait à la réalité des choses que commercialement.

St. Mallarmé[1]

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи

Меж контуром и запахом цветка.

Так бриллиант невидим нам, пока

Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,

Бегущие, как в небе облака,

Окаменевают, живут потом века

В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,

Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.
Пускай мой друг, разрезав том по-
эта,
Упьется в нем и стройностью со-
нета,
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1895

Осеннее чувство

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны;

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски
Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречают звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

Самоуверенность

*Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?*

*Влюбленных наяд
Серебристые всплески!
Где ревнивые доски
Вам путь преградят?*

*Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.*

*За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.*

10 февраля 1893

Уныние

*Сердце, полное унынием,
Обольсти лучом любви,
Все пределы и все линии*

Беспощадно оборви!

*Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг.*

*И тогда, обманам преданный,
Счастлив грезой своей,
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфеи!*

24 октября 1893

Творчество

*Тень несозданных созданий
Кольхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.*

*Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.*

*И прозрачные киоски[2].
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.*

*Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.*

*Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.*

1 марта 1895
«О, закрой свои бледные ноги....»
О, закрой свои бледные ноги.

3 декабря 1894
**«Она в густой траве запряталась
НИЧКОМ...»**

Умер великий Пан

*Она в густой траве запряталась
ничком,
Еще полна любви, уже полна сты-
дом.
Ей слышен трубный звук: то им-
ператор пленный
Выносит варварам регалии Равен-
ны;
Ей слышен чей-то стон, — как*

*будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли
небес;
Но внемлют вместе с ней без-
молвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!*

З октября 1894

Ученый

Посвящ. В.М.Ф.

*Вот он стоит, в блестящем орео-
ле,
В заученной, иконописной позе.
Его рука протянута к мимозе,
У ног его цитаты древних схолий.*

*Уйдем в мечту! Наш мир — фа-
та-моргана,
Но правда есть и в призрачном
оазе:
То — мир земли на высоте фан-
тазий,
То — брат Ормузд, обнявший Ари-
мана!*

А прель 1895

Отверженный герой

Памяти Дениса Папина

В серебряной пыли полуночная
влага
Пленяет отдыхом усталые меч-
ты,
И в зыбкой тишине речного сарко-
фага
Отверженный герой не слышит
клеветы.

Не проклинай людей! Настанет
трепет, стоны
Вновь будут искренни, молитвы
горячи,
Смутится яркий день, — и сол-
нечной короны
Заблещут в полутьме священные
лучи!

20 мая 1894

«Господи! Господи!...»

Господи! Господи!
Блуждаю один, как челнок,
Безумцем в туман направляемый,
Один, без любви, сожигаемый
Мучительным пламенем грез!

О, страшно стоять одному
На кручи заоблачной,
Стоять одному в беспредельно-
сти!

Туманы проходят у ног,
Орлы ко мне редко возносятся,
Как плесень, у грани снегов умира-
ющий мох.

Есть блаженство — не знать и
забыть!

Есть блаженство — в толпе за-
теряться!

Есть блаженство — скалой
неоформленной быть

И мхом, этим мхом умирающим!

О, зачем я не сумрачный мох!
О, зачем я не камень дорожный!
Если бы был я пурпуровым ма-
ком!

Как на стебле я сладко качался б!
С бабочкой, севшей на венчик, ка-
чался,

Светом зари наслаждался,
Солнцем, и тенью, и мраком!

О, если бы был я пурпуровым ма-

ком!

О, если бы был я камнем дорож-
ным!

1 декабря 1894

Первые мечты

Es ist eine alte Geschichte.

H. Heine[3]

«Мы встретились с нею случайно...»

*Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.*

*Но раз в золотое мгновенье
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».*

*И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.*

27 апреля 1893

«Это было? Неужели?...»

Это было? Неужели?
Нет! и быть то не могло.
Звезды рдели на постели,
Было в сумраке светло.

Обвивались нежно руки,
Губы падали к губам...
Этот ужас, эти муки
Я за счастье не отдам!

Странно-нежной и покорной
Приникала ты ко мне, —
И фонарь, сквозь сумрак черный,
Был так явственен в окне.

Не фонарь, — любовь светила,
Звезды сыпала светло...
Неужели это было?
Нет! и быть то не могло!

«Полутемное окошко...»

Полутемное окошко
Освети на миг свечой
И потом его немножко
Перед лестницей открой.

Я войду к тебе, волнуем
Прежним трепетом любви;

*Ты меня встретить поцелуем,
Снова милым назови.*

*Страстной ласке мы сначала
Отдадимся горячо,
А потом ко мне устало
Ты поникнешь на плечо.*

*И в чарующей истоме,
Под покровом темноты,
Все для нас потонет — кроме
Упоительной мечты.*

4 мая 1893

«Мечты, как лентами, словами...»

*Мечты, как лентами, словами
Во вздохе слез оплетены.
Мелькают призраки над нами
И недосказанные сны.*

*О чем нам грезилось тревожно,
О чем молчали мы вдвоем,
Воскресло тенью невозможной
На фоне бледно-золотом.*

*И мы дрожим, и мы не знаем...
Мы ищем звуков и границ
И тусклым лепетом встречаем*

Мерцанье вспыхнувших зарниц,

20 декабря 1895

Заветный сон

*Заветный сон вступает на ступе-
ни;
Мгновенья дверь приотворяет
он...
Вот на стене смешались обе те-
ни,
И в зеркале (стыдливость насла-
ждений!)
Ряд отражений затемнен.*

*О, не жалея, что яркость поблед-
нела!
Когда-нибудь, в печальной смене
лет,
Вернется все, — и не погаснет
свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.*

8 ноября 1893

Из письма

*Милый, прости, что хочу повто-
рять
Прежних влюбленных обеты.*

*Речи знакомые — новы опять,
Если любовью согреты.*

*Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моленья, —
Жить, умереть, это счастье хра-
ня,
Светлой любви уверенья.*

*Милый, но если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.*

*Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и пе-
чаль
Станет заветной святыней.*

18 мая 1894

Вечером перед церковью

*Черной полоскою крест
Тонет в темнеющем фоне;
На голубом небосклоне
Сонм зажигается звезд.*

Символ любви человека

*Что, с обаяньем своим!
Перед глаголом святым,
Данным вселенной от века!*

*Так не потеряй зови,
Что опочило в покое!
То уступает земное
Звездам небесной любви.*

19 июня 1893

Новые грезы

*Так деревцо свои листы
Меняет каждую весною.
А. Пушкин*

«Мрачной повиликой...»

*Мрачной повиликой
Поросли кресты,
А внизу цветы
С красной земляникой.*

*В памяти вдали
Рой былых желаний;
Повиликой ранней
Думы поросли.*

А мечты все те же

*В блеске молодом
Манят под крестом
Земляникой свежей.*

22 октября 1893

«Беспощадною орбитой...»

*Беспощадною орбитой
Увлечен от прежних грез,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаос.*

*Там творений колебанье,
Вдохновенная вражда;
Здесь холодное молчанье,
Незнакомая звезда.*

*И, горящую кометой
На безжизненном пути,
Я шепчу слова привета,
Как последнее прости.*

2 июля 1893

«В тиши задремавшего парка...»

*В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.*

*Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.*

*Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.*

6 августа 1893
«Звездное небо бесстрастное...»

*Звездное небо бесстрастное,
Мир в голубой тишине;
Тайна во взоре неясная,
Тайна, невнятная мне.*

*Чудится что-то опасное,
Трепет растет в глубине;
Небо безмолвно, прекрасное,
Мир неподвижен во сне.*

11 мая 1893
«Звезды тихонько шептались...»

*Звезды тихонько шептались,
Звезды смотрели на нас.
Милая, верь мне, — в тот час
Звезды над нами смеялись.*

Спрашивал я: «Не мечта ли?»
Ты отвечала мне: «Да!»
Верь, дорогая, тогда
Оба с тобою мы лгали.

16 сентября 1893
«**Звезды закрыли ресницы...**»

Звезды закрыли ресницы,
Ночь завернулась в туман;
Тянутся грез вереницы,
В сердце любовь и обман.

Кто-то во мраке тоскует,
Чьи-то рыданья звучат;
Память былое рисует,
В сердце — насмешка и яд.

Тени забытой упрёки...
Ласки недавней обман...
Звезды немые далеки,
Ночь завернулась в туман.

2 апреля 1893
«**Слезами блестящие глазки...**»

Слезами блестящие глазки,
И губки, что жалобно сжаты,
А щечки пылают от ласки,
И кудри запутанно-смяты.

*В объятьях — бессильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слез бриллианты упорно
Лепечут немые укоры.*

1 ноября 1893

Мечты о померкшем

*Мечты о померкшем, мечты о
былом,
К чему вы теперь? Неужели
С венком флердоранжа, с венчаль-
ным венком,
Сплели стебельки иммортели?*

*Мечты о померкшем, мечты о
былом,
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ноч-
ном,
Гирляндой цветов иммортели?*

*Мечты о померкшем, мечты о
былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце мо-
ем
На брачной веселой постели?*

13 марта 1894

Змеи

Приникни головкой твоей
Ко мне на холодную грудь
И дай по плечам отдохнуть
Извилистым змеям кудрей.

Я буду тебя целовать,
Шептать бред взволнованных
грез,
Скользящие пряди волос
Сплетать и опять расплетать...

И я позабуду на миг
Сомнений безжалостный гнет,
Пока из кудрей не мелькнет
Змеи раздвоенный язык.

30 августа 1893

В саду

Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд!
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд, —
Так поцелуи,

Прильнув, солгут!
Пусть, глянув, канет
В аллее свет, —
Мелькнув, обманет
Любви обет!
И пусть в истоме
Трепещешь ты, —
Все бледно, кроме
Одной мечты!

11 мая 1894

Лирические поэмы

Встреча после разлуки

*Забытая, бывлая обстановка:
Заснувший парк, луны застывший
свет,
И у плеча смущенная головка.*

*Когда-то ей шептал я (в волнах
лет)
Признания, звучавшие, как слезы,
В тиши лоя ласкающий ответ.*

*Но так давно, — по воле скучной
прозы,
Мы разошлись, и только в мире
тьмы*

Ее лицо мне рисовали грезы.

*Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятиях, сплетая жадно руки,
Под тенями сосновой бахромы!*

*Зачем года проносятся, как звуки,
Зачем в мечтах туманятся года,
И вот уж нет, и не было разлуки!*

*По синеве катилась звезда,
Когда она шепнула на прощанье:
«Твоя! твоя! опять и навсегда!»*

*Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.*

*О бард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычай-
ный,
О бахрома нависнувших ветвей!*

*Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый,
но случайный:*

*Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчув-
ствий...*

*Нет! прочь слова! себе ты не со-
лжешь!*

*Сокровища, заложенные в чув-
стве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в
искусстве.*

*А в жизни я — как выпитый сосуд;
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ли-
куя,
Огни страстей лишь вспыхнут,
как умрут.*

*Дитя, прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя «люблю», я
лгу.
Нет, никого на свете не люблю я,*

И никого любить я не могу!

16 августа 1895

Осенний день

1

Ты помнишь ли больной осенний
день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвет любви в период увяданья,
Лучи, когда вокруг ложится
тень?

Нас мучила столицы суматоха,
Хотелось прочь от улиц и домов,
—

Куда-нибудь в безмолвие лесов,
К молчанию невнемлющего моха.

Нет, ни любовь, ни осень не могли
Затмить в сердцах созвучное
стремленье!

Нет, никогда не разорвутся зве-
нья

Между душой и прелестью земли!

2

Ты помнишь ли мучения вокзала,
Весь этот мир и прозы и минут,
И наконец приветливый приют,
Неясных грез манящее начало?

Ты помнишь ли, — я бросился у
ног,

*Я голову склонил в твои колени,
Я видел сон мерцающих видений,
Я оскорбить молчание не мог.*

*Боялись мы отдаться поцелуям,
Мы словно шли по облачной тропе,
И этот час в застенчивом купе
Для полноты был в жизни неминуем.*

3

*Не знаю я — случайно или нет
Был избран путь, моей душе знакомый.
Какою вдруг мучительной истомой
Повеял мне былого первый след.*

*Выходим мы: знакомое мне поле,
И озеро, и пожелтевший сад,
И дач пустых осиротелый ряд,
И все кругом... О Леля! Леля! Леля!*

*Да, это здесь росла моя любовь,
Меж тополей, под кудрями березы,
У этих мест уже бродили грезы...*

Я снова здесь, и здесь люблю я
вновь.

4

Вошли мы в лес, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся ковер, —
И я поймал твой мимолетный
взор:
Он был в тот миг улыбкой восхи-
щенья.

Рука с рукой в лесу бродили мы,
Встречая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяли сушь и тра-
вы,
Смеялись мы над призраком зи-
мы.

И, подойдя к исписанной скамей-
ке,
Мы сели там и любовались всем,
—

Как хорошо, тепло, как воздух
нем,
Как в вышине спят облачные
змейки!

5

*В безмолвии слова так хороши,
Так дороги в уединеньи ласки,
И так блестят возлюбленные
глазки
Осенним днем в осмеянной глуши.*

*Кругом болезнь, упрямые вороны,
Столбы берез, осины багрянец,
За дымкою мучительный конец,
В молчании томительные сто-
ны.*

*Одним лишь нам — душистая вес-
на,
Одним лишь нам — душистые фи-
алки!
И плачет лес, завистливый и
жалкий,
И внемлет нам сквозь слезы ти-
шина.*

6

*Мы перешли на старое кладбище,
Где ждали нас холодные кресты.
Почиют здесь безумные мечты,
И здесь душа прозрачнее и чище.*

Склонились мы над маленьким

крестом,
Где скрыто все, мне вечно доро-
гое,
И где она оставлена в покое
Приветствием и дерзостным су-
дом.

И долго я над юною могилой,
Обнявши крест, томился недви-
жим;
И ты, мой друг, ты плакала над
ним,
Над образом моей забытой ми-
лой.

7

Еще сильнее я полюбил тебя
За этот миг, за слезы, эти слезы!
Забыла ты ревнивые угрозы,
Соперницу ласкала ты, любя!

Я чувствовал, что с сердцем ото-
гретым
Мы кладбище оставили вдвоем.
Горел закат оранжевым огнем,
Восток синел лилово-странным
светом.

Мы снова шли, и шли, как прежде,
мы
К великому, безбрежному сближе-
нию,
Чужды опять лесов опустоше-
нию,
Опять чужды дыханию зимы.

8

На станции мы поезд ожидали
И выбрали заветную скамью,
Где Леле я проговорил «люблю»,
Где мне «люблю» слышалось из
дали.

Луна плыла за дымкой облаков,
Горели звезд алмазные каменья,
В немом пруду дробились отра-
женья,
А на душе лучи сверкали снов.

То был ли бред, опять воспомина-
нья,
Прошедшее, воскресшее во мне!
Слова любви шептал ли я во сне,
Иль наяву я повторял признанья?

9

*И две мечты — невеста и жена —
В объятиях предстали мне так
живо.*

*Одна была, как осень, молчалива,
Восторженна другая, как весна.
Я полон был любовью к обеим,
К тебе, и к ней, и вновь и вновь к
тебе,
Я сладостно вручал себя судьбе,
Таинственной надеждою леле-
ем...*

*Ты помнишь ли наш путь назад
сквозь тень,
Недавних грез с разлукою слиянье,
Случайное свободное прощанье,
Промчавшийся, но возвратимый
день?*

25 сентября 1894

Chefs d'Œuvre (1894–1896)

А. Л. Миропольскому, другу давних лет

СТИХИ О ЛЮБВИ

Amorem sanat aetas prima[4]

А. Пушкин

Полдень Явы

Посв. М.

Предчувствие

*Моя любовь — палящий полдень
Явы,
Как сон разлит смертельный аро-
мат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, ле-
жат,
Здесь по стволам свиваются уда-
вы.*

*И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной заба-
вы?
Цветы дрожат, сильнее дышат
травы,*

Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —

Играть, блуждать, в венках из орхидей,

Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.

То будет смерть. — И саваном лиан

Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

Перед темной завесой

Слова теряют смысл первоначальный,

Дыханье тайны явно для души,

В померкшем зеркале твои глаза печальны,

Твой голос — как струна в сочувственной тиши.

*О погоди! — последнего признанья
Нет силы вынести, нет силы*

взять.

*Под сенью пальмы — мы два бледных
изваянья,
И нежит мне чело волос приникших
прядь.*

*Пусть миги пролетят беззвучно,
смутно,
Пред темной завесой безвестных
дней.*

*Мы — двое изгнанных в пустыне
бесприютной,
Мы — в бездне вечности чета сле-
пых теней...*

*Молчание смутим мы поцелуем,
Святыню робости нарушит
страсть.*

*И вновь, отчаяньем и счастьем
волнуем,
Под вскрик любви, в огонь рук я
должен буду пасть!*

28 ноября 1897, 1911

Измена

*Сегодня! сегодня! как странно!
как странно!*

Приникнув к окошку, смотрю я во

мглу.

Тяжелые капли текут по стеклу,
Мерцания в лужах, дождливо, туманно.

Сегодня! сегодня! одни и вдвоем!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я расстегну голубые подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетем!

Мы счастливы будем, мы будем безумны!
Свободные, сильные, юные, — мы!..
Деревья бульвара кивают из тьмы,
Пролетки по камням грохочут бесшумно.

О, милый мой мир: вот Бодлер,
вот Верлен,
Вот Тютчев, — любимые, верные книги!
Меняю я вас на блаженные миги...
О, вы мне простите коварство измен!

Прощайте! прощайте! Сквозь
дождь, сквозь ненастье,
Пойду, побегу, как безумец, как
вор,
И в лужах мелькнет мой потуп-
ленный взор:
«Угрюмый и тусклый» огонь сла-
дострастья!

14 сентября 1895

Тени

Сладострастные тени на темной
постели окружили, легли, прита-
ились, манят,
Наклоняются груди, сгибаются
спины, веет жгучий, тягучий, глу-
хой аромат.
И, без силы подняться, без воли
прижаться и вдавить свои паль-
цы в округлости плеч,
Точно труп, наблюдаю бесстыд-
ные тени в раздражающем блеске
курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцаньи колен изва-
нянья, беломраморность бедер,
оттенки волос...
А дымящее пламя взвивается в
вихре и сливает тела в разно-

цветный хаос.

*О, далекое утро на вспененном
взморье, странно-алые краски
стыдливой зари!*

*О, весенние звуки в серебряном
сердце и твой сказочно-ласковый
образ, Мари!*

*Это утро за ночью, за мигом при-
знанья, перламутрово-чистое
утро любви,*

*Это утро, и воздух, и солнце, и
чайки, и везде — точно отблеск —
улыбки твои!*

*Озаренный, смущенный, ребенок
влюбленный, я бессильно плыву в
безграничности грез...*

*А дымящее пламя взвивается в
вихре и сливает мечты в разно-
цветный хаос.*

19 сентября 1895

Все кончено...

Все кончено, меж нами связи нет...
А. Пушкин

*Эта светлая ночь, эта тихая
ночь,*

Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты пре-
возмочь,
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу, — а прозрачная
ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда,
навсегда!
Что за мысль несказанная,
странная!
Без тебя и наступят и минут го-
да,
Вереница, неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда,
никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда,
навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказан-
ная!

Сколько сладости есть в тайной
муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,

*В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, —
я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке
мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.*

14 ноября 1895

К моей Миньоне

Посв. моей Миньоне

*Знаешь, Миньона, один только
раз
Были с тобою мы близки:
Час лишь один был действитель-
ный час,
Прочие — бледные списки!*

*Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извины объятий,
Стрелка часов обозначила: «час»
На роковом циферблате!*

*В этот лишь миг, лишь един-
ственный раз,*

*Видел тебя я моею!
Как объяснить, что покинуло
нас?
Нет, не могу, не умею!*

*Ярок, как прежде, огонь твоих
глаз,
Ласки исполнены яда.
Свет озарил нас и быстро погас...
Сердце! чего ж тебе надо?*

*Нет, не всесилен любовный экс-
таз,
Нет, мы с тобою не близки!
Час лишь один был действитель-
ный час,
Прочие — бледные списки!*

11 августа 1895

Глупое сердце

Посв. Э.

«Глупое сердце, о чем же печалиться!..»

*Глупое сердце, о чем же печалиться!
Встретясь, шутили, шутя цело-
валися,
Гордой победой она не похвалит-*

ся,
В памяти счастья минуты оста-
лись...
Глупое сердце, о чем же печалить-
ся?

Тянется поле безмолвное, снеж-
ное,
Дремлют березки в безжизнен-
ном инее,
Небо нависло — уныло-безбреж-
ное,
Странно-неясное, серое, синее,
Замерло, умерло, будто бы снеж-
ное...

Глупое сердце! о чем же печа-
литься!

15 ноября 1895

Поцелуи

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

Это — камень в пенном море,
Голый камень на волнах,

Над которым светят зори
В лучезарных небесах.

Это — спящая принцесса,
С ожиданьем на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.

Это — маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.

Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисеи,
И так чисты, и так скромны
Поцелуи бел любви.

30 октября 1895

Во мгле

Страстно, в безумном порыве ко
мне ты прижалась
Страстно...
Черная мгла колыхалась
Безучастно.

Что-то хотелось сказать мне
родное, святое...

*Тщетно!
Сердце молчало в покое
Безответно.*

*Мягкие груди сильнее и сильнее
прижимались,
Жадно, —
Тени во мраке смеялись
Беспощадно.*

6 ноября 1895

Утренняя звезда

*Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!
Мы встанем с тобой при свечах,
Дитя мое!*

*На черно-безжизненный сад,
Из вышины,
Последние звезды глядят
И серп луны.*

*Еще не рассеялась мгла,
И солнца нет,
Но чара ночей отошла,
И брезжит свет.*

В томлении ждем мы, когда

*Лучи свои
Торжественно бросит звезда,
Звезда Любви.*

*Но все неизменно вокруг,
Дитя мое!
О, плачь же со мною, мой друг,
Дитя мое!*

29 октября 1895
**Воспоминания о малюточке Коре
«Умереть, умереть, умереть!..»**

*Умереть, умереть, умереть!
На таинственном фоне картины
Вырезается ярко мечеть,
Издали кричат муэдзины,
Грохот города слышен вдали...
О заветные звуки земли!*

*Озарен, весь в звездах небосвод,
Кипарисные купы поникли.
Красный Марс между веток плывет
На последнем своем эпицикле.
Холодеет скамья, словно гроб.
Знаю, знаю свой злой гороскоп!*

Ты ко мне прибежишь, проскольз-

нешь,
Вся дрожа, с беглой молнией взора.
И опять всю жестокую ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!
Мы сомкнем упоенно уста...
Но мне все предраскажет мечта!

Темный сад напоен, опьянен
Знойным запахом роз и жасмина.
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина.
Но как страшно вперед посмотреть!
Умереть, умереть, умереть!

29 ноября 1895
«Черные тени узорной решетки...»

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды — задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
Черные окна немого собора
Смотрят угрюмо на белое поле.
Здесь ты и дремлешь, малюточ-

ка Кора,
Спишь беспробудно в холодной
неволе!

Вижу я ночь твоей родины даль-
ней,
Яркое небо, в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кри-
стальной,
Ах, там живей и томительней
воздух!)
Смуглая девочка знойного Юга,
Что ты искала на Севере слепо?
Счастья, в объятиях нового дру-
га?
Но обрела лишь молчание склепа!

Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жесто-
кий!)
Верно прочел твой мучительный
жребий,
Но утаил от тебя эти строки!
Все совершилось безжалост-
но-скоро:
Звезды родные солгать не хотели!
Здесь ты и дремлешь, малюточ-
ка Кора,

Спишь беспробудно под песни мели...

Ноябрь 1895

Криптомерии

Мечтал о лесах криптомерий...

В ночной полумгле

*В ночной полумгле, и атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерии.*

*И вот — я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцаньем прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.*

*Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолгой дремотой.*

*Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!*

Встревоженный шепот: «Валерий!

*Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» — Альков голубой
Сменяет хвою криптомерий.*

Февраль 1895

ОПЯТЬ СОН

*Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.*

*Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.*

*На утесе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.*

*Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?*

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, метнув шуршащий ворох
Листьев, тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: ото ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

Ожидание

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближенье дальней бури.

Но не я поддамся страху,
Но не он нарушит слово!
И рука, сдавив наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.

Чу! как будто смутный топот!
Что нам бури! что нам грозы!
Сердце! прочь безумный ропот,
Вспомни ночь и вспомни шепот...
Гей! сюда! я здесь, дон Хозе!

15 августа 1895

На журчащей Годавери

*Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром — рано, рано —
Помоги любви и вере!*

*Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.*

*И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;
В честь твою, богиня Счастья,*

*В часть твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.
Лист широкий, лист банана,*

*Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром — рано, рано —
Амулеты все я сброшу.*

По журчащей Годавери

*Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!*

15 ноября 1804

**На острове Пасхи
Раздумье знахаря-заклинателя**

*Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
Брожу по рассеченным скалам.*

*И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной гряде,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.*

*Лица мне не видно в тумане,
По знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.*

*И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?*

Мы кто? — Жалкий род без назва-

нья!
Добыча нам — малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное — могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было.

О прошлом никто не споеет нам.
Но грозно, на каменной груди,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!

Храня океан и утесы,
Вы немы навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!

И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.

15 ноября 1895

**Прокаженный
Рисунок тушью**

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым ска-
лам;
Недалеко чернела берлога;
Были тучи стремительны; стро-
го
Ветер выл по кустам одичалым.

Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался неждан-
но.
Конь спешил, конь летел на свобо-
де,
Был ездок неподвижен и странно
Улыбался земной непогоде.

Вылетая к угрюмой берлоге,
Шевельнулся мертвец, как в тре-
воге.
Конь всхрапел, на дыбы припод-
нялся:
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

23 ноября 1894

С кометы

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе Земля

*И Луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой Земле,
Цепи гор, и леса, и поля.*

*И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли там и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.*

*Много есть у пурпурных небес, —
О мой друг, о моя красота, —
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли там и любовь и мечта?*

16 января 1895

Холм покинутых святынь

Но, встретив Холм Покинутых Святынь...

Моя мечта

*Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной
серной.
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и
мерный.
Но, встретив Холм Покинутых
Святынь,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет
травой,
И прочь идет с поникшей головой.*

23 июня 1895

Львица среди развалин Гравюра

*Холодная луна стоит над Насаргадой,
Прозрачным сумраком подернуты
пески.*

Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски
На каменный помост — дышать
ночной прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэлахрам торжественной громадой...

Царевна вся дрожит... блестят ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!

И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колони немая вереница
И посреди руин — как тень пустыни — львица.

Бронзовая статуэтка

*Далекий Сириус, холодный и
немой!*

*Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной зем-
лей,
Царишь над бедственной вселен-
ной.*

*Владыка Сириус, не внемлющий
мольбам,
Непобедимый мститель!
Пред алтарем ненужный фимиамам
Тебе затеплил твой служитель.*

*Ты чужд нам, Сириус! но твой хо-
лодный луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!*

*Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моленья
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!*

16 октября 1894

К монахине

В средние века

*Ты — монахиня! лилия бога!
Ты навеки невеста Христа!
Это я постучал в ворота,
Это я у порога!*

*Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилён, я мертв от желаний.
Все вокруг — как в багряном тумане,
Все вокруг — точно звон.*

*Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!*

*И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.*

*Но, под тем же таинственным
звоном,
Я нащупаю горло твоё,
Я сдавлю его страстно — и все
Будет кончено стоном.*

26 июля 1895

В старом Париже XVII век

*Холодная ночь над угрюмою Се-
ной,
Да месяц, блестящий в раздроб-
ленной влаге,
Да труп позабытый, обрызганный
пенной.*

*Здесь слышала стоны и звяканья
шпаги
Холодная ночь над угрюмою Се-
ной,
Смотрела на подвиг любви и от-
ваги.*

*И месяц, блестящий в раздроблен-
ной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой из-
меной...
И слышались стоны, и звякали
шпаги.*

*Но труп позабытый, обрызганный
пенной,
Безмолвен, недвижим в речном
саркофаге.*

*Холодная ночь над угрюмою Се-
ной*

*Не помнит про подвиг любви и
отваги,
И месяца, забыв, как дрожал пред
изменой,
Безмолвен, раздроблен в речном
саркофаге!*

10 августа 1895

**Анатолий
В Венеции XVIII в.**

*Я видела в окно: на маленькой
гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком жел-
тофиоли.*

*Как плавно, как легко, как сме-
ло — Анатолий
Скользил веслом по брызгам ян-
таря,
Но всплески волн чуть долетали с
воли,
И покрывали их напевы псалтыря.*

Я отошла смущенно и тревожно...

*С толпой подруг спустилась в церковь я,
По жить казалось мне смешно и невозможно.*

*О господи! да будет власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не вправе...
О сердце, замолчи... Expectans expectavi...*

24 декабря 1894

В прошлом

*Ты не ведала слов отреченья.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.*

*Бея полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.*

А потом, когда смели бичами

*Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.*

3 ноября 1804

В будущем

*Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.*

*Где-то там, на какой-то плане-
те,
Без надежды томилася ты,
М ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.*

*Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слились на миг.*

9 августа 1895

Беглец

*Израненной рукой схватившись за
карниз,
Над темной пропастью я тре-
петно повис.*

*Бесстрастно в вышине печали-
лась луна,
Стонала вдалеке беспечная волна,*

*И с этим ропотом сливалось, в
отдаленья,
Гитары ласковой унылое моленье.*

*Я посмотрел вокруг. Высокая лу-
на
В прозрачной синеве бледна и хо-
лодна.*

*Окно с решеткою, окно моей
тюрьмы.
А там... безмолвный мрак и кам-
ни в бездне тьмы!*

*И вспомнил я любовь... твоё непо-
стоянство...
И пальцы разошлись, — я кинулся
в пространство!*

25 декабря 1894

В магическом саду

*Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду*

*Бредет по знойной мостовой.
Ф. Тютчев*

*К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.*

*Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком
тих.*

*Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!*

*Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, — все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.*

*Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.*

*И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.*

*Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жад-
но,
Хватаю камни, изнемог —
И вновь упал на мягкий мох.*

*Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад — жесточе степи!
Воды! воды! — и тщетный стон
Холодным эхо повторен.*

10 февраля 1895

Будни

В тусклых днях унылой прозы...

Туманные ночи

*Вся дрожь, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накану-
не,
И в печальные строфы слагаются
буквы созвездий.*

*О туманные ночи в палящем
июне!*

*Там, вот там, на закрытой тер-
расе,
Надо мной наклонялись нажжен-
ные очи,
Дорогие черты, искаженные в
страстной гримасе.*

*О туманные ночи! туманные но-
чи!*

*Вот и тайна земных наслажде-
ний...
Но такой ли ее я ждала накануне!*

*Я дрожу от стыда — я смеюсь!
Вы солгали мне, тени!*

*Вы солгали, туманные ночи в
июне!*

12^{-13 августа 1895}

Подруги

*Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.*

*Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.*

*Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняют-
ся.*

27^{сентября 1895}

Первый снег

*Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!*

*В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.*

*Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.*

*Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.*

*Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!*

21 января 1805
Одна («В этот светлый вечер мая...»)

*В этот светлый вечер мая,
В этот час весенних грез,
Мать бога пресвятая,
Дай ответ на мой вопрос.*

*Там теперь сгустились тени,
Там поднялся аромат,
Там он ждет в тоске сомнений,*

Смотрит в темень наугад.

Поцелуи, ласки, речи
И сквозь слезы сладкий смех...
Неужели эти встречи —
Только сети, только грех?

В тусклых днях унылой прозы,
Нежеланного труда,
Час свиданья видят грезы,
Светит дальняя звезда.

Неужели искру рая
Погасить и встретить ночь?
Матерь бога пресвятая,
Ты сумеешь мне помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дева,
Горький девичий вопрос
И ответишь мне без гнева
В этот час весенних грез.

6 декабря 1895
Одна («Нет мне в молитве отрады..»)

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!
Даже с мерцаньем лампы
Борется светом луна.

*Даже и в девичьей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальной
Лики святые глядят.*

*Боже, зачем искушенье
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещеньи
Был он так дивно хорош.*

*Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.*

*Сжался, отец правосудный,
Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.*

*Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!*

21 апреля 1894

В вертепе

В сияющем изысканном вертепе,

Под музыку, сулившую канкан,
Я задремал, поникнув на диван,
И вдруг себя увидел в черном скле-
пе.

Вокруг стоял мучительный ту-
ман, —
В окно несло благоуханье степи.
Я встать хотел, — мешала боль
от ран,
И на ногах задрезжали цепи.

И что-то вдруг так ясно стало
мне,
Что горько я заплакал в полусне,
Что плакал я, смущенно просыпа-
ясь.

Опять звенит приманчиво рояль,
Мой странный сон бледнеет, рас-
плываясь,
По мне еще — кого-то — смут-
но — жаль...

1 февраля 1835

Летучая мышь

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш, —

*А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.*

*Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Все небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забудь!»*

*Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.*

*Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее — к занавеске
Приникла Летучая Мышь.*

*Вот губы сложились в заклятье...
О девы! довольно вам прясть!
Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоём поцелуе, о страсть!*

*Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь — твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!*

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там — у нее, с занавески, —
Хохочет Летучая Мышь!

27 сентября 1895

Ночью

Дремлет Москва, словно самка
спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве
раскинуты.
Кругло-тяжелые веки безжизнен-
но сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная
Яуза.

Чуешь себя в африканской пусты-
не на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли
арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в
воздухе,
То приближаются хищные пти-
цы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым
разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба воз-

мездия.
Встанешь, глядишь... а они всё
кружат
над покойником,
В небе ж тропическом ярко свер-
кают созвездия.

20 июня 1895

В камышах

Луна в облаках — далека, хороша.
Челнок неподвижен в кустах ка-
мыша.

Дробятся лучи в беспокойной ре-
ке.
Задумчиво кто-то сидит в челно-
ке.

Сияет венец вокруг холодной луны.
Чьим стоном нарушен покой ти-
шины?

В таинственных далях, как
утром, светло.
Чу! кто-то рыдает... упало вес-
ло...

22–23 октября 1895

Сумасшедший

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.

Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,
Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.

Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.

Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но люблюсь на блеск дорогой
Только я — в ледяной тишине.

Л потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

Пурпур бледнеющих губ

Медленно всходит луна,

*Пурпур бледнеющих губ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный труп.*

*Милая, о, наклонись...
Пурпур бледнеющих губ.
Клятвы возносятся ввысь...
Тиной опутанный труп.*

*Если б прижать мне к губам
Пурпур бледнеющих губ!
Звезды ли падают к нам?
Тиной опутанный труп.*

*Плачут кругом... но о чем?
Пурпур бледнеющих губ,
А на песке огневом
Тиной опутанный труп.*

*Верен был клятве своей
Пурпур бледнеющих губ...
Что ж! унесите скорей
Тиной опутанный труп!*

16 августа 1895

Часы дней

...и проклял наши дни.

Сонет к мечте

*Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.*

*Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злобный?
Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»*

*Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,*

И вновь у ног божественно-пре-
красной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со
мною!»

4 -6 сентября 1895

Мечта

О, если б я мог быть невинным,
как ты,
Как ты — отзвук лазурного эхо!

—
Беспечно видеть твои черты,
С улыбкой слушать колокольчики
смеха!

Целый день мы с тобой проводили
б вдвоем,
Наслаждаясь запущенным садом,
Бегали б в темных аллеях, — по-
том
Отдыхать садились бы рядом.

Мы были б с тобой две сестры,
Делили грезы, радость, печали,
И если б столкнулись во время иг-
ры,
Струны желанья во мне не дро-

жали б.

Ноябрь 1894

После грез

*Я весь день, всё вчера, проблуждал
по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на
стеблях у цветов;
Как звезда в вышине, я сиял, я ле-
жал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком
целовал в полусне.
Нынче я целый день все дрожу,
как больной мотылек;
Целый день от людей, как звезда в
вышине, я далек,
И во всем, что кругом, и в лучах, и
во тьме, и в огне,
Только сон, только сны, без конца,
открываются мне...*

8 июня 1895

«Когда бывшие дни я вижу сквозь туман...»

*Когда бывшие дни я вижу сквозь
туман,
Мне кажется всегда — то не мое
былое,*

*А лишь прочитанный восторжен-
ный роман.*

*И странно мне теперь, в томи-
тельном покое,
Припомнить блеск побед и боль
заживших ран:
И сердце, и мечты, и все во мне —
иное...*

*Напрасен поздний зов когда-то
милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнув-
шей и прожитой,
От горя и любви остался ряд
страниц!*

*И я иду вперед дорогою откры-
той,
Вокруг меня темно, а сзади блеск
зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орби-
той.*

22 июня 1895

Méditations[5]

*Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...*

«Хорошо одному у окна!...»

*Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.*

*И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.*

*Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — как комета — воль-
на!*

*Все могу уловить, все могу я по-
нять.*

*И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!*

5

января 1895

«Тонкой, но частою сеткой...»

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.

В страхе оглянешься — тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.

Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.

14 декабря 1894
«Облегчи нам страдания, боже!..»

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пеще-
ры
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным поко-
ем
Покрывало последнее, боже!

15 декабря 1894

«Свиваются бледные тени...»

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили нашей дороге,
Мечтались нам отблески рая...
И вот — неподвижны — у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

**«Скала к скале; безмолвие
пустыни;...»**

Скала к скале; безмолвие пусты-
ни;
Тоска ветров, и раскаленный
сплин.
Меж надписей и праздничных кар-
тин
Хранит утес два образа святыни.

То — демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью
гордыни;
Другой склонен, как падший вла-
стелин.
Внизу стихи, не стертые доныне:

«Добро и зло — два брата и дру-
зья.
Им общий путь, их жребий одина-
ков».
Неясен смысл клинообразных зна-

ков.

*Звонят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.*

Скала молчит. Ответам нет вопроса.

7 января 1895

Лирические поэмы

Снега Терцины

*Луны холодные рога
Струят мерцанье голубое
На неподвижные снега;*

*Деревья-призраки — в покое;
Не вздрогнет подо льдом вода.
Зачем, зачем нас в мире двое!*

*«Увы, Мария, навсегда
Погасли зори золотые,
Любовь скатилась, как звезда.*

*Скажи, зачем, как в дни былые,
Мы вместе? Мы в долине сна?*

Скажи, мы — призраки, Мария?»

С высот мерцанье льет луна,
По снегу вдаль уходят тени,
Ответ вопросам — тишина.

«Скажи, ты помнишь — насла-
ждений
Крутящий, неистомный пыл,
Часы любви в безумной смене?»

Твой замер взор, твой взор за-
стыл,
Дышалось астрами и садом,
В окно осенний воздух плыл...

Ты помнишь?» Голубым каскадом
Луна струит холодный блеск,
И мы скользим в молчаньи ря-
дом.

«А это утро! Тихий плеск
Реки на отмели песчаной,
Кузнечиков беспечный треск,

С полей восторг благоуханный!
Под яркой, летней синевой,
До чресл разоблаченной, стран-

ной,

Я прошептал тебе: „Я — твой!“
Ты помнишь?» Синевой одета
Луна над далью снеговой.

Мой голос умер без ответа.
Идем мы, двое, в тишине,
Под чарой голубого света.

«А день весенний! Как во сне
Сиял нам праздник первой встре-
чи.
Сказалось все — тебе и мне.

Без ласк, без клятв, без слов, без
речи,
И, как венчальные огни,
Затеплились на елях свечи!

Святыня — те былые дни!
Я изнемог. Что было, снова,
Чтоб мог воскреснуть я, верни!»

Зову в безумии. Ни слова.
Гляжу: лишь тень моя, одна,
На ткани снежного покрова.

*Как гроб, мертва и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет луна,*

На вышине сверкает Вега.

27⁻²⁹ ноября 1894

Три свидания

1

*Черное море голов колыхается,
Как живое чудовище,
С проходящими блестками
Красных шапочек,
Голубеньких шарфов,
Эполетов ярко-серебряных,
Живет, колыхается.*

*Как хорошо нам отсюда,
Откуда-то сверху — высоко-высо-
ко, —
С тобою смотреть на толпу.
Красивая рама свиданий!
Залит пассаж электрическим
светом,
Звуки оркестра доносятся,
Старые речи любви
К сердцу из сердца восторженно
просятся.*

Милая, нет, я не лгу, говоря, что
люблю я тебя.

2

В зеркале смутно удвоены
(Словно мило-неверные рифмы),
Свечи уже догорают.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, там вот, у входа.
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мрак нам в окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцелую я, милая!
Как хорошо нам в молчании!
(Нам хорошо ведь, не правда ли?)
Стоит ли жизнь, чтобы плакать
об ней!
Улыбнись, как недавно,
Когда ты хотела что-то сказать
И вдруг покраснела, смущенная,
Спряталась мне на плечо,
Отдаваясь минуте банально-пре-
красной.

А я целовал твои волосы
И смеялся. Смеялась и ты, повто-
ряя:
«Гадкий, гадкий!»

Улыбнись и не плачь!
Мы расстанемся счастливо,
У подъезда холодного дома,
Морозною ночью.
Из моих объятий ты выскольз-
нешь,
И вернешься опять, и опять убе-
жишь,
И потом, наконец,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темным ступеням.

Мать тебя дожидается,
Сидит, полусонная, в кресле.
Номер «Нивы» заснул на столе,
А чулок на коленях...
Как она вздрогнет, услышав
Ключ, затрещавший в замке!
Ей захочется броситься
Навстречу тебе, — но она,
Надвинув очки, принахмурится,
Спросит сурово:
«Откуда так поздно?» — А ты,

Что ты ответишь тогда, доро-
гая?

3

Холод ранней весны;
Темная даль с огоньками;
Сзади — свет, голоса; впереди —
Путь, во мрак убегающий.
Тихо мы идем по платформе.
Холод вокруг и холод в душе.
«Милый, ты меня поцелуешь?»
И близко
Видятся глазки за тенью слези-
нок.

Воздух разрезан свистком.
Последний топот и шум...
«Прощай же!» — и плачет, и пла-
чет,
Как в последней сцене романа.
Поезд рванулся. Идет. Все мелька-
ет.
Свет в темноту убегает.
Один.
Мысли проносятся быстро, как
тени;
Грезы, спускаясь, проходят ступе-
ни;

*Падают звезды; весна
Холодом дышит...
Навеки...*

6⁻⁷ марта 1895

Белые клавиши

*Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми паль-
цами,
Думы скитались в просторе пу-
стом,
Память безмолвно раскрыла аль-
бом,
Тяжкий альбом, где вседневно
страдальцами
Пишутся строфы о счастье бы-
лом...*

*Смеха я жаждал, хотя б и при-
творного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных
ночей
Отблески есть животворных лу-
чей,
Светит любовь и в позоре позор-
ного.*

В темную залу вхожу, одиноко,
Путник безвременный, гость
неожиданный.

Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невидан-
ный:

Слабым корсетом не стянут ис-
порченный стаи,
Косы упали свободно, лицо без ру-
мян.

«Девочка, знаешь, мне тяжело,
мне как-то рыдается.

Сядь близ меня, потолкуем с то-
бой, как друзья...»

Взоры ее поднялись, удивленье
тая.

Что-то в душе просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это — ты! Это — я!

Белые клавиши в сердце моем
Стонут и плачут, живут под уда-
рами,

Думы встают и кричат о былом,
Память дрожит, уронивши аль-
бом,

Тяжкий альбом, переполненный

старыми

Снами, мечтами о счастье свя-
том!

Плачь! я не вынесу смеха притвор-
ного!

Плачь! я не вынесу дерзких речей!
Здесь ли, во мраке бесстыдных но-
чей,

Должен я встретить один из лу-
чей

Лучшего прошлого, дня благо-
творного!

Робко, как вор, выхожу, одинок,
Путник безвременный, гость убе-
гающий.

С ласковой лаской скользит вете-
рок,

Месяц выходит с улыбкой мигаю-
щей.

Город шумит, и мой дом неда-
лек...

Блекни в сознаньи, последний ве-
нок!

Что мне до жизни чужой и стра-
дающей!

21 *августа 1895*

Me eum esse (1896–1897)

Одиночеству тех дней

Новые Заветы

«Как царство белого снега...»

*Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.*

*Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.*

*А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте — неизменно
Я молюсь неземной красоте.*

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

**«...и, покинув людей, я ушел в
ТИШИНУ...»**

*...и, покинув людей, я ушел в ти-
шину,
Как мечта одинок, я мечтами
живу,
Позабыв обаянья бесцельных на-
дежд,
Я смотрю на мерцанья сочув-
ственных звезд.*

*Есть великое счастье — познав,
утаить;
Одному любоваться на грезы
свои;
Безответно твердить открове-
ний слова,
И в пустыне следить, как восхо-
дит звезда.*

26 июня 1896

**«Я действительности нашей не
ВИЖУ...»**

*Я действительности нашей не ви-
жу,
Я не знаю нашего века,*

*Родину я ненавижу, —
Я люблю идеал человека.*

*И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к былому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.*

*Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные.*

8 июня 1896

Мучительный дар

*И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.
Е. Баратынский*

*Мучительный дар даровали мне
боги,
Поставив меня на таинственной
границе.
И вот я блуждаю в безумной тре-
воге,
И вот я томлюсь от больных
ожиданий.*

Нездешнего мира мне слышатся
звуки,
Шаги эвменид и пророчества ла-
мий...
Но тщетно с мольбой простираю
я руки,
Невидимо стены стоят между
нами.

Земля мне чужда, небеса недо-
ступны,
Мечты навсегда, навсегда невоз-
можны.
Мои упованья пред миром пре-
ступны,
Мои вдохновенья пред небом ни-
чтожны!

25 октября 1895
«**Давно ушел я в мир, где думы...**»

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне странны красочные шумы,
Страстям — в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни плен-

ной?

— Моя звезда! я только твой.

25 января 1900

II Вацио[6]

*Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.*

*Ее неземное значенье
Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;*

*Не тот, кто за дымкой прозрач-
ной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.*

*Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, —
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.*

*Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,*

*И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.*

*Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения — нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!*

27 ноября 1895

По поводу Chefs D'Œuvre

*Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошиб-
кой
Бедную книгу мою.*

*Нет! не читай этих вымыслов ди-
ких,
Ярких и странных картин:
Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.*

*О, этот ропот больных искуше-
ний,
Хохот и стоны менад!
То — к неземному земные ступе-
ни,
Взгляд — до разлуки — назад.*

*Вижу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!*

*Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее., тайно великих,
Я, покоряясь, таю.*

15 июля 1896
«Отреченного веселья...»

*Отреченного веселья
Озаренная печаль:
Это — ласковая келья,
Кропотливая медаль.*

*И, за гранью всех желаний,
Бледно-палевая даль:
Это — новых испытаний
Несказанная печаль.*

17 марта 1896

Видения

Весна

*Белая роза дышала на тонком
стебле.*

*Девушка вензель чертила на зим-
нем стекле.*

*Голуби реяли смутно сквозь при-
зрачный снег.*

*Грезы томили все утро предчув-
ствием нег.*

*Девушка долго и долго ждала у
окна.*

*Где-то за морем тогда расцвета-
ла весна.*

*Вечер настал, и земное утеши-
лось сном.*

*Девушка плакала ночью в ти-
ши, — но о ком?*

*Белая роза увяла без слез в эту
ночь.*

*Голуби утром мелькнули — и ки-
нулись прочь.*

8 января 1896

На бульваре

*С опущенным взором, в пелерин-
ночке белой,
Она мимо нас мелькнула несме-
ло, —*

*С опущенным взором, в пелерин-
ночке белой.*

*Это было на улице, серой и пыль-
ной,
Где деревья бульвара склонялись
бессильно,
Это было на улице, серой и пыль-
ной.*

*И только небо — всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом по-
кое,
Одно лишь небо, всегда голубое!*

*Мы стояли с тобой молчаливо и
смутно...
Волновалась улица жизнью ми-
нутной.
Мы стояли с тобой молчаливо и
смутно.*

22 апреля 1896

Мгновение

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!
Небесный, алмазный, сверкающий
крест, —
Один ее взгляд выше тысячи
звезд!

Я встретил на миг лишь один ее
взгляд, —
Алмазные отсветы так не го-
рят...
Я встретил на миг один ее взгляд.

О, что за вопросы виделись в нем!
Я смутно померк в венце золо-
том...
О, что за вопросы виделись в нем!

Умрите, умрите, слова и меч-
ты, — красоты
Что может вся мудрость пред
сном красоты?
Умрите, умрите, слова и мечты!

17 мая 1896

«И он взглянул, и ты уснула, и он
ушел, и умер день...»

*И он взглянул, и ты уснула, и он
ушел, и умер день;
И словно руки протянула огнем
встревоженная тень.
Слова магических заклятий за-
ветных снов не разорвут,
Ты будешь помнить бред объятий
и все, и все мечты минут,
Когда же, властный и прекрас-
ный, к тебе опять вернется он,
То будет только сон неясный, —
неясный и ненужный сон!*

18 января 1896

В трауре

*Она была в трауре с длинной вуа-
лью;
На небе горели в огне облака.*

*Черты ее нежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.*

*Но яркое небо — мираж непонят-
ный,
Но думы печали — обманы ми-
нут;*

А строгие строфы скользят

невозвратно,
Скользят и не дышат, — и вечно
живут.

4 мая 1896

Позор

Венчальные платья мы сняли,
Сронили к ногам ожерелья
И в царственной Зале Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженные, все мы
Поднять наши взоры не смели.
И только надменно горели
У нас в волосах диадемы.

23 апреля 1896

Ветви

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в
окно,
И занавеска, дрожа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голу-
бых.

— Там, где движенья и страсти

нет,
Там вечно светит нетленный
свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь
сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно од-
но...
А ветви гнутся и рвутся в окно.

19 июня 1896

Мгновения

**«И снова бредешь ты в толпе
неизменной...»**

*И снова бредешь ты в толпе неиз-
менной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна,
мгновении,
И сердце не вспомнит об них.*

*Она у окна, утомленно-больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе — ночная, зем-
ная,
Всегда сладострастная тень.*

27 апреля 1896

Туман

*Пьяные лица и дымный туман...
В дымке туманной лепечет фонтан.*

*Отзвуки смеха и грубый вопрос...
Блещут на лилиях отблески рос.*

*Клонятся красные губы ко мне...
Звезды бесстрастно плывут в вышине.*

Сентябрь 1896

Продажная

Едва ли ей было четырнадцать лет —

Так задумчиво гасли линии бюста.

*О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства!*

Альков задрожал золотой бахромой —

*Она задернула длинные кисти.
О да! ей грезился свод голубой
И зеленые листья.*

16 мая 1806

Рассвет

*День рассветает, встречая мечту...
В сумраке дня я молитву прочту.*

*Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебе отдано.*

*Женская тень на постели бледна...
Нет! я не знаю недавнего сна!*

Апрель 1896
«Эту ночь я дышал тишиной....»

*Эту ночь я дышал тишиной.
По таинственен был ускользящий сон.*

*В эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающий лик был луной озарен.*

*На заре умерла золотая луна.
На заре ты рассталась со мной.*

Ты рассталась, ушла, но жила ти-

шина...

На заре я дышал тишиной.

А *прель 1896*
«Стаял снег... земля, каменья...»

*Стаял снег... земля, каменья,
Облака и облака...*

*Где же символ возрожденья,
Детский лепет василька!*

*Смутно сонный холод дышит
Вместо вешней теплоты,
И душа моя не слышит
Обновляющей мечты.*

16 *марта 1896*
«Холод ночи; смерзлись лужи...»

*Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег заporошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.*

*Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!*

16 *марта 1896*

«Звон отдаленный, пасхальный...»

*Звон отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завесу дней.
Тихо бреду я, печальный,
В мире вечерних теней.*

*Звон отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачней, слышней...
Тихо бреду я, печальный,
С горестной думой о Ней.*

21 марта 1896

Скитания

«Мерный шум колес...»

*Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много мутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...*

*Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много мутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!*

12 апреля 1896
«Месяц бледный, словно облако...»

Месяц бледный, словно обла-
ко,
Неподвижный странный лес,
Там далеко шпиль — и около
Золотой, блестящий крест.

Поезд вьется быстро, медленно,
Скрылся лес, и нет креста, —
Но в лазури тайна месяца
Неизменна и чиста.

8 июня 1896

«Четкие линии гор...»

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы. —
Что перед ним этот прах;
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1806
Ореанда

«О, плачьте, о, плачьте...»

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!

— Высоко на мачте
Мелькает матрос.

За гранью страданий
Есть новые дни.
— Над морем в тумане
Сверкнули огни.

Желанья — как воды,
Страданья — маяк...
— Плывут пароходы
В таинственный мрак.

20 сентября 1896
Новороссийск

Вечер

Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечна душистую розу.
А. Фет.

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждет, в томленьи постоянства,
Скоро ль выйдет месяц мертвый

Целовать его пространство.

*Мысль полна глухих предчув-
ствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в ис-
кусстве
Этот миг навеки дышит!*

27 июня 1896

Кавказ

**«Есть что-то позорное в мощи
природы...»**

*Есть что-то позорное в мощи
природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.*

*Пускай же грозит океан неизмен-
ный,
Пусть гордо спят ледяные хреб-
ты:
Настанет день конца для вселен-
ной,
И вечен только мир мечты.*

Июль 1896

Крым

«Спит вагон, мерцает газ...»

*Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.*

*С юга, с юга — в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только — мертвым все равно!*

4 марта 1902

**Софии С., подарившей мне лепесток
розы**

*Лепесток отцветающей розы —
Не символ ласкательной встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.*

*Отуманены тайной печалью,
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью
Сверкающий взор вдохновенья.*

10 июня 1896, близ Симферополя в вагоне
**«Поезд врывается в древние
скалы...»**

Поезд врывается в древние скалы,

*—
Слева и справа гранит.
Вот на тропе пешеход запозда-
лый
Стал, прислонился, глядит.*

*Вырвались... Склоны, покрытые
лесом,
Домики, поле, река,
Старая кирка под черным наве-
сом.
Даль — хороша, далека.*

*Дальше... Опять надвигаются го-
ры,
Замок сошел на утес,
Черные сосны, расщелин узоры...
Грохот и хохот колес!*

31 *мая 1897, близ Магдебурга*
**«Мы ехали долго, без цели, куда-
то...»**

*Мы ехали долго, без цели, куда-то,
Куда-то далеко, вперед, без воз-
врата.
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,*

Сурово стучали под нами мосты.

*Мы ехали долго. Нам дождь по-
встречался*

*И долго в оконные стекла стучал-
ся,*

Угрюмо пророча печаль...

*Но мы ускользнули за области бу-
ри,*

*И к чистой лазури мы ринулись
вдаль!*

А *прель 1896*

Ненужная любовь

**«И снопа дрожат они, грезы
бессильные...»**

*И снопа дрожат они, грезы бес-
сильные,*

*Бессильные грезы ненужной люб-
ви;*

*Как сестры, как братья, ряды ки-
парисные*

Задумчиво слушают думы мои;

*С упрёком лаская тростинки ро-
систые,*

О будущем горе лепечут ручьи,

*А в сердце дрожат невозможные,
чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.*

5 июля 1806

«Сквозь туман таинственный...»

*Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!*

*Тихо наклоняется
Призрак надо мной,
Призрак улыбается,
Бледный и земной.*

*Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!*

10 июля 1896

«В лабиринте аллея...»

*В лабиринте аллея,
Между скал и развалин,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печален.*

*Миг заветный придет...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнет,
И она улыбнется.*

*В полуночи аллея,
До луны и до света,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь от привета.*

26 августа 1896

«Я помню вечер, бледно-скромный...»

*Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгинов,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.*

*Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.*

22 июля 1896

«Побледневшие звезды дрожали...»

*Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,*

*И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.*

*По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.*

24 июня 1896

«Почему я только мальчик...»

*Почему я только мальчик,
Бедный мальчик, так влюблен-
ный
В это ласковое море,
В этот берег обновленный!*

*Почему я только мальчик,
В глубине души таящий
Радость странную, и горе,
И восторг любви томящей!*

*Почему я только мальчик,
Почему сказать не смею,
Как ее люблю я тайно,
Как в тиши люблюсь ею!*

*Почему я только мальчик,
Почему ее люблю я,*

*Почему во мгле случайно
Не встречаю поцелуя!*

«Меж скал разбитых...»

*Меж скал разбитых, —
Один! один!
Блаженств забытых
Я властелин.*

*Там, у платана,
Прошла она,
Дождем фонтана
Окроплена.*

*Она глядела
Печально вдаль,
Где чуть темнела
Небес эмаль.*

*Она хранила
В руке цветок,
И обронила
Там лепесток.*

*Я у бассейна
Его поднял,
Благоговейно
Поцеловал.*

*Листок случайный,
Ты мой! со мной!
И кроет тайны
Навес ночной.*

1896, Кисловодск
«Это было безумие грезы...»

*Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье,
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстра-
стья.*

*Не ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отра-
ды,
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.*

*Неизвестный, осмеянный, стран-
ный,
Я изведаль безмерное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказан-
ной
И свободным восторгом бесстра-
стья.*

27 августа 1806

Ангел бледный

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шепот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! — гимн нескром-
ный
Я тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

«Мы бродили, вдвоем и печальны...»

*Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...*

*Желтоватый, безжизненный ме-
сяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней — утомлен и невесел*

*—
К отдаленным кустам отсту-
пил.
Желтоватый, безжизненный ме-
сяц
За стволами взошел и застыл.*

*Ты хотела сказать... Невозмож-
ным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща, зашептала трава,
Диссонансом больным, невозмож-
ным
В тишине прозвучали слова.*

*И опять — набегаящий сумрак
Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц — угрюмо*

—
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896
Пятигорск

«ЭТО МАТОВЫМ ВЕЧЕРОМ МАЯ...»

*Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула: «Твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспо-
миная,
Что и нынче волнуюсь я.*

*С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;*

*Я одною мечтою волнуем:
Умереть, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поце-
луем
К дорогим побледневшим губам.*

9 сентября 1896
Москва

Веянье смерти

«И ночи и дни примелькались...»

*Последний день
Сверкал мне в очи.
Последней ночи
Встречал я тень.
А. Полежаев*

*И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.*

*И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взгля-
дом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.*

*Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
— Так медленно гроб забивают.*

12 января 1896

«После ночи бессонной...»

*После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.*

*Полутьма не редет,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.*

*Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.*

*Все грядущее грозно,
Нет надежды в былом,
Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.*

*Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.*

8 декабря 1895

Последние слова

*И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие
уныло...*

Опять, опять пишу унылые слова.

*Но не забыто все, что грезилось и
было!*

*Пусть будущего нет, пусть зав-
тра — не мое,*

*Но не забыто все, что грезилось и
было.*

*Теперь не жизни жаль, где я изве-
дал все:*

*Победу и позор, и все изгибы чув-
ства, —*

*Нет, мне не жизни жаль, где я из-
ведал все.*

*Но вы, мечты мои! провиденья ис-
кусства!*

*Ряды замысленных и не свершен-
ных дел!*

*Вы, вы, мечты мои, провиденья
искусства!*

*Как горько умирать, не кончив,
что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам
идеала! —
О, горько умирать, не кончив, что
хотел...*

*Так много думано, исполнено так
мало!*

23 июля 1896

Посв. ***

*Мне снилось: мертвенно-бессиль-
ный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.*

*И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.*

22 июня 1895

Записка самоубийцы

*Завтра, когда мое тело найдут,
Плач и рыдания поднимутся тут.*

*Станут жалеть о судьбе дарова-
ний,*

*Смерть назовут и случайной и
ранней,*

*И, свои прежние речи забыв,
Станут мечтать, как я был бы
счастлив.*

*Только одни стебельки имморте-
ли
Тихо шепнут о достигнутой цели.*

2 июля 1894

«Кончено! кончено! Я побежден....»

*Кончено! кончено! Я побежден.
— Смейтесь!*

*Погас, погас весенний сон...
Листья осенние, вейтесь!*

*Медленно всходит былая луна,
Всходит...*

*Горит в огнях, горит волна;
Челнок опрокинутый бродит.*

*Утром наляжет на ропотный лес
Иней,*

*И, все в крови, — укор небес —
Солнце взойдет над пустыней.*

17 декабря 1895
«...я вернулся на яркую землю...»

*...я вернулся на яркую землю,
Меж людей, как в тумане, брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.*

*Но за ропотом снежной метели
И под шепот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфodelей,
Залетейских немых берегов.*

*И в сияньи земных отражений
Мне все грезятся — ночью и днем
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.*

21 января 1896
«Я бы умер с тайной радостью...»

*Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.*

*Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный*

Повторенных слов и дум.

*Грань познания и жалости
Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.*

*И все новой, странной сладостью
Овеивает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.*

14 июля 1898
«Ни красок, ни лучей, ни аромата...»

*Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых
роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!*

*Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без
грез,
Без слез!*

Последний луч в предчувствии за-

ката
Бледнеет... Ночь близка... Померк
утес.
Мне все равно. Не надо — ни воз-
врата,
Ни слез!

10 декабря 1898

В пути

«Сумрак за черным окном...»

Сумрак за черным окном
В полночь тоскливо погас.
Думы овеяны сном
В этот загадочный час.

Страницы жизни, мечты
Около длинных гробниц,
В склепе бывлой красоты,
Пали, простерлися ниц.

Звук заклинающих слов,
Дрогнув среди тишины,
Тихо коснулся гробов,
Словно улыбка луны.

В девственно чистых венцах,
В белом сияньи одежд

*Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд.*

*Очи глядят на меня,
Руки тревожно дрожат...
Сладко предчувствие дня,
Томен цветов аромат.*

*Сердце, зачем, о, зачем
Ты умираешь во сне!
Сумрак, бесстрастен и нем,
Тускло глядится ко мне.*

25 января 1896

«Тайны мрака побледнели...»

*Тайны мрака побледнели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.*

*И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья, —
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,*

*И дрожат во мгле сознанья
Исступленные желанья.*

12 февраля 1896
«Прохлада утренней весны...»

*Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны.*

Бреду в молчаньи одиноком.

*О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.*

Бреду в молчаньи одиноком.

*О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.*

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896
«Из бездны ужасов и слез...»

Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханью роз
И бледно-палевых камелий.

Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;
Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятий, —
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объят-
ий,
Нагие, страстные тела...

Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастны,
—
Покорно-холодны слова!

Май 1806

«Последние думы...»

Последние думы
О яркой земле
Витают, угрюмы,
В безжизненной мгле;

Зловещи и хмуры,
Скользят меж теней,
Слепые лемуры
Погибших страстей;

Шныряют как совы
В сиянии дня, —
Готовы, готовы
Вонзиться в меня!

Но мысль отгоняет
Невольный испуг:
Меня охраняет
Магический круг,

И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом.

Сентябрь 1806

«Не плачь и не думай...»

Не плачь и не думай:
Прошедшего — нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер

*И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.*

*Что вечно — желанно,
Что горько — умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.*

9 сентября 1896

**«В час, когда гений вечерней
прохлады...»**

*В час, когда гений вечерней про-
хлады
Жизнь возвращает цветам,
К Озеру Снов, по знакомым тро-
пам,
Медленно тянутся гады.*

*Там они, в ясной и чистой тиши,
Водят круги омерзительной пляс-
ки,
Правят под месяцем липкие лас-
ки,
Слизью сквернят камыши.*

*В жуткой тревоге святые виде-
нья*

*К небу восходят, как белый туман;
Сны мои черны, — и снова я пьян
Мутным вином искушенья.*

«О, когда бы я назвал своею...»

*О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
По и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.*

*Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной без-
дной
На миг дрожал.*

*Он ушел, как в пустую безбреж-
ность,
Во глубь стекла...
И опять для меня — безнадеж-
ность,
И смерть, и мгла!*

28⁻²⁹ октября 1897

Завершение

Годы молчания

Есть для избранных годы молчания.

*Они придут —
И осудят былые желания...
О, строгий суд!*

Но томленье о благе единственном

*Не явит нам,
Как пройти переходом таинственным
К иным мечтам.*

В лабиринте блуждая, бессильные,

*Собьемся мы,
И заманят нас в глуби могильные
Соблазны тьмы!*

13 декабря 1896
«И в ужасе я оглянулся назад...»

*И в ужасе я оглянулся назад,
И понял безумие жизни.*

— Померк! да, померк торже-

ствующий взгляд,
Ты понял безумие жизни!

О голос безвестный, ответь мне,
молю:
Что правда, где путь, в чем спасе-
нье?
— Спасутся — творящие волю
мою,
Кто против — тем нет и спасе-
нья!

В безумии жизни я не был рабом,
Не буду и ради блаженства!
— Блуждай же, безумец, в томле-
ньи пустом:
Тебе не изведать блаженства!

17 октября 1896
«Еще надеяться — безумие....»

Еще надеяться — безумие.
Смирись, покорствуй и пойми;
Часами долгого раздумия
Запечатлей союз с людьми.

Прозрев в их душах благодатное,
Прости бессилие минут:
Теперь уныло-непонятное

Они, счастливые, поймут.

Так. Зная свет обетования,
Звездой мерцающий в ночи,
Под злобный шум негодования
Смирись, покорствуй и молчи.

26 мая 1897

Обязательства

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презренье — бесстрастие — нежность —
Эти три, — вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.

14 января 1898

Отречение

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И Голос — угрюмый оракул —
«Довольно!» сегодня сказал.

«Довольно! надежды и чувства
Отныне былым назови,
Приветствуй лишь грезы искусства,
Ищи только вечной любви.

Ты счастьем назвал волненье,
Молил у страданий венца,
Но вот он, твой путь, — отрече-
нье,
И знай: этот путь — без конца!»

18 июля 1896

Числа

Не только в жизни
богов и демонов раскрывается
могущество числа.

Пифагор

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мыс-
ли,
Проникли — вне сознания — дале-

ко,
Туда, где светят царственные
числа.

Предчувствие разоблачает тай-
ны,
Проводником нелицемерным све-
тит:
Едва откроется намек случай-
ный,
Объемлет нас непересказный тре-
пет.

Вам поклоняюсь, вас желаю, чис-
ла!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохнове-
нья!

10⁻¹¹ августа 1898

Строгое звено

А. Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой — те же зве-

нья!

Мы все, мы все переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!

За снами страсти — суждено
Всем подступить к заветным
тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!

20 июля 1899
«Я прежде боролся, скорбел...»

Я прежде боролся, скорбел,
Но теперь я жду.
Я сознал заветный предел,
Забыл вражду.

Остановить, что быть должно,
Нет сил.
Тому бороться смешно,
Кто победил.

Если победа судьбой дана,
Знай и смирись.
Так меня — безвольно волна

Возносит в высь.

11 января 1809

Лирические поэмы

Идеал

1

*Ее он увидел в магический час;
Был вечер лазурным, и запад по-
гас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным на-
весом.
В таинственном храме весенних
теней,
Мечтатель, он встретился с гре-
зой своей.*

2

*Они обменялись медлительным
взглядом...
И девичьим, белым, прозрачным
нарядом
Она замелькала меж тонких
стволов,
И долго смотрел он, — без грез и*

без слов,
Смотрел, наслаждаясь представ-
шим виденьем,
Смотрел, отдаваясь наставшим
мгновеньям.

3

Сияньем их жизнь озарилась с тех
пор,
Как будто на небе застыл ме-
теор;
И стали их дни многоцветны и
ярки,
Как радостных радуг воздушные
арки;
Им были слепительны думы и
сны,
Как пышное утро расцветшей вес-
ны!

4

Но в чистые дали их робких меч-
таний
Не смело проникнуть желанье
свиданий:
В открытых просторах их дев-

ственных грез
Клонились цветы под наитием
рос,
Шептала волна на побережьи ла-
гуны,
Чуть слышно звенели незримые
струны.

5

И дивное счастье поведал им бог.
Вдали от людей и от шумных
тревог,
В молчаньи лесном, убаюканном
тайной,
Друг с другом они повстречались
случайно.
Так в старой беседке, игрой ветер-
ка,
Друг с другом сплетаются два ле-
пестка.

6

И, точно друзья после долгой раз-
луки,
Они протянули уверенно руки,
И все, о чем каждый мечтал сам

с собой,
Другой угадал вдохновенной ду-
шой.
И были не нужны ни клятвы, ни
речи
При этой короткой задумчивой
встрече.

7

То был мотылек, пилигрим вече-
ров,
Который подслушал прощанье без
слов;
То было смущенное облачко мая,
Которое, в дали лазоревой тая,
Над лилией видело алый цветок:
Улыбку, склоненную к трепету
щек!

8

И больше они никогда не встреча-
лись!
Но светлой святыней в их душах
остались
Блаженные тени мгновенного
дня...
И жили они, эту тайну храня,

*И память о жизни, о горестной
жизни,
Была их наградой в небесной от-
чизне.*

16 декабря 1894

Сон пророческий

*В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было
смутно.*

*Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумруд-
ной.*

*Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сие, в томительном
тумане*

*Неясных форм, неверных очерта-
ний,*

*И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвяз-
ных.*

*Мой бедный ум, как зимний пили-
грим,*

Изнемогал от тщетных напряжений.

Мир помыслов и тягостных сомнений,

Как влажный снег, носился перед ним;

Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер

На берегу шипел и рассыпался.

В гирляндах искр туманно означался

Безумных ведьм неистовый собор.

А я лежал, безвольно распротертый,

Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней

Сидел вокруг задумчивым советом.

Десятки рук над потухавшим светом

Тянулись в дым и грелись у огней;

*Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.*

*И вот одна, покинув страшный
круг,
Приблизилась ко мне, как демон
некий.*

*Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, — и
вдруг*

*Я расслышал, как труп на дне
гробницы,
Ее слова, — как заклинанья жри-
цы.*

*«Ты будешь жить! — она сказала
мне. —*

*Бродить в толпе ряды десятиле-
тий,*

*О, много уст вопьются в губы
эти,*

*О, многим ты „люблю“ шепнешь
во сне!*

*Замрешь не раз в порыве страсти
пьяном...*

*Но будет все — лишь тенью, лишь
обманом!*

Ты будешь петь! Придут к твоим
стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно по-
ставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажгет ты над ту-
маном...
Но будет все — лишь тенью, лишь
обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных
богов
Единоگو искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих
песков.
Поверишь ты, что стал над Иор-
даном...
Но будет все — лишь тенью, лишь
обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как
рухнуть, вспыхнул,
И шепот ведьм в беззвездной ночи
стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег

опять.
Вновь понеслись бесформенные
тени,
И лишь в окно вливалась песнь си-
рени.

19 января 1896

Tertia Vigtlia (1898–1901)

Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших.

Возвращение

Возвращение

*Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев.
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.*

*Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.*

*Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.*

*И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я — в шуме слов, я — в суете.*

Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» — решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты — наяву, и ты — во сне.

Но если, страстный, в миг завет-
ный,
Заслышу я мои трубный звук, —
Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле про-
тиворечий,
Не обессилел ум в сцепленьях ро-
ковых.
Я все мечты люблю, мне дороги

все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Ге-
кате,
Как жрец, стотельчих жертв
сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям
распятый
И славил сильную, как смерть,
любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудре-
цов;
Как верный ученик, я был ласкаем
всеми,
Но сам любил лишь сочетанья
слов.

На острове Мечты, где статуи,
где песни,
Я исследил пути в огнях и без ог-
ней,
То поклонялся тем, что ярче,
что телесней,
То трепетал в предчувствии те-
ней.

*И странно полюбил я мглу про-
тиворечий
И жадно стал искать сплетений
роковых.
Мне сладки все мечты, мне доро-
ги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...*

24 декабря 1899
«Ребенком я, не зная страху...»

*Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пря-
ху,
И полюбил ее кудель.*

*И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.*

*То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистая тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.*

*Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,*

*И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!*

21 октября 1900

Любимцы веков

Ассаргадон Ассирийская надпись

*Я — вождь земных царей и царь,
Ассаргадон.*

*Владыки и вожди, вам говорю я:
горе!*

*Едва я принял власть, на нас вос-
стал Сидон.*

*Сидон я ниспроверг и камни бро-
сил в море.*

*Египту речь моя звучала, как за-
кон,*

*Элам читал судьбу в моем еди-
ном взоре,*

*Я на костях врагов воздвиг свой
могучий трон.*

*Владыки и вожди, вам говорю я:
горе!*

Кто превзойдет меня? кто будет

равен мне?
Деянья всех людей — как тень в
безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская
забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная
слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь —
Ассаргадон.

17 декабря 1897

Халдейский пастух

Отторжен от тебя безмолвием
столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой
друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь
вокруг,
Торжественную ночь при тихом
звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с
вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и
числишь,
Предвидишь их круги, склонения...

Ты мыслишь,
И таинства миров ясняют для
ума.

Божественный пастух! среди ти-
ши и мрака
Ты слышал имена, ты видел гор-
ний свет:
Ты первый начертал пути своих
планет,
Нашел названия для знаков Зодиа-
ка.

И пусть безлюдие, нагая степь во-
круг;
В ту ночь изведаль ты все счастье
дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на
мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвест-
ный друг!

7 ноября 1898

**Рамсес
Отрывок**

По бездорожьям царственной пу-
стыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.

Лежал песок, за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и си-
ни...

Меж небом и землей я был так
мал.

И, встретив памятник, в песках
забытый,
Повергся я на каменный помост.
Палили тело пламенные плиты,
И с неба падал дождь огнистых
звезд.

По в полумгле томительного бре-
да

Нащупал надпись я на камнях
тех:

Черты, круги, людские лики, гри-
фы —

Я разбирал, дрожа, гиероглифы:
«Мне о забвеньи говорят, — о,
смех!

Векам вещают обо мне победы!»

И я смеялся смыслу знаков тех
В неверной мгле томительного
брета.

— Кто ты, воитель дерзкий? Дух

тревожный?
Ты — Озимандия? Ассаргадон?
Рамсес?

Тебя не знаю я, твои вещанья
ложны!
Жильцы пустынь, мы все равно
ничтожны
В веках земли и в вечности небес.

И встал тогда передо мной Рам-
сес.

.....

Сентябрь 1899

Жрец Изиды

Я — жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной
дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье

Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фи-
вы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый,
сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решенье...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть — и по мог...

*Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.*

*Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели, —
Но пристань видел я — пустой!*

*И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все светлело вокруг, —
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...*

*Я — жрец, Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.*

9 марта 1900

Психея

*Что чувствовала ты, Психея, в
оньй день,
Когда Эрот тебя, под именем су-
пруги,
Привел на пир богов под неземную
сень?
Что чувствовала ты в их олим-
пийском круге?*

*И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!*

*И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!*

23 декабря 1898

Цирцея

*Я — Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.
Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.*

*В полусне сладострастья ослаб-
ляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и ог-
ней.
Словно шум водопадов, словно
встали пожары, —
И туманят, и ранят, всё больней,
всё страшней.*

*И так сладко в бессильи неземных
содроганий,
Испивая до капли иступленную
страсть,
Сохранять свою волю на отме-
ченной грани
И над дерзостной силой сохра-
нять свою власть.*

1 августа 1899

Кассандра

*Пророчица Кассандра! — тень
твоя,
Путь совершив к благословенной
Лете,
Не обрела утех небытия,
И здесь твои мечты горят огнем
столетий.*

Твой дух живет в виденьях луч-
ших дней,
Ты мыслью там, близ Иды, у Ска-
мандра,
Ты ищешь круг тебе родных те-
ней,
Поешь в Аиде им, пророчица Кас-
сандра!

Зовешь вождей и, Фебом вновь
полна,
Им славись месть, надеждой
пламенея, —
Что примут казнь ахейцев племе-
на,
Во прах повергнуты потомками
Энея!

Но влага Леты упоила всех,
И жажду мести пробуждать в
них тщетно!
Уста героев гнет загробный смех:
Ты славись — все молчит, зо-
вешь — и безответно!

8 марта 1898, 1923

Моисей

Я к людям шел назад с таин-

ственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.

Я верил, что толпа надеется и ждет...

Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот

О камни я разбил ненужные скрижали

И проклял навсегда твой избранный народ.

Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь

Скрижали истесать. Ты для толпы преступной

Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, — мне недоступна

Она. Как ты сказал, так я исполню все,

Но вечно, как любовь, — презрение
мое.

25 апреля 1898

Александр Великий

Неустанное стремленье от судь-
бы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я — дро-
жа — молюсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле
древних Гавгамел,
Ты мечтой, в ряду героев, безус-
ходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час ино-
го торжества.
Были буйственные клики, ропот
против божества.

И к войскам ты стал, как солнце:
ослепил их грозный
взгляд,
И безвольно македонцы вдруг от-
прянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли,
кем вы были, что теперь!

Как стада, в полях бродили, в ча-
щу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу
мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в
Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я ми-
лостью мечей?
Мне державство отдал Дарий!
скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! разме-
чите бранный стан!
Дома детям расскажите о красо-
тах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про
пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где
вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но — Ам-
мона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я
останусь и один».

*От курений залы пьяны, дышат
золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев
стихает и умолк.*

*Царь семнадцати сатрапий, царь
Египта двух корон,
На тебя — со скриптром в лапе —
со стены глядит Аммон.*

*Стихли толпы, колесницы, на рав-
нину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взвол-
новался шумный стан.*

*В поле стон необычайный, молят,
падают во прах...
Не вздохнул ли, Гордый, тайно о
своих ночных мечтах?*

*О, заветное стремленье от судь-
бы к иной судьбе.
В час сомненья и томленья я
опять молюсь тебе!*

Ноябрь 1899

Ламия

В дни весенних новолуний

Приходи, желанный друг!
На горе ночных колдуний
Соберется тайный круг.

Верны сладостной Гекате,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятий,
Будешь с нами до утра.

Всех красивей я из ламий!
Грудь — бела, а губы — кровь.
Я вопьюсь в тебя губами,
Перелью в тебя любовь.

Косы брошу я, как тучу, —
Ароматом их ты пьян, —
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, как ураган.

А потом замру, застыну,
Буду словно теплый труп,
Члены в слабости раскину,
Яства пышные для губ.

В этих сменах наслаждений
Будем биться до утра.
Утром сгинем мы, как тени,
Ты очнешься у костра.

*Будешь ты один, бессильный...
Милый, близкий! жаль тебя!
Я гублю, как дух могильный,
Убиваю я, любя.*

*Подчинись решенной плате:
Жизнь за ласку, милый друг!
Верен сладостной Гекате,
Приходи на тайный луг.*

1⁹⁰⁰

Амалтея

*Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,*

*И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,*

*Живет сибилла. Судьбы всей все-
ленной
Пред ней проходят, — лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгно-
венной.*

И этой сменой снов потрясена,

*Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она*

*И звуки слов, и вещи виденья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишет, и дрожит от исступле-
нья,*

*И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом,
злобно,
Она его бросает и, едва*

*Успев взглянуть, берет другой, по-
добный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть
дыша.
А ветер скал лепечет стих над-
гробный,*

*Взвывает свитки и влечет, шур-
ша.*

15 февраля 1898

Скифы

*Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли*

бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне легко далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам при-
учен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики,
—
На куске сбереженного кварца

Начерчу я новые лики.

*Я буду как все — и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в дружину.*

*Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.*

29 ноября 1899

Клеопатра

*Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать
лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит
гробница.*

*В деяньях мира мой ничтожен
след,
Все дни мои — то празднеств ве-
реница,
Я смерть нашла, как буйная блуд-
ница...
Но над тобой я властвую, поэт!*

*Вновь, как царей, я предаю томле-
нию
Тебя, прельщенного неверной те-
нию,
Я снова женщина — в мечтах
твоих.*

*Бессмертен ты искусства дивной
властью,
А я бессмертна прелестью и
страстью:
Вся жизнь моя — в веках звеня-
щий стих.*

Ноябрь 1899

Старый викинг

*Он стал на утесе; в лицо ему ве-
тер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими
брызгами пены.
И вал возносился и рушился, бело-
головый,
И море стучало у ног о гранит-
ные стены.*

*Под ветром уклончивым парус
скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой*

без непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ни-
ми все ширилось море,
А голос морской разносился, как
воплъ похоронный.

Там, там, за простором воды
неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, вновь гря-
нут губящие битвы,
Ему же коснетъ безопасно под
кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко
лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей
уплывают
В страну, недоступную больше
мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не
сзывают,
Кто должен мириться со славой,
уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и
сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные
косные стены,

Когда уплывает корабль среди
шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется
брызгами иены.

12 июля 1900

Данте

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презре-
нья
Встречают голос и родных теней.

Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.

Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звери-
ный,
Я слышу вой во славу их побед

(То с гвельфами боролись гибелли-
ны!).

И в эти годы с ними жил и он, —
На всей земле прообраз наш еди-
ный.

Подобных знал он лишь в дали

времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем, — безобразный
сон.

Мечтательный, на девушку похо-
жий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились
строже.

Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут
владыки
И усмирят бессмысленных детей.

Под звон мечей, проклятия и кри-
ки
Он меж людей томился, как в
бреду...
О Данте! о, отверженец великий,
—

Воистину ты долго жил — в аду!

6 октября 1898

Данте в Венеции

По улицам Венеции, в вечерний

Неверный час, блуждал я меж
толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах
тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных стро-
ений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколе-
ний.

И, словно унесенный в лунный
свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский
привет...

В тот вечер улицы кишели лю-
дом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским со-
судом.

Бесстыдно раздавался женский

смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной воз-
ник.

— Так иногда с утеса глянут пти-
цы, —

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветлен-
но-страстный,
Без возраста — не мальчик, не
старик.

И жалким нашим нуждам не при-
частный,
Случайный отблеск будущих ве-
ков,
Он сквозь толпу и шум прошел,
как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткры-
лись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

Флоренция Декамерона

*Вы, флорентинки прошлых
дней! — о вас
Так ясно я мечтал в обманах лун-
ных,
О быстром блеске ваших крупных
глаз.*

*Сады любви в тиши оград чугу-
ных,
Певучий говор и жемчужный
смех,
Рассказы с перебоем песен струн-
ных.*

*Принцессы, горожанки — здесь у
всех
Веселость, острый ум, и взор лу-
кавый,
И жажда ненасытная утех.*

*Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была заба-*

вой!

*Вам было непонятно слово
«стыд»!*

*Среди земных красот, земных ве-
личий*

*Мне флорентинки близок лживый
вид,*

И сладостно мне имя Беатриче.

21 июля 1900

Астролог

*Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают пла-
неты.*

*Вкруг меня движется сумрак ноч-
ной...*

*Тени ли мертвые светом согре-
ты?*

*Вот проступают телесней, ясней
Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных
кудрей...*

*Сдержанный хохот, чуть слыш-
ные речи.*

Вот обозначился белый хребет,

Груди повисли, согнулись колени...

*В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...*

29 декабря 1899

Баязет

Тимур, прочтя оскорбительное письмо Баязета, воскликнул: «Сын Мурата сошел с ума».

*Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долин,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.*

*И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.*

Февраль 1899

Дон Жуан

Да, я — моряк! искатель остро-
вов,
Скиталец дерзкий в неоглядном
море.
Я жажду новых стран, иных цве-
тов,
Наречий странных, чуждых плос-
когорий.

И женщины идут на страстный
зов,
Покорные, с одной мольбой во взо-
ре!
Спадает с душ мучительный по-
кров,
Всё отдают они — восторг и горе.

В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, как вам-
пир!
Но каждая душа — то новый мир
И манит вновь своей безвестной
тайной.

12 мая 1900

Мария Стюарт

О, если б знала ты, что пред то-
бою было,
Когда бежал корабль к туманной
полосе,
От милой Франции к Шотландии
немилой,
Все беды, весь позор и униженья
все!

Любила ты балы и пышный чин
обеден,
И отдалась стране, где властву-
ет туман,
Где в замках дедовских строй
жизни хмур и беден
И где звучат псалмы угрюмых пу-
ритан.

Ты страсти жаждала, как неба
жаждут птицы,
Вся подчинялась ей, тонула в яр-
ких снах, —
И слышала в ответ название
блудницы,
И твой возлюбленный погиб в
твоих руках.

Потом, захвачена соперницей над-

менной,
В тюрьме ты провлекла семна-
дцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам,
смиренно,
Припала ты рабой... И смерть бы-
ла ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем
омертвелым,
У плахи слушала последних вер-
ных плач.
Но солгала и смерть: твоим без-
главым телом
В последний раз насытился палач.

1⁹⁰¹

Разоренный Киев

Четыре дня мы шли опустошен-
ной степью.
И вот открылось нам раздолие
Днепра,
Где с ним сливается Десна, его
сестра...
Кто не дивится там его велико-
лесью!

Но было нам в тот день не до

земных красот!
Спешили в Киев мы — разграблен-
ный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от
церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Зо-
лотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем
объяты,
Среди развалин тех, рыдая о бы-
лом;
Мы утром все в слезах пошли сво-
им путем...
Еще спустя три дня открылись
нам Карпаты.

3 ноября 1898

О последнем рязанском князе Иване Ивановиче

Ой вы, струночки — многозвонча-
ты!
Балалаечка — многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты,
нонче ты...

Как рязанский князь под замком
сидит,
Под замком сидит, на Москву
глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без ви-
ны полонен,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский на-
род,
Провожал, смеясь, от Калужских
ворот.

А ему, князю, подобает честь:
В старшинстве своем на злат-
стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом —
лучи!
Поклоняются князья — Монома-
ховичи.
По и тех любить всей душой он
рад,
В племени Рюрика всем старший
брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд
воевать!

Па коне он сам поведет свою рать
Па Свею, на Литву, на поганый
Крым...

(А не хочет кто, отъезжай к дру-
гим!)

Споют гусяры про славную
брань,
Потешат, прославят древнюю
Рязань.

Но кругом темно — тишина, —
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Оль-
гович.

Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь на кремлевский
ров.

Ой вы, струночки — многозвонча-
ты!

Ой подруженька — многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нон-
че ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

Наполеон

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступить глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя.
И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.

Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,

И пал, бессильный, на утес, —

*Где, на раздольи одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!*

26 *апреля 1901*

У моря

**Крым 1898–1899 г, Ревель
(Катериненталь) 1900 г**

«Волны взбегают и пенятся...»

*Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.*

*Только что в дали сверкающей
Видел волны зарожденье,
Миг — и с волной отбегающей
Тихо грохочут каменя.*

18 *апреля 1898* **«Звезда затеплилась стыдливо...»**

*Звезда затеплилась стыдливо,
Столпились тени у холма;*

*Стихает море; вдоль залива
Редает пенная кайма.*

*Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.*

20 *апреля 1898*
«У перекрестка двух дорог...»

*У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.*

*Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К побережью вольного залива.*

21 *апреля 1898*
«Где подступает к морю сад...»

*Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.*

Там дышат лавры и миндаль

При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898
«**День растоплен; море сине...**»

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.

Под столетним кедром — тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

24 июня 1898
«**Весь день был тусклый, бледный
и туманный...**»

Весь день был тусклый, бледный и
туманный;
Шли облака в уныло-смутной
смене;
Свет солнца был болезненный и
странный,
И от деревьев не ложилось тени.

И лишь под вечер солнце мимо-

летно

*Вдруг озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло в надежде безот-
четной...*

*Но тьма настала, и смежились
взоры.*

24 июня 1898
«Месяца свет электрический...»

*Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.*

*Волны избегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут, разбитые, пенные...*

*Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.*

21 апреля 1898
«Словно птица большая...»

*Словно птица большая
Неизведанных стран,*

*Поднялся, улетая,
Беспощадный туман.*

*Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался
И исчез за водой.*

*Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.*

13 мая 1898

**«Лежу на камне, солнцем
разогретом...»**

*Лежу на камне, солнцем разогре-
том,
И отдаюсь порывам теплым вет-
ра.
Сверкают волны незнакомым све-
том,
В их звучном плеске нет родного
метра.*

*Смотрю, на волны; их неверных
линий
Не угадав, смущен их вечной сме-*

ной...
Приходят волны к нам из дали си-
ней,
Взлетают в брызгах, умирают
пенной.

Кругом сверканье, говор и движе-
нье,
Как будто жизнь, с водой борьба
утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл
волненья,
А морю не понять моих вопросов.

28 апреля 1898
«Кипит встревоженное море...»

Кипит встревоженное море,
Мянутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

27 июня 1899
«Волны приходят, и волны

УХОДЯТ...»

*Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.*

*По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.*

Много столетий близ отмели дикой

Дремлют в развалинах римские стены.

*Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.*

30 июня 1899

«Обошла тропа утес...»

*Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц, и диких коз.*

*Впереди редееет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.*

21 июля 1899

«Небо чернело с огнями...»

*Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.*

*Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!*

1 899

«Белый цвет магнолий...»

*Белый цвет магнолий
Смотрит, как глаза.
Страшно жить на воле:
Чуется гроза.*

*Волны, словно стекла,
Отражают блеск.
Чу! в траве поблеклой
Ящерицы треск.*

*Вкруг смотрю смущенно,
Взор в листву проник:
Там к цветку склоненный*

Юный женский дик.

1⁸⁹⁹

«Облака цепляются...»

Облака цепляются
За вершины гор.
Так слова слагаются
В смутный разговор.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Как в тяжелом сне.
Облако угрюмое
Вниз ползет ко мне.

И^{юль 1896}

«Мерно вьет дорога...»

Мерно вьет дорога
Одинокий путь.
Я в руках у бога,
Сладко дышит грудь.

Гордо дремлют буки,
Чаща без границ.

*Все согласны звуки
С голосами птиц.*

*Манит тихим зовом
Зашумевший ключ.
Ветки свисли кровом
От пролетных туч.*

*Близкий, бесконечный,
Вольный лес вокруг,
И случайный встречный
Как желанный друг.*

14 июля 1899

«Ветер с моря волны гонит...»

*Ветер с моря волны гонит,
Роет отмель, с сушей споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных
моря.*

*Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.*

29 мая 1900

«Из-за облака скользящий...»

*Из-за облака скользящий
Луч над эмблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.*

*И спешит волна с тревогой
В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.*

5 июня 1900

«Море — в бессильном покое...»

*Море — в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море — как будто литое
Зеркало ясных небес.*

*Камни, в дремоте тяжелой,
Берег, в томительном сне,
Грезят — о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.*

24 июля 1900

Закат

*Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.*

*Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.*

*Сея огненные искры,
Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым
Крылья облачные фей.*

19 июня 1900

Еще закат

*И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.
Тютчев*

*Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.*

*Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждающим упреком.*

*На вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,*

*И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.*

28 июня 1900

В стенах

«Люблю я линий верность...»

*Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.*

*Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.*

13 ноября 1898

«Я люблю большие дома...»

*Я люблю большие дома
И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.*

*Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,*

А затеплились звезды смущенные.

*Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие, —
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.*

29 августа 1898
**«Когда сижу один и в комнате
темно...»**

*Когда сижу один и в комнате
темно,
И кто-то за стеной играет долго
гаммы, —
Вдруг фонари зажгут, и свет,
пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две
рамы;
И мыслю я тогда, усталый и
больной:
«Фонарь, безвестный друг! ты
близок! ты со мной!»*

*А после из-за крыши подыметя лу-
на,
И, вспыхнув, облака уйдут как фи-
миамы,
И светлый луч луны, пройдя стек-*

ло окна,
Начертит явственной оконные
две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю
я:
«Луна, заветный друг! ты близко!
ты — моя!»

22 ноября 1898
«Когда опускается штора...»

*Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры, —
Мне слышится счастья привет.*

*Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.*

*Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.*

3 октября 1899
«Я провижу гордые тени...»

Я провижу гордые тени

*Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;*

*Улицы, кишачие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг — роковой;*

*Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.*

20 марта 1899
«Жадно тобой наслаждаюсь...»

*Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!*

*Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.*

*Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!*

*Пред тобой во прах повергаюсь
Пусть буду путем к победам.*

27 *апреля 1899*
**«Люблю вечерний свет, и первые
ОГНИ...»**

*Люблю вечерний свет, и первые ог-
ни,
И небо бледное, где звезд еще не
видно.
Как странен взор людей в медли-
тельной тени,
Им на меня глядеть не страшно
и не стыдно.*

*И я с людьми как брат, я все про-
щаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим
в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани
снов скользим,
За то, что и они, как я, — при-
частны тени.*

4 *-5 октября 1899*
«Мы к ярким краскам не привыкли...»
*Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;*

*И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.*

*Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.*

*А мне что снится? — дикие кри-
ки.*

*А мне что близко? — кровь и вой-
на.*

*Мои братья — северные владыки,
Мое время — викингов времена.*

9 марта 1899

«Зодчество церковей старинных...»

*Зодчество церковей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий — высоких, длин-
ных,
Улицы неуверенный поворот.*

*Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.*

15 марта 1899

«Вы, снежинки, вейте...»

*Вы, снежинки, вейте,
Нас лишь пожалейте!
Вас, снежинок, много, много,
И летите вы от бога.*

*Где нам с вольными бороться!
Вам привольно, вам поется.
Захотите, — заметете,
Город в цепи закуете...*

1⁸⁹⁹

На даче

*Растопленный день вечереет,
Бесцветное небо померкло,
И призрачный месяц светлее
Над редкой сеткой из веток.*

*Затеплились окна под крышей,
В садах освещенные пятна,
И, словно летучие мыши,
Шныряют кругом самокаты.*

Апрель 1899

«Церкви, великие грани...»

Церкви, великие грани,

*Голос ваш радостно строг!
В мире размеренных зданий
Смотрите вы на Восток.*

*Цепью застывших строений
Скованы думы и сны.
В городе вы — словно тени
Тихо встающей весны.*

7 марта 1900

«Облеченные в одежды...»

*Облеченные в одежды
Длинно-тяжкие, — не мы
К красоте откроем вежды,
Мы — в темницах серой тьмы.*

*Грез прибежище и нега,
Тело женское! — в мехах,
В шерсти, в шарфах, в царстве
снега
Ты лишь безобразный прах.*

*Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Так, творите вы мгновенье...
Кто же вас творит? — Мечта.*

19 января 1900

«Улицей сонной и тихой...»

Улицей сонной и тихой
В белом сиянии дня
Шел он весело, лихо...
Девушка — взоры склоня.

Он выдавался нарядом,
Хоть был некрасив, невысок;
Девушка с задумчивым взглядом
Робкий несла узелок.

Двери публичного дома
Вскрылись в сиянии дня.
Он лихо вошел, как знакомый, —
Девушка — взоры склоня.

14 марта 1900
«Месяц серпом умирающим...»

Месяц серпом умирающим
Смутно висит над деревьями;
Тени встают умоляюще,
Тянутся ветви виденьями.

Зданья одеты туманами,
Линии гаснут мучительно,
Люди — как призраки странные,
Конки скользят так таинствен-
но.

*Мир непонятно-пугающий,
Чуждая взорам вселенная!
— Месяц, лишь ты, умирающий,
Вечно твердишь неизменное.*

15 декабря 1897
«Огни «электрических конок»...»

*Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пуσκεται в путь караван.*

*Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.*

*Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы — вольные челны
Шумящих и строгих столиц.*

23 июля 1900
«Я видел искры от кирки...»

*Я видел искры от кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!*

Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчаный вечным днем,
—
Я жду, — и ты настанешь!

8 марта 1900

«Словно нездешние тени...»

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я — как в могиле.

Здания — хищные звери
С сотней несытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната — гроб!

16 сентября 1900

**«В борьбе с весной редеет зимний
холод...»**

В борьбе с весной редеет зимний
холод,
Сеть проволок свободней и неж-
ней,
Снег, потемневший, сложен в ку-
чи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

*Вдали, вблизи — все мне твердит
о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене, —
И женщина с огромным животом.*

25 февраля 1899

Еще сказка

Женщине

*Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.*

*Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пы-*

ток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

Любовь

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью — с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий, —
В нем дар таинственных высот.

17 мая 1900

**«Осенний день был тускл и
скуден...»**

*Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.*

*Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья — дрожью
Напоминали сон весны.*

*Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.*

*Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души ле-
тят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!*

23 октября 1900

«Я — мотылек ночной. Послушно...»

Я — мотылек ночной. Послушно

*Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.*

*Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!*

*Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.
Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.*

Сентябрь 1900
«По холодным знакомым ступеням...»

*По холодным знакомым ступе-
ням
Я вошел в позабытый дворец
(К поцелуям, и клятвам, и пеням),
Оглянулся, как жалкий беглец.*

*Здесь, ребенком, изведаль я годы,
Поклонялся величию дворца;*

*Словно небо, казались мне своды,
Переходы кругом — без конца.*

*Ликовать иль рыдать о измене?
Как все тесно и жалко теперь
(Поцелуи, и клятвы, и пени...).
...И открыл я заветную дверь.*

25 января 1900

«Да, эту улицу я знаю...»

*Да, эту улицу я знаю:
Все виды вдаль и каждый дом,
И я, испуганно, встречаю
Святые думы — о былом!*

*Я здесь, как мальчик, неумело
Условного свиданья ждал...
Зачем же то мгновенье цело,
Когда я сам — не мальчик стал!*

*С улыбкой, но со взором строгим
Сейчас ко мне ты подойдешь,
И будем мы, подобно многим,
В словах мешать любовь и ложь.*

*И, после, кисти над альковым
В позорной пляске задрожат,
И я возьму восторг готовым,*

Не так, как много лет назад!

*Зачем же снова, — ныне! ныне! —
За валом сумрачных годов,
Былое высится святыней,
И плакать я пред ним готов!*

*Как страшно здесь, где все знако-
мо,
Как прежде, милой встречи
ждать,
Но знать, что роковой истомой
Не может сердце задрожать!*

3 сентября 1900
«Строгий, холодный и властный...»

*Строгий, холодный и властный
Свет невосшедшего дня.
Улицы мертво-бесстрастны,
Путь убегает, маня.*

*В светлом безмолвии утра
Двое нас в мире живых!
В облаках игра перламутра.
Румянец затепленный тих.*

*В ущельи безжизненных зданий
Мы дышим неземной тишиной,*

*В этот час не хотим ожиданий...
Довольно, что ты — со мной.*

*Настало что-то... Как дети,
Сознаем мы исполненный миг.
Утро в холодном свете,
Ты. лучше песен и книг!*

А *прель 1900*
«Роскошен лес в огне осеннем...»

*Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян багрец,
И ты, царица,ходишь к теням,
И папоротник — твой венец!*

*Листва живет мгновеньем пыш-
ным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!*

*Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.*

28 *сентября 1900*
«Я помню свет неверно-белый...»

*Я помню свет неверно-белый
И запах роз, томивший нас,
Взор соблазнительно несмелый,
И этот весь вечерний час.*

*Мы были двое... Тени с нами.
Лишь изредка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышал я таинством тоски.*

*И сдвинулись неслышно тени,
Все ложью опьянила мгла, —
Но правду беглых отражений
Вдаль уводили зеркала.*

А *прель 1900*
«В моих словах бесстыдство было...»

*В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах — упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жаждая и кляня.*

*А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.*

О, если каждый образ вечен

*И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!*

3 сентября 1900

«И снова ты, и снова ты...»

*И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так надо мной восходишь ты,
Ночное солнце — страсть!*

*Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И — как Израиль — хром!*

*Дневные ринутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они — как туча саранчи.
Я с богом воевал в ночи,
На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!*

11 сентября 1900

«Я имени тебе не знаю...»

Я имени тебе не знаю,
Не назову.
Но я в мечтах тебя ласкаю...
И наяву!

Ты в зеркале еще безгрешней,
Прижмись ко мне.
Но как решить, что в жизни
внешней
И что во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бред недавний,
Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной
смене,
И нет имен,
И мы с тобой летим, как тени,
Как чей-то сон?..

2 октября 1900
**«Мысль о тебе меня весь день
ласкает...»**

Мысль о тебе меня весь день ласкает,
Как легкий, ветерок в полдневный

жар цветы;
И, слово за слово, наш разговор
мелькает,
И хочется, смутясь, тебе про-
молвить: «ты»!

Благословляю вас, мгновенья жиз-
ни полной!
Вы к медленным часам даете во-
лю вновь.
Так от весла, в тиши, бегут дале-
ко волны...
На крыльях, на волнах ты мчишь
меня, любовь!

Февраль 1900

**«Часы прошли, как сон
изменчивый...»**

Часы прошли, как сон изменчи-
вый,
О вечер! наступай и ты,
И встречей длительной увенчивай
Весь день томившие мечты!

Любовь горит еще нетленнее,
Пройдя мучительство сует.
Так небо, серое, осеннее,
Звезды пронизывает свет.

26 сентября 1900

**«Настал заветный час
дремотный....»**

*Настал заветный час дремот-
ный.*

*Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой — о тебе!*

*В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного веща,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.*

13 сентября 1900

«Тоска бродячего светила...»

*Тоска бродячего светила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осенила
В раздольи голубых полей.*

*Но вновь, как верная комета,
Свершив размеренный свой путь,
Я возвращаюсь к бездне света —
В сияньи солнца потонуть.*

И вольность синяя забыта,

Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, как власть магнито-
та,
Влиянье жгучего огня.

23 октября 1900
«**О да! Я — темный мотылек...**»

Я — мотылек ночной...
В. Брюсов

О да! Я — темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек...
О да! я — темный мотылек,
Но я и светлая свеча.

Я чувствую свои лучи;
Их свет приветен и глубок,
И ты над пламенем свечи,
Вливая жгучие лучи,
Кружишься, белый мотылек!

И кто к кому? ко мне ли ты,
К тебе ли я, иль мы с тобой?
Твои глаза — мои ль мечты?
В тебе ли я? во мне ли ты?
— Мы оба пойманы судьбой!

23 сентября 1900

«Ты умеешь улыбаться...»

Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц...
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.

Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова...
Ветер дышит над саванной,
Знойно клонится трава.

Рук любовных приближенье
Нежно веет у лица...
Даль без тени и движенья,
Травы, небо без конца!

23 сентября 1900

**«Сладко скользить по окраинам
бездны...»**

Сладко скользить по окраинам
бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что ж нам приманчивей: купол
ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

Крылья умчат ли от жизни усталой
К новой и светлой весне?
Или нам падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на дне?

С каждым мгновеньем сознание
неверней:
Хмель — так стремиться вдвоем!
Мрак за звездами и звезды по черни...
Где мы и кто, не поймем!

Снизу ль высоты, над нами ль глубины?
Как нам теперь рассмотреть?
Может быть, падая вниз со стремнины,
К звездам мы будем лететь?

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что же приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

А прель 1900

**«Мне грустно оттого, что мы с тобой
не двое...»**

*Мне грустно оттого, что мы с
тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет
к нам в окно,
Что грохот города нарушит все
ночное
И будет счастье тьмы меж зорь
схоронено.*

*Мне грустно оттого, что завтра
ты с другими
Смешаешься в одной вскипающей
волне,
И будешь между них, и будешь
вместе с ними,
И хоть на краткий миг забудешь
обо мне...*

*О, если б быть одним, в высокой,
строгой башне,
Где ламп кровавый свет затеплен
навсегда,
Где вечно только ночь, как зав-
тра — день вчерашний,
И где-то без конца шумит, шу-*

мит вода!

*Отторжены от всех, отъяты от
вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я —
твой, ты — для меня!
Мы были б как цари над вечно-
стью мгновенной,
И год сменял бы год, как продол-
женье дня.*

Декабрь 1900

Милая правда

Первая звездочка

*Первая звездочка! око вечернее,
Привет тебе!
Вечером сердце мое суевернее:
Молюсь Судьбе.*

*Первая звездочка! будь обещанием
Счастливых дней!
Слишком измучен я долгим
блужданием
В кругу теней.*

*Глянули сестры твои, светло-
окие,*

*Вот здесь, вот там...
Звездочки! блески! — святые, да-
лекие!
Я верю вам!*

21 мая 1897

**В день святой Агаты
6 февраля**

*Имя твое непорочно и свято
В кругу святых.
Примешь ли ты благодарность,
Агата,
В стихах моих?*

*Строгой подвижницей, к высшему
счастью
Стремилась ты,
Эти же строфы подсказаны стра-
стью,
Вином мечты.*

*Нет! свет любви перед взором
блаженных
Горит сквозь тень:
Верю, — простишь ты и нас, дерз-
новенных,
В свой светлый день!*

25 июня 1897

Я люблю...

...между двойною бездной...
Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо
и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью
я дышу, любя.

В светлом небе — бесконечность:
бесконечность милых глаз.
В светлом взоре — беспредель-
ность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба,
небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же
даль — пространств и даль вре-
мен.

Бездна взора, бездна неба! я, как
лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отра-
жен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу
всходим мы, любя...

*Я люблю тебя и небо, только небо
и тебя,*

26 июня 1897

Близкой

*И когда меня ты убьешь,
Ты наденешь белое платье,
И свечи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.*

*И будем с тобой мы одни
Среди безмолвия ночи;
Лишь будут змеиться огни
И глядеть мои тусклые очи.*

*Потом загорится рассвет
И окна окрасит кровью, —
И ты засмеешься в ответ
И прильнешь к моему изголовью.*

13 октября 1897

Фея фонтанов

*Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев,
Ты из летучих туманов
Вестником вышла на зов.*

Ты из летучих туманов

*Вышла на трепетный зов
Около старых платанов
В час окликанья сов.*

*Около старых платанов
Слушал я оклики сов.
Высился гор-великанов
Призрак, зловеще-суров.*

*Призраки гор-великанов...
Тень виноградных кустов...
Ждал я желанных обманов,
Мгле доверяя свой зов.*

*Ждал я желанных обманов...
Ты мой услышала зов,
Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев.*

11 мая 1898

«И небо и серое море...»

*И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.*

*Другим — бушевания бури
И яростный ропот прибоя.*

*С тобой — бесконечность лазури
И ясные краски покоя.*

*На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолв-
ный.*

7 июня 1900

Колыбельная песня

*Мы забавляемся
Нашей судьбой,
Тихо качаемся
В люльке с тобой.*

*Фея-кудесница
Песню поет,
К месяцу — лестница
Света ведет.*

*Ангелы мирные
Сходят по ней,
Святят, эфирные,
В мире теней.*

*Мы улыбаемся
С томной мольбой.*

*Тихо качаемся
В люльке с тобой...*

30 января 1898
«К твоему плечу прижаться...»

*К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежатся:
Звуки стихли, свет погас.*

*Тихо веет лишь сознание,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцание
В безднах, выветренных сном.*

*Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты — не сон минут-
ный,
Что блаженство — не мечта!*

*Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!*

*И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,*

*Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?*

10 октября 1900

Близким

К портрету Лейбница

*Когда вникаю я, как робкий уче-
ник,
В твои спокойные, обдуманые
строки,
Я знаю — ты со мной! Я вижу
строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.*

*О Лейбниц, о мудрец, создатель
вещих книг!
Ты — выше мира был, как древние
пророки.
Твой век, дивясь тебе, пророчеств
не постиг
И с лестью смешивал безумные
упреки.*

*Но ты не проклинал и, тайны от
людей
Скрывая в символах, учил их, как
детей.*

Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после — буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...
И вот теперь встаешь, как Властный, как Учитель!

25 ноября 1897

К портрету М.Ю. Лермонтова

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на
устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных сти-
хах!

6⁻⁷ мая 1900

На смерть И. Лялечкина

Набегают вечерние тени,
Погасает сиянье за далью.
Облелеянный тихой печалью,
Уронил я письмо на колени.

Облелеянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужные грезы...
А в душе осыпаются розы,
Погасает сиянье за далью.

Да, в душе осыпаются розы.
Милый брат! ты звездой серебри-
стой
Заблестел над тропинкой роси-
стой,
Ты внул нам ненужные грезы!

Милый брат! ты звездой серебри-
стой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармо-
ний
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвестных гармо-
ний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне...

2 марта 1895

К портрету К.Д. Бальмонта

Угрюмый облик, каторжника
взор!
С тобой роднится веток строй
бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безоб-
разный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на по-
зор;
И длится годы этот с миром
спор,

И ты в борьбе — как змей многообразный.

*Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,*

*Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.*

1⁸⁹⁹

К.Д. Бальмонту

*Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя, в безмолвной тьме, — с тоской.*

Плыви! ветрила ставь под влаж-
ным ветром косо!
Ты правишь жадный бег туда, где
мира грань,
А я иду к снегам, на даль взгля-
нуть с утеса.
Мне — строгие стези, ты — мо-
рем дух тумань.

Но, гребень гор пройдя, ущелья
дня и ночи,
И пьян от всех удач, и от падений
пьян,
Я к морю выйду вновь, блеснет
мне пена в очи, —
И в Город я вступлю, в столицу
новых стран.

И там на пристани я буду, в час
рассветный, —
Душа умирена воскресшей тиши-
ной, —
С уверенностью ждать тебя, как
сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно
предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляде-

ласть в душу,
Былое выше нас — мы связаны —
ты мой!
И будешь ты смотреть на эту
даль, на сушу,
На город утренний, манящий по-
лутьмой.

Твой парус проводив, опять доро-
гой встречной,
Пойду я — странник дней, — и за-
молчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз
вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со
мною всегда!

Ноябрь 1900

Юргису Балтрушайтису

Ты был когда-то каменным уте-
сом
И знал лишь небо, даль да глуби-
ну.
Цветы в долинах отдавались ро-
сам,
Дрожала тьма, приветствуя лу-
ну.

*Но ты был чужд ответам и во-
просам,
Равно встречая зиму и весну,
И только коршун над твоим от-
косом
Порой кричал, роняя тень в волну.*

*И силой нам неведомых заклятий
Отъятый от своих стихийных
братии,
Вот с нами ты, бывшее позабыв.*

*Но взор твой видит всюду —
только вечность,
В твоих словах — прибой быстро-
течность,
А голос твой — как коршуна при-
зыв.*

Декабрь 1900

«Призраки», картина М. Дурнова

*Это они — соблазненные! —
В час умилений ночных, —
Усыпленные, полусонные...
Не надо помнить об них.*

*Облака потянулись холодные,
Птиц таинственный рой,*

*Цветы раскрылись бесплодные, —
Зелень ярка под горой.*

*Вам близки отжившие, мертвые!
Дьяволы шепчут об чем?
Это мечты, — мечты полустер-
тые
В одиноком, далеком былом.*

11 марта 1900

Г.Г. Бахману

*Вся красота тебе доступна!
Тебе ясна ее звезда:
И в глубине мечты преступной,
И в безднах рабского труда.*

*Толпа безвестных, безымянных,
Покорно бивших о гранит,
Среди пустынь, как сон простран-
ных,
Воздвигла чудо пирамид.*

*И ты вступаешь в сонмы черни,
Ее речами говоря,
И славить труд, — да суеверней
Она приветствует царя.*

25 ноября 1899

Случайной

Одна из осужденных жриц...
Chefs d'œuvre

Я люблю в глазах оплывших
И в окованной улыбке
Угадать черты любивших —
До безумья, до ошибки.

Прочитать в их лживых ласках,
В повторительных движениях,
Как в бессмертно-верных сказках,
О потерянных томленьях.

За бессилием бесстрастья,
Не обманут детской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, как голос неслучайный,
Жажду смерти и зачатий,
Я люблю за отблеск тайны
Сон заученных объятий.

5 июня 1899

Памяти Е.И.П.

Мы встретились с нею в пустыне,
Утром в пустыне.
Солнце палило песок.

*Торопливо шел я — на Запад,
Она — на Восток.*

*Лицо ее, полное светом,
Полное светом,
Словно сияло в лучах;
И таились вещи тайны
В глубоких очах.*

*Надеждой сердце забилося,
Сердце забилося,
Веря, что миг тот высок...
И мы молча прошли, я — на Запад,
Она — на Восток.*

28 августа 1897

Ей же

*Огонь еще горит, и светит, светит нам, —
А тени серые легли по сторонам
И чутко сторожат его невольный трепет.
Но не мерцает он, и дрожь его,
как лепет,
Как лепет медленный, как тихие слова.
Он шепчет свой завет пред ликом*

божества,
Он с нами говорит, слабеет, но
сияет,
И — светлый, как всегда — покор-
но угасает.

7 сентября 1897

**По поводу сборников «Русские
СИМВОЛИСТЫ»**

*Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять
столетий,*

22 января 1900

По поводу «Me Eum Esse»

*«О, эти звенящие строки!
Ты сам написал их когда-то!»
— Звенящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.*

*«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бес-
страстъя!»*

— Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.

«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»
— Твой голос далеко, далеко,
Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К самому себе

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе
Только сон, только сон бытия!

Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!

28 июля 1900

Книжка для детей

Зеленый червячок

Как завидна в час уныний
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колыхает
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежимся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,

*Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь — свободна, смерть — лег-
ка.*

*Нынче — зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.*

13 июня 1900

Красная Шапочка

Подражание Тристану Клингсору

*«Красная шапочка! Красная ша-
почка!
Девочка, что ты спешишь?
Видишь, порхает за бабочкой ба-
бочка,
Всюду и прелесть и тишь.*

*Что там уложено в этой корзи-
ночке?»
«Яйца, и сыр, и пирог...
Ах, по росе как промокли боти-
ночки,
Путь так далек, так далек!»*

Девочка дальше бежит все по-
спешнее,
Волка боится она...
Кто на пригорке сидит? — то
нездешние?
Ах, это сам сатана.

В шапку с рогами и в плащ поизно-
шенный
Он, словно нищий, одет.
Вот он навстречу встает и,
непрошенный,
Ей говорит свой привет.

«Ах, господин сатана, вот вы ви-
дите:
Яйца здесь, сыр и пирог.
Если сегодня меня не обидите,
На небо примет вас бог».

«Ну, покажи мне дорогу, миньо-
ночка!» —
Поднял он руку свою,
Нож засверкал под сиянием сол-
нышка...
Девочка! вот ты в раю.

Я слежу дозором
Медленные дни.
Пред пристальным взором
Светлеют они.

Люблю я березки
В Троицын день,
И песен отголоски
Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,
Когда блестит мороз,
В огнях и в искрах елку,
Час свершенных грез.

И братские бокалы,
Счастье — Новый год!
Вечно неусталый
Времени оборот.

Люблю я праздник чудный
Воскресенье Христа.
Поцелуй обоюдный
Сближает уста.

И дню Вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,

Но стихли ручьи.

*Так слезу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.*

27 декабря 1899

Рождество Христово

*Он вошел к Ней с пальмовой вет-
вью,
Сказал: «Благословенна Ты в же-
нах!»
И Она пред радостной вестью
Покорно склонилась во прах.*

*Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!» —
И они пришли в Вифлеем.*

*Радостью охвачен великой,
Младенца восприял Симеон:
«Отпускаеши с миром, Владыко,
Раба твоего — это Он!»*

*Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»*

*И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедовать мир земле.*

*Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге сгоревшие!
Как дети,
Тайну принявшие!
Им поклоняюсь,
В их свете
Теряюсь.
Я, раб господен,
Им да буду подобен.*

23 декабря 1898

Пасха, праздникам праздник

*Проклинайте молодость,
Осуждайте девственность, —
Нам в пороке холодно,
Любим мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.*

*Не хотим мы радостей
Духа бестелесного;
Счастливы мы сладостью
Земного, известного.*

*Мы любим сказки,
Заката краски,
Любовные ласки.*

*О дети заблудшие
Мира бездольного,
Что в мире лучше
Звона колокольного
В туманной тени
Ночи весенней,
В час молений?*

25 декабря 1898

В старинном храме

*В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.*

*В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.*

*Слышно детское пенье,
Славословие светам,
В сладкой смене молитвы
Умиленным ответом.*

*А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий
Под священные звоны.*

29 августа 1899

Слепой

*Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.*

*Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.*

*И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?*

*Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?*

И встретится ль тебе, старик,

*Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?*

13 октября 1899

Мыши

*В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхраб-
рились,
Видны там и тут.*

*То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.*

*Утром выйдешь в зал, — свечу
объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!*

*Свалят банку, след оставят в те-
сте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами
вместе*

Жизнь другая есть.

8 января 1899

Демоны пыли

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны
пыли.

Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движе-
нья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,

Но помнят сквозь сон, что они победили.

О демоны пыли!
Вы — владыки в красочном мире!
О демоны пыли!
Ваша власть с веками все шире!
Ваш день придет, —
И все уснет
Под тихое веянье серых воскры-
лий.

21 февраля 1899

Коляда

Баба-Яга

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века — ага! ага!

Кощей

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да щей
Ем стрекоз и мышей.

Солнце

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,

*Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.*

Утренняя звезда

*Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!*

Месяц

*Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Все давно заприметил,
Сам и зорок и светел.*

Звезды

*Мы звездочки, частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.*

Радуга

*Распустив волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.*

Дед

Мы пришли,

Козу привели, —
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

Девочка

Что же ты плачешь,
Девочка, — во сне?
Голову прячешь
На грудь ко мне?

Ангел божий
Любит, если смеются.
На него похожи
Дети, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мне.
А что тебя испугало,
Это было во сне.

6 ноября 1899

Утро

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —

Живая синева.

*Шагам песок промоченный
Дает невучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!*

*Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.*

25 июня 1900

Пред грозой

*В миг пред грозой набегающей
трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.*

*Пыль поднялась по широкой доро-
ге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожиданьи, в трево-
ге.
В небе и блеск и величье.*

Капель начальных послушится

лепет,
Волен, певуч, многовесен...
В миг пред грозой набегающей
трепет
Это ль предчувствие песен?

Июнь-июль 1900

Из дневника

Глаза

На берегу Мерцающих Озер
Есть выступы. Один зовут Про-
клятым.
Там смотрит из воды унылый
взор.

Здесь входит в волны узкая коса;
Пройди по ней до края пред зака-
том,
И ты увидишь странные глаза.

Их цвет зеленый, но светлей воды,
Их выраженье — смесь тоски и
страха;
Они глядят весь вечер до звезды

И, исчезая, вспыхивают вдруг
Бесцветным блеском, как про-

*стая бляха.
Темнеют воды; тускло все вокруг.*

*И, возвращаясь сквозь ночной туман,
Дыша прибрежным сильным ароматом,
Ты склонен счесть виденье за обман.*

*Но не покинь Мерцающих Озер,
И поутру под выступом Проклятым
Ты вновь усмотришь неотступный взор.*

18 июля 1898

К Большой Медведице

*Волшебница северной ночи,
Большая Медведица, — ты
Ласкаешь усталые очи,
Смежаешь больные мечты.*

*В часы увлекающей встречи
Близка нам царица луна,
Мы шепчем прерывные речи,
Мы жаждем безумного сна.*

Но скукой сменяется счастье,
Мы вновь безучастьем больны,
И страшен нам зов сладостра-
стья
Всегда опьяненной луны.

И в трезвые, жгучие ночи,
Когда так бессильны мечты,
Ласкаешь усталые очи,
Большая Медведица, — ты!

25 июля 1898

Величание

Величит душа моя господа,
И дух мой восторженно-радо-
стен!
Источник молитвы так сладо-
стен,
Но дерзостным нет к нему до-
ступа.

Сама я печатью таинственной
Колодец любви опечатала,
И ужас на дне его спрятала,
Мучительный ужас, единствен-
ный.

Я слышу поток его внутренний,

Но дерзостным нет к нему до-
ступа.
И радостно славлю я господа
Молитвой вечерней и утренней.

27 июля 1898

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого
дождя
И камни мостовой, и стены зда-
ний серы;
В туман окутаны безжизненные
скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небы-
тия,
И нет в моей душе ни дерзости,
ни веры.
Мечте не унесись в живитель-
ные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи
слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях
полусонных
Встает забытый мир и дней, и
слов, и лиц.

*Есть много светлых дум, погибших,
погребенных, —*

*Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными
словами!
О тени прошлого, как властны вы
над нами!*

Апрель 1898

Ви́ла

*Я тебе скажу, мой милый,
Что над нами веют силы:
Властны в смене впечатлений
Духи, демоны и тени.*

*Ведь душа людей — родник,
Где глядится каждый миг
Неизменно новый лик,
Странен, волен и велик.*

*Образ женский недоступный,
Призрак дьявольский преступный,
Старца взор невозмутимый,
Ведьмы, эльфы, херувимы.*

Днем вы слепнете вполне,

Смутно грезите во сне.
Жизнь — как отблеск на волне,
Нет волненья в глубине.

И в тиши, всегда бесстрастной,
Тайне мира сопричастной,
Властны в смене отражений
Духи, демоны и тени.

17 августа 1899
Звезда морей

*La mer sur qui prie
La vierge Marie.
P. Verlaine[7]*

И нам показалось: мы близко от
цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины
взревели...
Наш пробил час.

И был я проклятием богу испол-
нен,
Упав за борт,
И три дня носился по пенистым
волнам,
Упрям и горд.

Но в миг, как свершались пути ро-
ковые
Судьбы моей,
В сияньи предстала мне Дева Ма-
рия,
Звезда морей.

30 августа 1897

К металлам

Золото, убранство тайного ковче-
га,
Где хранят издревле благодетельные
мощи,
Золото, добыча хищного набега,
Золото, ты символ сладостраст-
ной мощи,
И в твоём сверканьи медленная
нега.

Серебро сияет тихо на иконе,
Мученице юной покрывает плечи,
Серебро так ясно в перелетном
звоне,
Голос серебристый мне звучал
предтечей
Прежде недоступных сладостных
гармоний.

*И люблю я бронзу: сумрачные те-
ни
Томной баядерки в роскоши вечер-
ней.
В твердости изгибов столько лег-
кой лени,
Отблески так чисты на холодной
черни!
Да, люблю я в бронзе тайну отра-
жений.*

*Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кин-
жальным блеском!
Змеи резких молний быстро за-
сверкали,
Я прильнул, ревнивый, к белым за-
навескам...
Ты — моя надежда, мщенье вер-
ной стали!*

29 августа 1899

За пределами сказок

*Они сошлись в дубраве дикой,
Они столкнулись в летний день,
Где луг, поросший повиликой,
Огородила сосен тень.*

Она, смеясь, в притворном страхе,
На мягкий мох упала вдруг;
Любовь и страсть была в размахе
Высоко приподнятых рук.

Он к ней припал с веселым криком,
В борьбе порвал ей волоса...
Пронзительно в молчаньи диком
Их раздавались голоса.

29 августа 1899

Случайности

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.

Я быть не желаю властителем

Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая безвестные двери.

Все дни направляются случаем, —
Могу упиваться я всеми, —
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.

1-3 сентября 1900

Дачи осенью

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.

Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как
склеп.

Смотрю я в парки дач соседних,
Вот листья ветром взметены,
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.

Я верю: в дни, когда всецело

Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.

8 сентября 1900

Песня

Мне поется у колодца,
Позабыт кувшин.
Голос громко раздается
В глубине долин.

Приходи, мой друг желанный!
Вот тебя я жду.
Травы — одр благоуханный,
В скалах грот найду.

Нет, никто, никто доныне
Не ласкал меня!
Грудь и плечи, как святыни,
Охраняла я.

День настал. Иди, желанный!
Кто ты — знает бог!
Травы — одр благоуханный,
Мягок серый мох.

Оплету, вот так, я руки, —
Спи между грудей.

*Вечер. Гаснут, гаснут звуки.
Где ты, сын полей?*

*Жду кого-то у колодца;
Позабыт кувшин;
Песня громко отдается
В тишине долин.*

Апрель 1900

Папоротник

*Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.*

*В этих листьях слишком внеш-
них,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи,*

*И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.*

*Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.*

*Я бегу по миштым кучам...
Бор не тронут, час полнощный.*

*Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копыя точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.*

*В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.*

*Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.*

23 июля 1900

ЖИЗНЬ

*Подобна жизнь огням потешным,
Раскрасившим пустую тень.
Они сияют пляскам грешным,
Но зажжены в Успенъев день.*

*Поют псалмы о смерти близкой
И славят первую из дев, —
А мы меняемся запиской,*

Обеты прежние презрев.

*Но будет ночь свиданья краткой,
И глянет бледный свет утра,
И смерть предстанет нам с раз-
гадкой
И бросит вечное «пора!».*

*А там, где цвел огонь потешный,
Одни фонарики дрожат,
И два садовника поспешно
Пустынный подметают сад,*

3 сентября 1900

Прозрения

В неконченом здании

*Мы бродим в неконченом здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.*

*Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.*

Оконные встретив пробоины,

Мы робко в пространства гля-
дим:
Над крышами крыши надстрое-
ны,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громад-
ные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестни-
цы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глубь, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

*И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!*

1 февраля 1900

В дни запустения

*Придут дни последних запусте-
нии.*

*Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки валких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.*

*А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос Страшного су-
да,
Победный свет не заблестит в пу-
стыне,
В ней не взгремят по рельсам по-
езда.*

*В плюще померкнут зодчего за-
теи,
Исчезнут камни под ковром тра-
вы,
На площадях плодиться будут
змеи,
В дворцовых залах поселятся*

львы.

Но в эти дни последних запусте-
нии
Возникнет — знаю! — меж людей
смельчак.
Он потревожит гордый сон стро-
ений,
Нарушит светом их безмолвный
мрак.

На мшистых улицах заслышат
звери
Людскую поступь в ясной тиши-
не,
В домах застонут, растворясь,
двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и свя-
тилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь кни-
гохранилищ,
Откроет тайны древних, наших
книг.

И дни и ночи будет он в тревоге

*Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни, гимны сладостям земли.*

Желанный друг неведомых столетий!

*Ты весь дрожишь, ты потрясен
былым!*

*Внемли же мне, о, слушай строки
эти:*

*Я был, я мыслил, я прошел как
дым...*

18 сентября 1899

Брань народов

*Брань народов не утихнет
Вплоть до дня, когда придет
Власть имеющий антихрист —
Соблазнять лукавый род.*

*Возопит он гласом громким:
«Славьте! дьявол победил!
Где вы, верные потомки
Отступивших древле сил?»*

*И на зов повыйдут люди
Ото всех семи границ.*

*Говоря — «мы верны будем»,
Пред царем поникнут ниц.*

*Царь, во лжи многообразный,
Свергнет пышности порфир,
В мире к вящему соблазну
Установит вечный мир.*

*И когда тем едким ядом
Помутится жизнь до дна,
Вдруг, восстав в глубоком аде,
Восхохочет сатана.*

*Дико дьяволы завторят,
И из дебрей синих гор,
Как лучи над темным морем,
Выйдет праведников хор.*

*А для грешных ярче вспыхнет
В преисподней столп огня...
Брань народов не утихнет
Вплоть до сказанного дня.*

18 августа 1899

Братьям соблазненным

*Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!*

Это только беглый свет.

*Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она!*

*Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!*

*Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!*

*Жизнь не в счастье, жизнь в иска-
нии,
Цель не здесь — вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!*

12 июня 1899

Каждый миг

*Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,*

Как узнать, что в жизни, что во
сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа — образ мой исчез;
Но такой же тайной разум
встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чу-
десен,
Если жить в медлительной
тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Святят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти — жадная
мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир — много мира тень,
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки — первая ступень.

5 сентября 1900

Устой

Рассудка вечные устои
Влегли в недремлющую грудь,
И в жажде ведать неземное
Ты должен горы пошатнуть.

Кто без руля в пучинах плавал,
Ветрилом ветры все ловил,
Тому предстанет бледный дьявол
С толпами разъяренных сил.

Сквозь бешенство, и вопль, и скрежет
Он к синим молниям влечет,
Но этот свет минутно нежит,
И вновь кипит круговорот!

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном ча-
се,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет, —
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

И, чуток к углубленной вере,

*Вдруг колыхнет, лаская слух,
В заветный час в твоей пещере
Струю эфира Светлый Дух.*

*И глянешь ты смелей и зорче
За тьму завес, что он расторг,
Чем тот, кто ведал смех, и кор-
чи,
И пифий яростный восторг.*

8 августа 1900

Проблеск

*Как то предвидел Дух и Даниил пред-
рек.*

Ф. Тютчев

*Восток и Запад, хитрый Змей и
Лев,
Ведут борьбу издревле, век за ве-
ком.
То скрытный ков, то справедли-
вый гнев
Возносят стяг пред робким чело-
веком.*

*Вот, собраны под знаменьем Кре-
ста,
На Западе роятся ополченья,*

И папской власти высится мечта,
И цепи мировой куются звенья.

А на Востоке буйствует гроза,
Ликуют орды турок и Батья,
И Русь бежит за реки и в леса,
И в тяжелой брани никнет Византия...

Но мир меняют тайны быстрых лет.
Чу! не мечи стучат, — то гром орудий!
За океаном вскрылся Новый Свет,
И над Крестом смеются буйно люди!

А на Востоке вновь встает колосс,
Безвестный, грозный, странно-неизменный...
И, как предвестье новых страшных гроз,
Свой скиптр с Крестом возносит над вселенной.

Творятся чудеса недавних дней,

Для трезвой мысли тем чудней,
чем ближе:
То франк в Москве-реке поит ко-
ней,
То русский царь вершит судьбу в
Париже.

За диким сном мятущихся веков,
За яркой сменой дерзостных со-
бытий,
Как взору разглядеть канву основ,
Те белые натянутые нити?

Кто угадает роковой узор,
Причудливый, живой, необычай-
ный?
Кто смело скажет, что окончен
спор,
Все решено и быть не может
тайны?

И Змей и Лев, среди равнин и рек,
Ужель отныне мирно лягут ря-
дом?
Но Дух предвидел, Даниил предрек:
Славянский стяг зареет над Царь-
градом!

Отрады

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании
жить.

Птицы, и тучи, и призраки — ра-
ды,
Рады на миг и для вечности
быть.

Радость вторая — в огнях луче-
зарна!

Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг — то восторг
быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не
один.

Связаны, скованы словом незри-
мым,
Двое летим мы над страхом глу-
бин.

Радость последняя — радость
предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир

бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в
искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно
много,
Сладостна жизнь от конца до
конца.
Эти восторги — предвестие бога,
Это — молитва на лоне Отца.

28 апреля 1900

Мы

Мы

В мире широком, в море шумя-
щем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоя-
щим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным побе-
дам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам тре-
пет неведом,

Мы — гребень встающей волны.

4 апреля 1899

Я знаю...

К.Д. Бальмонту

Я знаю беглость Ночи и Зимы,
Молюсь уверенно Заре и Маю.
Что в будущем восторжествуем
мы,
Я знаю.

Я власть над миром в людях про-
зреваю.
Рассеется при свете сон тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному
раю.

Не страшно мне и царство нашей
тьмы:
Я не один спешу к иному краю,
Есть верный друг в пути! — что
двое мы,
Я знаю!

6 декабрь 1898

Люцифер

Я — первый, до века восставший,

*Восставший до начала веков.
Я — первую заповедь давший:
Есть много богов.*

*О, будемте все, как боги,
Познавши добро и зло.
К совершенству путей есть мно-
го,
Их безмерно число.*

*Я начал для всех борьбу роковую,
За свободу идет борьба;
Победитель, за вас о победе тос-
кую,
И тут не властна судьба.*

1⁸⁹⁸

Залог

*К нам немного доходит из про-
шлого мира,
Из минувших столетий, — немно-
го имен;
Только редкие души, как луч Ал-
таира,
Как звезда, нам сияют из бездны
времен.*

И проходят, проходят, как волны,

как тени,
Бесконечно проходят века бы-
тия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и
стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших
«я»!

Одиноким мне видится образ Го-
мера,
Одиноким сверкает с небес Алта-
ир...
Но в мечтах предо мной — неиз-
вестная сфера
И близ яркой звезды умирающий
мир.

24 мая 1898

Corona

Тайны, что смутно светятся,
Знаком заветным отметятся.

Придут победители-воины,
Будут их силы утроены.

Погаснет безвольное, старое...
Истина скажет нам: «Дарую!»

*Плачьте в предчувствии нового,
Украшайте венцами головы:*

*Знаком великим отметится
Все, что в тумане нам светится.*

20 августа 1898

Жернова

*Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжело смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит бескрылой тучей,
Заслоня небосклон.*

*И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют
И струю слоями стелют,
И она опять жива.*

*А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновленье,
В смерти вкусит возрожденье
Только полное зерно!*

Декабрь 1898

Духи земли

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятья,
Зверям, и тучам,
И теням летучим.

Всех любим, всем верим,
Смеемся потерям
И взором незрячим
Лишь над вымыслом плачем,

Смолк птичий голос,
Не шелохнется колос,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлем в покое,
Купаемся в зное.

Ветерок встрепенется,
Лес шелохнется,
Все звуки мы слышим,
Цветами дышим,
С нами дружны грозы,
Небесные слезы.

Поем мы с морем,
Ласкаемся к зорям,

В холоде снега
Для нас есть нега, —
И только людям
Друзьями не будем,
И только в город
Не глянем и взором!

1⁸⁹⁸

Золото

*Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.
Fr. Vielé Griffin[8]*

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.
Падал песок из рук у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!

Из пшеницы белеющей сделал я
снег,
Снег и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бег,

Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал вьюгу, счастье холода;
Во мгле властительных снегов —
Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.

Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца:
И первый свет зелено-алый,
И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!

23 июля 1899

«**Безмолвные свидетели...**»

Безмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.

*Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добиты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.*

*И слезы — не отчаянье!
И стон — не символ мщенья!
О благостное чаянье
Всемирного прощенья!*

22 мая 1899

Еще «мы»

*Мы только стон у вечной грани,
Больные судороги рук,
Последний трепет содроганий
В часы неотвратимых мук.*

*Все наши думы, грезы, пени —
То близких сдержанная речь,
Узоры пышных облачений
И дымы похоронных свеч.*

*Что ж! полно ликовать ошибкой!
В испуге не закроем глаз!
О братья, — слушайте с улыбкой:
Поют отходную по нас.*

22 августа 1899

«Поклоняются многие мне...»

Поклоняются многие мне
В часы вечерние,
Но молитвы к бледной луне
Еще размернее!

Женщины, лаская меня,
Трепетали от счастья,
Но искали они — знаю я —
И сладострастия.

Фимиам, делимый с другим,
Дышит обидою.
О сумрак! о волны! о дым!
Вам завидую.

Уступить даже проклятья и смех
Нарушение цельности.
Я хочу быть единым для всех
В беспредельности.

27 марта 1899
«**С неустанными молитвами...**»

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользящий, как дух.

От своих друзей отторженный,

*Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.*

*Но настанет миг — я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюсь первым — я.*

23 июля 1899
«Случайность и намеренность...»

*Случайность и намеренность
Их разум разделил,
Не верю я в уверенность
И в силу наших сил.*

*Творим мы волю божью,
Намеренья Судьбы, —
Идем по бездорожью
В оковах, как рабы.*

*Но жажда совершенного —
Величия залог.
Мы выше мира тленного,
И в наших душах — бог.*

22 июля 1900

Лирические поэмы

Краски

*Я сегодня нашел свои старые
краски.
Как часто взгляд на забытый
предмет
Возвращает все обаянье ускольз-
нувших лет!
Я сегодня нашел мои детские
краски...
И странный отрок незванно ко
мне вошел
И против меня уверенно сел за
стол,
Достал, торопясь, тяжелую тет-
радь...
Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские
сказки!*

*Тогда я с ним заговорил; он
вздрагнул, посмотрел
(Меня не видел он, — я был для
него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой
овладел*

И ждал, что будет, с простым удивленьем.

Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.

Ты — это я, я — это ты, лет через десять...»

Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!

Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.

Ты — обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью

Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.

Года через три ты будешь бредить безвестной далью,

Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.

Вселенная жива лишь духом единым и чистым,

Материя — призрак, наше знание — сон...»

О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,

И я вспомнил, что был матерья-

листом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!

Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!

Наука — голова, а искусство — руки!»

«Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь верить!

Будешь молиться и плакать пред
Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,

И все проклянешь, что можно верить и мерить!»

«Не думаю, — возразил он, — мне ясна моя цель.

Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.

Я люблю точное знание, презираю свирель,

Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»

«Но, друг, — я промолвил, — такой ли теперь час?»

*От заблуждений стремятся все к
новому свету!*

*Тебе ли вновь повторять, что ска-
зано тысячу раз!*

*Пойми тайны души! стань кудес-
ником, магом...»*

*«Ну, нет, — он вскричал, — я не
хочу остаться за флагом!»*

*«Что за выражения! ах да! ты лю-
бишь спорт...*

*Все подобное надо оставить! сты-
дись, будь же горд!»*

*«Я — горд, — он воскликнул, —
свое значенье я знаю.*

*Выступаю смело, не уступлю в
борьбе!*

*Куда б ни пришел я, даже если б к
тебе, —*

*Приду по венкам! — я их во мгле
различаю!»*

*И ему возразил я печально и стро-
го:*

*«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой
дорогой,*

Из упований уступишь ты много!

ах, много!
О, прошлое! О, юность! кто не мо-
лился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то
неизменно!»
Не уступлю ничего! пойду своим
путем!
Жаловаться позорно, раскаянье
презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет
о былом!

Он стоял предо мной, и уверен и
смел,
Он не видел меня, хоть на меня
он смотрел,
А если б увидел, ответил презре-
нием,
Я — утомленный, я — изменен-
ный, я — уступивший судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я при-
шел к себе! —
В вечерний час пришел роковым
привиденьем...

И медленно, медленно образ по-
гас,

И годы надвинулись, как знакомые маски.

Часы на стене спокойно пробили час...

Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898

Сказание о разбойнике Из Пролога

*Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.*

*Был тот Петр разбойником
тридцать лет,
Меж товарищей почитался на-
большим,
Грабил поезда купецкие,
Делывал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младен-
цев.*

*В той же стране случился мона-
стырь святой,
На высокой горе, на отвесной, —
Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет до-
ступа.*

*Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.*

*Пойду, постучусь переходим
странником,
Ночью вам ворота отпру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»*

*Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под
ворогами.*

*Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.*

*Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить —
не знает.*

*А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:*

«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он — земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

*Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подви-
гами.*

А когда со святыми преставился,

—

*Мощи его и поныне чудеса тво-
рят.*

28 августа 1898

Аганат Финикийский рассказ

*Женская звезда — планета Истар: она
такова на закате. Мужская звезда —
планета Истар: она такова при восхо-
де.*

*Из текстов в библиотеке Ассурбанипа-
ла*

Астарта Сидонская

*Небесная девственница,
Богиня Астарта,
В торжестве невинности ты
стоишь предо мной.
Длинная лестница,
Освещенная ярко,
А за дверью во храме смутный су-*

мрак ночной.

Я знаю, божественная, —
Ты отблеск Ашеры,
Богини похоти и страстных но-
чей.
Теперь ты девственна!
Насладившись без меры,
Ты сияешь в венце непорочных лу-
чей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой воз-
вышенный зов.
Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных ча-
сов.

Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и
цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери
Возвращенье к невинности... да!
я — как ты.

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В тем-
ном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь
бледна.

В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратись, погиб безвестно в
море.

И, девственность принесши в дар
богам,
Она с тех пор жила как жрица
страсти,
А плату за любовь несла во храм.

Чуть подымались в дали синей
снасти,
Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запя-
стий,

И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку
похожий,
Где в нижней комнате царила

мгла

*И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дорожке,*
—

*Но каждый день входили гости к
ней.
И от объятий в вихре наслажде-
нья,
От тел, сплетенных, словно пара
змей,*

Означилось на камне углубленье.

II

*Когда бы маг, искусный в звездо-
чтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.*

*Так! — не погиб в скитаньях твой
женых:
В стране далекой он томился
пленным,
За годом годы, как за мигом миг.*

Он жил рабом, отверженцем презренным,
Снося обиды, отирая кровь,
Но в сердце он остался неизменным:

К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: все вернется
вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он наконец покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой
триерой

И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет, и ждет сидонских
стен,

Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это все не сон!»
Но только берег встал над гла-

дью водной,

Едва раздался с мачты крик: «Сидон!» —

*Иное что-то вдруг открылось душам,
Своей мечты безумье понял он*

И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона

*В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,*

*Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...*

Но горе тем, кто не нашел друзей,

Кто был обманут вожделенной встречей!

*Для тех гетеры собрались сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.*

Как жаждал он хоть бледного
следа
Былого! — Тщетно! Что воспоми-
нанья
Нетленно пронесли сквозь года,

Исчезло все. Сменились очерта-
нья
Залива; пристань разрослась с
тех пор,
Столпились вокруг неведомые зда-
нья.

Нигде былого не встречает взор...
Лишь моря шум твердит родные
звуки,
Да есть родное в высях дальних
гор.

«Пятнадцать лет! пятнадцать
лет разлуки!
Искать друзей иль убежать на-
зад?»
Но вдруг до плеч его коснулись ру-
ки.

Он смотрит: золото, браслетов
ряд,

*И жгучий взор под бровью слыш-
ком черной.
«Моряк, пойдём! на нынче ты мой
брат!»*

И за гетерой он идет покорный.

IV

*Не начато вино в больших амфо-
рах,
Он с ней не рядом (то недобрый
знак),
И мало радости в упорных взорах.*

*Глядит он молча за окно, во
мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый мо-
ряк.*

*Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ.
Спеши!
Она зовет тебя полураздетой.*

*Но он, — томим до глубины души,
—
Садится к ней на каменное ложе,*

И вот они беседуют в тиши.

*«Зачем меня ты позвала?» —
«Прохожий,
Ты так хорош». — «Ты здеш-
няя?» — «О да!»
«Что делала ты прежде?» — «Да
все то же».*

*«Нет, прежде! Ты была ведь моло-
да,
Быть может, ты любила...» — «Я
не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»*

*И вдруг, вскочив, она спешит к
развязке,
Зовет его. Но, потупляя взгляд,
Не внемлет он соблазнам слов и
ласке.*

*Потом, глухим предчувствием
объят,
Еще вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» — «Я — Ага-
нат!»*

И вздрогнул он и прянул прочь в

испуге.

V

*О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царству-
ешь всевластно
Над морем, над землей, над сном
пустынь.*

*Ты видишь все, все пред бессмерт-
ной ясно;
Твое желанье — всем мирам за-
вет;
Дрожат и боги — пред тобой, пре-
красной!*

*Когда свершилась эта встреча,
свет
Твоей звезды затмился на мгнове-
нье...
Но благодати твоей предела нет.*

*Решила ты, — исполнено решение.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколе-
нья,*

Восстали вновь из праха города,

Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Все стало вновь как прежде, как тогда.

Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених
Опять в лесу за городом бродили.

И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих.

А ей была разлука эта — горе.
«Не уезжай! на что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.

И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —

Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897 — 4 октября 1898

**Царю Северного полюса
Вступления**

1

*Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно, —
Было все мечтой изведено.*

*К этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но их замыслы преступные
Погасали в бездне влажной.*

*Эти страны неизвестные
Открывали дали сказкам...
Тем, кому в пределах тесно,
Эти сказки были ласками.*

2

*Если был победитель, тебя раз-
венчавший, о Полюс,
Имя его отошло в тихую тайну
веков.
Люди наших дней не победы ищут,
а славы;*

Сладок им не венец, — рукоплесканья венецу.

О, великая сладость — узнав, утаить от вселенной!

Мне довольно знать, — что я свершил, — одному.

I

Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся,
Викинг великий, кликнул он клич по Норвегии.

Собрались бойцы могучие:
Эрик, вскормленный тучами,
Аунд, прославленный скальдами,
Горм с сыновьями, с двумя
Освальдами,
С ними со всеми сорок дружинников.

Не долго бойцы собирались,
На корабль садились, — смеялись.
Навсегда с друзьями прощались.
Жена поплачет — утешится,

Друг погрустит — другого найдет,
Старуха-мать все равно умрет.

Плыть все вдаль —
Не печаль.
Где волна,
Там весна.
Есть топор, —
Будет свор!
Бой в руке держу!
Если ж скальда нет,
Песнь и сам сложу
В честь побед!

II

Скрылся в налете тумана Скре-
лингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется
дрожь корабля.
Море, и небо, и море — к Северу
путь без границ;
Дико звучат на просторе крики
чудовищных птиц.
Медленно ходят по воле первые
дерзкие льды. —
Викингам любо раздолье, дали хо-
лодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью
захвачен варяг
(Где-нибудь выглянет берег, где-

нибудь встретится враг!).
Знает он все побережья, всюду ру-
биться был рад:
С Русью ходил в Обонежье, плавал
по рекам в Царь-град,
Грабил соборы Севильи, видел
останки Афин...
Парус, развейся, как крылья! челн,
полети, как дельфин!

Анунд, скиталец угрюмый, смотрит
на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума в волнах,
как птица морей.
Истинный викинг ни ночи в хижине
дымной не спит,
Истинный викинг не хочет на
ночь повесить свой щит;
Пенистый рог не веселье пить сре-
ди женщин и дев;
В челнах — всегда новоселье, в
волнах — не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь
он доволен судьбой:
Скоро заслышит он трубы, тру-
бы, зовущие в бой.
Выйдет старик, как берсеркер, ду-

шу потешит в бою...
Дуй, куда вздумаешь, ветер! мчи,
куда хочешь, ладью!
С кем бы ни бой, что за дело!
Горм жаждет биться сплеча!
Страшно в жилище у Гелы,ждан-
ная смерть — от меча.

К Северу взором прикован, Свен не
уйдет от руля.
Зовом мечты зачарован, правит
он бег корабля.
Скоро во мраке засветит полночи
чара — Звезда;
Свен, весь дрожа, ей ответит, ве-
рен он ей навсегда.
Товарищам лучшая доля — битвы
и крики врагов,
Но властная воля стремится их в
области ночи и льдов.
Затмился налетом тумана Скре-
лингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется
дрожь корабля.

III

Пышны северные зимы, шестиме-
сячные ночи!

Льды застыли, недвижимы, в ба-
хроме из снежных клочий.
Волны дерзкие не встанут, гребни
их в снегу затихли,
Ураган морской, обманут, обо
льды стучится в вихре.
Чаще царствует молчанье, сон в
торжественной пустыне;
Мир без грез, без содроганья, в по-
лутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг во-
круг Царицы Ночи,
Звезд девичник непорочный водит
пламенные очи.
Им во льдах зеркальных снятся —
двойники, земные сестры,
На снегах они дробятся, словно
луч цветной и пестрый.
Ослепляя блеском горы, между
них в потоке звездном,
Вдруг спадают метеоры, торо-
пясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смиряя,
расстилаясь, будто знамя,
В небе с края и до края пламя дви-
жется столбами.

Нет им грани, очертанья: в смене
рдяных освещений
Царь полярного сиянья гонит су-
мрачные тени,
Создает деревья, травы, высыла-
ет птиц чудесных, —
Сам смеется на забавы, — царь в
безвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег поды-
мется, как тучи;
Брови белые нахмура, Один ринет-
ся могучий.
Дев-валькирий вереницы заторо-
пят черных коней,
Будут крики без границы, будет
стук мечей о брони,
Будет скачка, пляска, бубны, бу-
дет бой в безумном вое...
Из могил на голос трубный вста-
нут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши
морозом жгучим!
Дни проходят, словно дымы, дни
подобны снежным тучам.
Поспешай на быстрых лыжах,
взор вперяя в след олений,

*Жди моржей космато-рыжих, бей
раскидистых тюленей,
Встреть уверенной острогой хму-
рых медленных медведей, —
Смейся, смейся над тревогой, в
песнях думай о победе!
Пышны северные зимы, образ бу-
дущей Валгаллы!
Дни проходят, словно дымы, вре-
мя вечность оковала.*

IV

Песня Свена

*«Одна на полюсе небесном
Царит бессменная Звезда,
Манит к пределам неизвестным,
Снов не обманет никогда.*

*В круговращеньи вольно-смелом
Летит над нами небосвод:
Она в восторге онемелом
Из праха к горнему влечет.*

*Я схвачен беспощадным зовом,
Как парус ветром, — увлечен;
Жених невесте верен словом,
С Звездой небес я обручен.*

Ах, знаю! мощь в руке все та же,
Мой взор пронзителен и смел,
Я б побороться с силой вражей
Как в годы подвигов сумел.

Но, верен высшему запрету,
Страстей волну я превозмог.
Так! путник я, идущий к свету,
Я — вестник, ставший на порог.

Друзья, друзья! взметайте чаши!
Над снежной кровлей блещет
твердь.
Нет, не солгали клятвы наши:
Я вас туда влеку, где смерть!»

-

И плыли они над холодной водой,
И ветры по снастям свистели;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Приветствия ей они пели.

Их легкие челны томились в плесну,
Но, дерзкие, в хижине дымной,
Пируя, они величали весну,
С метелью спевались их гимны.

*И ветер весенний вздувал паруса,
И кони морские, все в пене,
Бросались в пучину, зажмурив
глаза,
За брызгами пряча колени.*

*И плыли, и пели, в метели, в грозе,
Морской возрастающей степью,
Вождю-предводителю верные все,
С ним связаны клятвенной цепью.*

*И много могил, неоплаканных
тел
Корабль в безызвестности бро-
сил,
Но что им за дело! ведь парус их
цел,
Есть копыя для боя, есть руки для
весел!*

V

*Пойте печальные песни,
Ветер, месяц, туман!
Плачьте на Полюсе вечном,
Дети пламенных стран.
Волны идут издалека,
Ветер свистит одиноко,
Месяца тусклое око*

Всюду глядит в Океан.
Пойте на Полюсе вечном
О торжестве скоротечном,
Дети пламенных стран.

Плачьте на ранней могиле,
Где Эрик-скиталец зарыт;
Мечты его дальше стремили,
На пути он выронил щит.

В скале, в причудливом гроте,
Горма покоится прах;
Он погиб на веселой охоте,
Умер с острогой в руках.

Освальды, ободря друг друга,
В непогоду пошли за моржом;
И засыпала шумная вьюга
Братьев в объятьях вдвоем.

Любя бушевание влаги,
Любовались бойцы на шквал;
Утром сочлись варяги, —
Анунда никто не видал.

И погибли все сорок, все сорок!
Спят под водой и во льдах,
Но Тор, кому храбрый дорог,

Их примет в своих полях.

*Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе,
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчаньи беспечном,*

*Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяцы, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран!*

VI

*Тени ходят, ветер веет,
Океан о камни бьет,
И замедлить жизнь не смеет
Свой развернутый полет.*

*Часть морей купая в зное,
Часть прохладам удел я,
Ни на миг не спит в покое
Солнцу верная Земля.*

*Солнце, искра в сонмах млечных,
Увлекает путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.*

*Без предела, без начала
Этот бег вперед, вперед!
Вечность в прошлом миновала,
Вечность нынче настает.*

*И только один лишь утес недви-
жимо
На Север подьѐмлет чело.
Вы, ветры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не
могло.*

*Когда-то взглянул он восторжен-
ным оком
На мертвую прелесть Полярной
звезды,
И долго смотрел, и во сне одино-
ком
Он замер, застыл, оковался во
льды.*

*Пронизан восторгом, с тех пор
неизменно
Века он следит за избранной Звез-
дой.
Смеется Звезда, как царица все-
ленной,
И вокруг нее сестры идут чередой.*

*Кто нарушил мир заветный,
Тишину великих вод,
И вступил в приют запретный,
И упал на вечный лед?*

*На снегах, в степях бесплодных,
Сон друзей его глубок...
Произволу волн свободных
Предоставил он челнок.*

*Тот челнок лежит разбитый,
Кончен дерзкий переезд.
Словно в храмине открытой,
Свен следит за бегом звезд.*

*Их стремится вереница,
Но над ним — в ответ мечте —
Стала Севера царица
Прямо, в ясной высоте.*

*Сердце большего не просит,
К цели жизни Свен проник.
Так. Звезда сиянье бросит
На его померкший лик.*

VII **Голоса Стихий**

*Я — Земля, я — косность мира,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малого кристалла.*

*Я дала приюты тучам,
На груди подъяла море,
Я полна огнем текучим...
Кто со мной, с могучей, в споре?*

*Сестры, братья! славьте Землю!
Славьте косность и пределы!
Все держу я, все объемлю,
Вас родню, — и мной вы целы!*

Вода

*Я — Вода. Я в вечной смене.
В дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растений,
Стадо к речке побежало.*

*Жизнь воды многообразна:
Петь ручьем, летать туманом,
Зацветать в озерах праздно,
Выть и биться океаном.*

*Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!*

*Я — движение Природы,
Вас влеку, — и мной вы живы.*

Огонь

*Я — Огонь. Мой лик случаен,
Вольной прихоти послушен.
Целый мир не мной ли спаян?
Мною будет мир разрушен!*

*Я ползу. Я дик и злобен;
Спать умею в камне малом;
Лгать, притворствовать спосо-
бен,
Но встаю до неба жалом.*

*Сестры, братья! славьте пламя
(Очи блещут, очи красны)!
Я — над миром битвы знамя,
Вас гублю, но мной вы властны.*

Воздух

*Воздух я, незрим, неслышен,
Я проник в глубины скважин.
Но огонь не мной ли пышен?
Я водой дышу — и влажен.*

*Я ласкаю розы мая;
В буре вею, беспощаден;*

*Землю вздохом обтекая,
В голубом плаще наряжен.*

*Славьте воздух! сестры, братья!
Облака меня колышат,
Горы принял я в объятья,
Всех люблю, — все мною дышат.*

Все вместе

*Если к тайне заповеданной
Взор, единой думе преданный,
С дерзкой радостью проник, —
Не покинем мы беспечности:
Было то однажды в вечности,
Было — лишь на беглый миг.*

*Но да будет он единственный!
Этот день, как сон таинствен-
ный,
Скроем мы в святую тьму.
Мы засыплем гроб неведомый.
Слишком громкими победами
Не гордиться никому!*

*Мы даем обет молчания.
Мы задвинем край изгнания
Бездной вихрей и пучин.
И о том, что тайны видены,*

*Что прошел ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты один.*

Земля

*Даю обет молчания;
От века я молчу.*

Вода

*Я знаю; только знания
В мгновенной смене мчу.*

Огонь

*Я — ложь. Твержу неверное,
Не знаю истин я.*

Воздух

*Мое движенье мерное —
Безмолвная струя.*

VIII

*Свен Краснозубый, на Полюсе ди-
ком
Ты встретил смиряющий сон.
Снова кругом всё в молчаньи вели-
ком,
Ясен и тих небосклон.
На конях свободных, бурных
От высот своих лазурных*

Под военные напевы
И к тебе слетели девы.
Ты достоин чести бранной,
Ты — валькирий гость желанный.
На тебя из той страны
Благосклонно смотрят деды:
Ты погиб не в день войны, —
В день победы!

Встретишь ты в полях Валгаллы
Всех, кому был в жизни люб.
Ты войдешь, пловец усталый,
Под веселый голос труб.

Там, с семьей других героев,
Уготован, ждет приют.
Все для игр и славных боев
Дни бестенные найдут.

Может быть, где отдых сладок,
Обретет душа твоя
Мир от тягостных загадок,
Вечных в бездне бытия.

IX

Голос

Я вам принес благую весть,
Мечты былых веков:

Что в мире много истин есть,
Как много дум и слов.

Противоречий сладких сеть
Связует странно всех:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грех.

От дней земли стремись в эфир,
Следи за веком век:
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!

Но, вздрогнув, как от страшных
снов,
Пойми — все тайны в нас!
Где думы нет — там нет веков,
Там только свет — где глаз.

Стихий бессильна похвальба,
То — мрак души земной.
К победе близится борьба, —
Дышу, дышу весной!

И что в былом свершилось раз,
Тому забвенья нет.
Пойми — весь мир, все тайны в
нас,

В нас Сумрак и Рассвет.

1898–1900

Предание о Луне Баллада

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
К. Бальмонт*

*В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.*

*Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;
И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.*

*Трава глушила злобный лес,
Деревя мяли траву,
Душител-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес*

Шумели все про славу.

И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок — смешной стеб-
лем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.

Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит — вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.

И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогогласной,
Но с ней, как чуждая струна,
Сливался зов неясный.

Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;

Роптал, что всем мечтам предел
Так близко — пояс млечный!

Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.

Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доныне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных.
А братья жили шумом гроз —
Забывших, бесполезных.

И вдруг, ему в ответ, — вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, — цветок с земли, —
Повис, — в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа — связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.

*И с этих пор до нас — она
Наш спутник неизменный.*

*Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.*

17 июля 1900

Замкнутые Сатирическая поэма

I

*Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира
оградясь,
Он не хотел дышать ничем жи-
вым и новым.
Почти порвав с шумящим миром
связь.
Он жил былым, своим воспомина-
нием,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зда-
нием,
Каким-то сказочным преданьем*

О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.

*Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня,
стерегла.*

*А с двух сторон распростиралось
море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.*

*На пристани не раз, глаза с тоской
прилежной*

*В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный
прилив,*

*Как облака неслись — вперед и мимо,
мимо...*

Но не было вдали ни паруса, ни дыма —

Никто не плыл к забытым берегам...

*Лишь абрис острова порой мелькал
мне там,*

*Где явственно заря, когда без солнца
светит,*

Границу кругозора метит,

Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благодный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежилась сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены стро-
го,
Являли церкви мощь свободных
сил.
В них дух столетий смело вопло-
тил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам
от отца,
Но каждый камень, взвешен и раз-
мерен,
Ложился в свой черед по замыслу
творца.
И линий общий строй был строг и
верен,
И каждый малый свод продуман
до конца.
В стремленьи ввысь, величествен-
но смелом,
Вершилось здание свободным
острием,
И было конченным, и было це-
лым,
Спокойно замкнутым в себе са-
мом.

В музеях запертых, в торже-
ственном покое,

Хранились бережно останки старины:

Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,

То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную
дрожь.

Как в ветер верило истлевшее
ветрило!

Как жаждал мощных рук еще
сверкавший нож!..

А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных,
то пустынных.

В одних всё статуи, картины и
резьба,

Обряд, застывший в пышностях
старинных,

Бессмысленно-пустая ворожба!
Над миром скованным гудящий

воплъ органа,
Зов пастыря — как божий го-
лос — строг,
Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «Dominus vobiscum!» — «с ва-
ми бог!».
В других церквах восторг опусто-
шенья,
На черных стенах цифры, ряд
страниц;
Молящиеся, в чинном исступле-
нии,
Кричат псалмы, как стаи хищ-
ных птиц.
Но вопль органа вдруг — замрет,
как самый камень.
Друг другу повторив, что это
лишь обряд,
Они для памяти причастие тво-
рят,
И пастырь в сюртуке вещает
важно: «Амен».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность
их речей.
Казалось мне: влекут кумир
огромный Знаний

Покорные быки под щелканье бичей.

Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,

Телега тянется — в веках намечен путь, —

Все было в тех речах безжалостно-знакомым,

И в смене скучных слов не изменялась суть.

Однажды ошибаясь при выборе дороги,

Они упрямо шли, глядя на свой компас.

И был их труд велик, шаги их были строги,

Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.

О бедность горькая опустошенных дум!

Искусство! вольная стихия!

Сюда не долетал твой вдохновенный шум!

Художник быть не может не пророком,

*И рабство с творчеством согла-
совать нельзя!*

*Кто не прошел пустынь в томле-
нии одиноком,
Не знает, где лежит святой меч-
ты стезя!*

*В искусстве важен искус строгий.
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.*

*Твоя душа — то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.
Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир — и сух и пуст.*

*Так! сделай жизнь единой дро-
жью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью, —
Во имя кисти и резца!*

*Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!*

*Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье, —
Она уже отрешена!*

III

*А жизнь кругом лилась, как степью
льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся
день,
С покорностью свой круг кончали
годы,
С покорностью заря встречала
тень.
Случалось в праздник мне, на площади
выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных
дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.*

*Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной
жизни миг:
Там дремлют старики, там зво-*

нок голос детский,
Там в уголке — невеста и жених.
И только изредка над этой слад-
кой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги
рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угро-
зой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развеси-
стый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при
луне.
В воскресный летний день весь го-
род ратью чинной
Сходился там — мечтать и от-
дохнуть.
И восхищались все из года в год ру-
иной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности
давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллей был радостен
и тих,

Но в этой тишине я был чужой и
лишний.
Я к пристани бежал от оскорб-
ленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на
миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой за-
пах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен
скрип.

О пристань! я любил твой
неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший
из столетий, —
И на больших шестах растяну-
тые сети,
И лодки с грузом серебристых
рыб.
Любил я моряков нахмуренные
взоры
И твердый голос их, иной, чем го-
рожан.
Им душу сберегли свободные про-
сторы,
Их сохранил людьми безлюдный
океан.
Там было мне легко. Присевши на

бочонок,
Я забывал тюрьму меня обстав-
ших дней,
И облака следил, как радостный
ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё
ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне
кричали;
Что было вокруг меня, все превра-
щалось в зов...
И раскрывались вновь торже-
ственные дали:
Пути, где граней нет, простор без
берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир
единый:
Обычной внешности. Пред искрен-
ностью страх
Торжествовал и в храме и в го-
стиной,
В стихах и вере, в жестах и сло-
вах.
Жизнь, подчиненная привычке и
условью,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел — ни скорбью, ни
любовью
Упитаться, как вином пылающим,
до дна;
Никто не подымал с лица холод-
ной маски,
И каждым взглядом лгал, и пря-
тал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли
ласки
И берегли свой пафос лишь для
книг!

От этой пошлости, обдуманной,
привычной,
Как жаждал, хоть на час, я воль-
но отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, жи-
вой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где
дом публичный!
Как пристани во мгле, вы выси-
лись, дома,
И люди знали вновь, отдавшись
вашей власти,
Все беспристрастие и купли и
найма,
Паденья равенство и откровен-

ность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и ра-
бы!)
Твердили «строгий долг» и
«скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и
борьбы,
То знали ненависть, то чувствен-
но стонали,
Тогнулись под рукой Слепой Судь-
бы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над без-
дной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой
мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьяненьи
Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,

*И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.*

V

*И страшная мечта меня в те дни
томила:*

*Что, если Город мой — предве-
стие веков?*

*Что, если Пошлость — роковая
сила,*

*И создан человек для рабства и
оков?*

*Что, если Город мой — прообраз,
первый, малый,*

*Того, что некогда жизнь явит в
полноте,*

*Что, если мир, унылый и уста-
лый,*

*Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой*

черте?

*И, как кошмарный сон, виденьем
беспощадным,*

*Чудовищем размеренно-громад-
ным,*

*С стеклянным черепом, покрыв-
шим шар земной,*

*Грядущий Город-дом являлся пре-
до мной.*

*Приют земных племен, размечен-
ный по числам,*

*Обязан жизнью (машина из ма-
шин!)*

*Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли послед-
ний сын!*

*Предчувствовал я жизнь замкну-
тых поколений,*

*Их думы, сжатые познанием, их
мечты,*

*Мечтам былых веков подвласт-
ные, как тени,*

Весь ужас переставшей пустоты!

*Предчувствовал раба подавлен-
ную ярость*

*И торжествующих многообраз-
ный сон,*

*Всех наших помыслов обманутую
старость,*

Срок завершившихся времен!

.....

.....

*Но нет! Не избежать мучитель-
ных падений,*

Погибели всех благ, чем мы те-
перь горды!
Настанет снова бред и крови и
сражений,
Вновь разделится мир на вражьих
две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчит-
ся по вселенной
И в бешенстве сметет, как тра-
вы, города,
И будут волки выть над опусте-
лой Сеной,
И стены Тауэра исчезнут без сле-
да.

Во глубинах души, из тьмы тыся-
челетий,
Возникнут ужасы и радость бы-
тия,
Народы будут хохотать, как де-
ти,
Как тигры, грызться, жалить,
как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и
свеет время,
Все чувства давние, всю власть

заветных слов,
И по земле взойдет неведомое
племя,
И будет снова мир таинственен и
нов.

В руинах, звавшихся парламент-
ской палатой,
Как будет радостен детей свобод-
ных крик,
Как будет весело дробить остан-
ки статуй
И складывать костры из беско-
нечных книг.

Освобождение, восторг великой
воли,
Приветствую тебя и славлю из
цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу
поле, поле...
О солнце! о простор! о высота
степеней!

1900⁻¹⁹⁰¹
Ревель, Москва

Urbi et Orbi (1901–1903)

К.Д. Бальмонту, другу и брату

Вступления

«По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах...»

*По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах,
в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти,
о всем распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены,
и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали,
внимали стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая меня,*

как царя,
И, теням подобно, лилась по ступеням
потоком широким заря.
Довольно, довольно! я вас покидаю!
берите и сны и слова!
Я к новому раю спешу, убегаю,
мечта неизменно жива!
Я создал, и отдал, и поднял я молот,
чтоб снова сначала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод,
творю,
чтобы кинуть опять!

Апрель 1901

Лестница

*Всё каменней ступени,
Всё круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.*

*Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной — нет.*

Помедлив на мгновенье,

*Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.*

*Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,*

*И лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?*

Январь 1902

Последнее желанье

*Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знанье,
Которое, таясь, люблю?*

*Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?*

*Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,*

Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, — миги! миги! —
Бездонный, многозвенный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У себя

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я — дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел, не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,
Но чую блеск иного света,

*Возможность новых совер-
шенств!*

*Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!*

*Лучей зрочки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной — никто!*

1⁹⁰¹

Побег

*И если, страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...
Tertia Vigilia*

*Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.*

*И в этой мгле прошли — не знаю,
—
Быть может, годы и века.*

*И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.*

*Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.*

*И сон, который был так долгод,
Вдруг кратким стал, как всё во
сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.*

*В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.*

*И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.*

*И я — в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!*

Август — октябрь 1901

Работа

*Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!*

*Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!*

*Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.*

*В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?*

*Что восстанут за вопросы,
Опынят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?*

А когда, и в дождь и в холод,

Зазвонит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

Мечтание

О, неужели день придет,
И я в слезах и умиленьи
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.

Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мне ненавистна комнат тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.

Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день — менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий
ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.

*Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.*

*Случайный гость в толпе любой,
Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.*

*И женщина — подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожжа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!*

1900⁻¹⁹⁰¹

Искатель

*О прекрасная пустыня!
Прими мя в свою густыню.
Народный стих*

*Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей!*

*За мной — последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.*

*В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.*

*Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?*

*Быть может, на тропах звери-
ных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.*

*Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.*

*А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес — и глянет море
В глаза мне миллионом глаз,*

30 сентября 1902

Нить Ариадны

*Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.*

Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар пол-
дневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видев странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити — нет.

*И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.*

*Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.*

28 октября 1902

Блудный сын

Так отрок Библии, безумный расточитель...

Пушкин

*Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!*

*Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сон сидонских мудрецов.*

*И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.*

*И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.*

*Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотат-
ство,
Бежал я в мир лесов и нив.*

*Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.*

*И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!*

*Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!*

*О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!*

Ноябрь 1902 — январь 1903
У земли

*Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов*

*Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.*

*Ты всему живому — мать,
Ты всему живому — сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!*

*Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.*

*Помоги сыскать кольцо!..
Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.*

*Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать*

На грядках, недавно взрытых.

*Я — твой сын, я тоже — прах,
Я, как ты, — звено создания.
Так откуда — страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?*

*В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?.*

*Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня — с могилой?*

1⁹⁰²

В ответ П.П. Перцову

*Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
А. Хомяков*

*Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого — от плуга.*

*Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!*

*Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!*

*Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» — нам никто не
скажет.*

*А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?*

*Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, — нас только
двое!*

Нам кем-то высшим подвиг дан,

*И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!*

*А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, — мечта, —
Сам отрешит тебя от плуга!*

24 августа 1902

Песни

Фабричная

*Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.*

*Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.*

*Как они друг другу любви!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.*

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...
Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветок —
Темно-синий василек.

23 декабря 1900

Фабричная

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,

Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавши на стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка-Волга,

28 июня 1901

Детская

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь.
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело

Посреди двора.

Август 1901

Сборщиков

*Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.*

*Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;
Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.*

*Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.*

Вас бог не забудет.

24 августа 1898

Девичья

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.

Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..
Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним на паре,
До утра с ним прокучу.

Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко, —
За другим приди ко мне.

Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,

Да подарок будет мой!

Если с кем я целовалась,
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

1⁹⁰¹

Веселая

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, в лежку,
Чтоб поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвиваю букли.

*Если ж станет невтерпеж
С мутного похмелья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.*

*Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!*

6 сентября 1901

Баллады

Раб

*Я — раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и чер-
ным,
Я молча повергался ниц.*

*Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.*

*И раз — мой взор, сухой и страст-
ный,
Я удержать в пыли не мог,*

*И он скользнул к лицу прекрасной
И очи бегло ей обжег...*

*И вздрогнула она от гнева,
Казнь — оскорбителям святынь!
И вдаль пошла — среди напева
За ней толпившихся рабынь.*

*И в ту же ночь я был прикован
У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.*

*Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в
храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.*

*И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!*

*И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.*

*И было все на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,
Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.*

*Я утром увидал их — рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взгля-
дом, —
Прикован к ложу их, как пес.*

*Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить все — вновь!*

Ноябрь 1900

Пеплум

*Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий.*

*Я иду, иду одна
Вдоль стены, укрыта тенью;
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.*

Статный юноша пройдет,
Щит о меч случайно брякнет, —
Громче шум бегущих вод,
Водопад мой не иссякнет!

Наконец, без сил, без слов,
Дрожь в руках и взоры смутны,
Я заслышу жданный зов —
Быть подругою минутной.

Я пойду за ним, за ним
В переулочек опустелый,
Черный плащ его, как дым,
Пеплум мой, как саван белый.

Я войду к нему, к нему...
О, скорей гасите свечи!
Я хочу вступить во мглу.
Свет померк, померкли речи.

Кто-то... где-то... чьих-то рук
Слышу, знаю впечатленья.
Я хочу жестоких мук,
Ласк и мук без промедленья.

Набегают сумрак вновь,
Сумрак с отсветом багряным,
Это ль пламя? это ль кровь?

Кровь, текущая по ранам?

*Ночь — как тысяча веков,
Ночь — как жизнь в полях за Ле-
той.*

*Гасну в запахе цветов,
Сплю в воде, лучом согретой...*

*...В прорезь узкого окна
Глянет утро взором белым.
Прочь! оставь! — иду одна
Переулком опустелым.*

*Сладко нежит тишина,
С тишиной роднится тело,
Стен воскресших белизна
Оттеняет пеплум белый.*

15 октября 1900

Помпеянка

*«Мне первым мужем был купец
богатый,
Вторым поэт, а третьим жал-
кий мим,
Четвертым консул, ныне евнух
пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с
ним.*

Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский
раб,
Не жду над гробом: „casta et
rudica“[9]
Для многих пояс мой был слыш-
ком слаб.

Но ты, мой друг, мизиец мой
стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все
лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном
сне,
Забыв, что вся взволнована Пом-
пея,
Что над Везувием лазурь в огне.

Когда ж без сил любовники за-
стыли
И покорил их необорный сон,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.

*Века прошли; и, как из алчной па-
сти,
Мы вырвали былое из земли.
И двое тел, как знак бессмертной
страсти,
Нетленными в объятиях нашли.*

*Поставьте выше памятник свя-
щенный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселен-
ной
О страсти, перешедшей за предел!*

17 сентября 1901

Путник

*По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвой понежить
взгляд.*

*Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.*

Где у границ безводной степи,

Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи,

—
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтан-
ный

Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дро-
жи,

В ее больших глазах — слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.

Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!

Вот здесь плоды в корзине тес-
ной,

Вино и горная вода.

*Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».*

*И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она — прекрасна и безгрешна,
Она — как юная заря.*

*Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.*

*Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.*

*Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.*

1⁹⁰³

Решетка

Между нами частая решетка,

*В той тюрьме, где мы погребены.
Днем лучи на ней мерцают крот-
ко,
Проходя в окно, вверху стены.*

*Между нами кованые брусья,
Проволок меж них стальная
сеть.
До твоей руки не дотянусь я, —
В очи только можем мы смот-
реть...*

*Тщетно ближу губы сладо-
страстно, —
Лишь железо обжигает их...
Смутно вижу, в полутьме неяс-
ной,
У решетки — очерк губ твоих.*

*И весь день, пока на темной ста-
ли
Там и сям мелькает луч дневной,
В содроганьях страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты — мной!*

*Нас разводит сумрак. На соломе
Мы лежим, уйдя в свои углы;
Там томимся в сладострастной*

дreme,
Друг о друге грезим в тайне мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть может, нет для нас от-
рады
Слаще пытки вашей, палачи!

28 сентября 1902

У моря

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.

И где-то в глубине бездонной
Я различала наконец

*Весь сводчатый и стоколонный
Царя подводного дворец.*

*В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.*

*Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня, —
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.*

*И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!*

*Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.*

3 февраля 1902

Думы

L'ennui de vivre...[10]

*Я жить устал среди людей и в
днях,
Устал от смены дум, желаний,
вкусов,
От смены истин, смены рифм в
стихах.
Желал бы я не быть «Валерий
Брюсов».
Не пред людьми — от них уйти
легко, —
Но пред собой, перед своим созна-
ньем, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминаньем.
Склонясь, иду вперед, растущий
груз влача:
Дней, лет, имен, восторгов и паде-
ний.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовер-
шенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в серд-
це-склепе),*

*И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.*

*О, да! вас, женщины, к себе воз-
звал я сам
От ложа душного, из келий, с пе-
репутий,
И отдавались мы вдвоем одной
минуте,
И вместе мчало нас течение по
камням.*

*Вы скованы со мной небесным,
высшим браком,
Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам — на миг, и
тем навек.*

*Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как
вол,
Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пье-
дестал:
Живую груды тел, которые лас-
кал,
Которые меня ласкали и томили.*

И думы... Сколько их, в одеждах
золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных
кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные — и снова в
детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных
днях.
Есть думы гордые — мои исканья
бога, —
Но оскверненные притворством и
игрой,
Есть думы-женщины, глядящие
так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой
спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной
дорогой,
Они летят, бегут, ползут — за
мной!

А книги... Чистые источники усла-
ды,
В которых отражен родной и
близкий лик, —
Учитель, друг, желанный враг,
двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой
ковчег
И принесли мне весть, как древле
Ною,
Что ждет меня земля, под паль-
мами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я по-
строю...
С какою жадностью, как тесно я
приник
К стоцветным стеклам, к окнам
вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и
сиянья,
Лучей и форм безвестных сочета-
нья,
Услышал странные, родные име-
на:..
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа
ослепла,

Лучи ее прожгли до глубины, до
дна,
И все мои мечты распались гор-
стью пепла.

О, если б все забыть, быть воль-
ным, одиноким,
В торжественной тиши раскину-
тых полей,
Идти своим путем, бесцельным и
широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как
маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во
мраке,
Без горькой радости воскреснуть
вновь и вновь!

1⁹⁰²

Навет IIIa In Alvo[11]

Ее движенья непрворны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,

Она по-новому прекрасна,
Вне возделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатая,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой
постели,
Он отрывает вдруг себя от чар
ночных,
Дневные яркости на нем отяго-
тели,
И он бежит в огне — лучей днев-
ных.
Как пахарь бросил он зиждитель-
ное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова
изнемочь, —

Ее ж из рук своих освобождает
Время,
На много месяцев владеет ею
Ночь!
Ночь — Тайна — Мрак — Неведо-
мое — Чудо,
Нам непонятное, что приняла
она...
Была любовь и миг, иль только
трепет блуда, —
И вновь вселенная в душе воплоще-
на!

Ребекка! Лия! мать! с любовью
или злобой
Сокрытый плод нося, ты слу-
жишь, как раба,
Но труд ответственный дала те-
бе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной
утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие
века,
Которые преемственностью жи-
вы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль —

вмещаешь дважды ты,
Вмещаешь и даешь им новое тече-
нье:

Ты, женщина, ценой деторожде-
нья

Удерживаешь нас у грани темно-
ты!

Неси, о мать, свой плод! внемли
глубокой дрожи,

Таи дитя, оберегай, питай

И после, в срочный час, припав на
ложе,

Яви земле опять воскресший май!

Свершилось, Сон недавний явен,

Миг вожделенья воплощен:

С тобой твой сын пред богом ра-
вен,

Как ты сама — бессмертен он!

Что было свято, что преступно,

Что соблазняло мысль твою,

Ему открыто и доступно,

И он как первенец в раю.

Что пережито — не вернется,

Берем мы миги, их губя!

Ему же солнце улыбнется

Лучом, погасшим для тебя!

И снова будут чисты розы,

*И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятъя
Вдохнув с дыханьем темноты
(Быть может, также в час зача-
тъя),
В его руках уснет, как ты!*

*Иди походкой непоспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи греш-
ной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветной тайны,
Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь и в бездне высь!*

Июль 1902

Искушение

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайных
границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как пер-
вый в раю,
В говорящий и манящий сад,
Но одно — навсегда, но одно — со-
знаю;
Не идти мне назад!

Зной горит, и губы сухи.
Дали строят свой мираж,
Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»
Были сонмы поколений,
За толпой в веках толпа.
Ты — в неистовстве явлений,
Как в пучине вод щепя.
Краткий срок ты в безднах ды-
шишь,
Отцветаете, чуть возник.
Что ты видишь, что ты слы-
шишь,
Изменяет каждый миг.
Не упомнишь слов священных,
Сладких снов не сбережешь!

Нет свершений не мгновенных,
Тае́т истина, как ложь.
И сквозь пальцы мудрость мира
Протекает, как вода,
И восторг блестящий пира
Исчезает навсегда.
Совершив свой путь тяжелый,
С бою капли тайн собрав,
Ты пред смертью встанешь го-
лый,
О мудрец, как сын забав!
Если ж смерть тебе откроет
Тайны все, что ты забыл,
Так чего ж твой подвиг стоит!
Так зачем ты шел и жил!
Все не нужно, что земное,
Шепчут дьяволы: «Ты — наш!»
Я иду в бездонном зное...
Дали строят свой мираж.

«Ты мне ответишь ли, о Сущий,
Зачем я жажду тех границ?
Быть может, ждет меня гряду-
щий,
И я пред ним склоняюсь ниц?

О сердце! в этих тенях века,
Где истин нет, иному верь!

*В себе люби сверхчеловека...
Явись, наш бог и полузверь!*

*Я здесь свершаю путь бесплодный,
Бессмысленный, бесцельный путь,
Чтоб наконец душой свободной
Ты мог пред Вечностью вздох-
нуть.*

*И чуют проблеск этой дрожи,
В себе угадывать твой вздох —
Мне всех иных блаженств доро-
же...
На краткий миг, как ты, я —
бог!»*

ГИМН

*Вновь закат оденет
Небо в багрянец.
Горе, кто обменяет
На венок — венец.*

*Мраком мир не связан,
После ночи — свет.
Кто миропомазан,
Доли лучшей нет.*

Утренние зори —

*Блеск небесных крыл.
В этом вечном хоре
Бог вас возвестил.*

*Времени не будет,
Ночи и зари...
Горе, кто забудет,
Что они — цари!*

*Все жарче зной. Упав на камне,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мне
Под этот гимн, не знаю чей.
И вот все явственней, телесней
Ко мне, простершемуся ниц,
Клонятся, с умиленной песней,
Из волн воздушных сонмы лиц.
О, сколько близких и желанных,
И ты, забытая, и ты!
В чертах, огнями осиянных,
Как не узнать твои черты!
И молнии горят сапфиром,
Их синий отблеск — вечный свет.
Мой слабый дух пред лучшим ми-
ром
Уже слышал свой привет!*

Но вдруг поднимаюсь я, вольный и

дикий,
И тени сливаются, гаснут в огне.
Шатаюсь, кричу я, — и хриплые
крики
Лишь коршуны слышат в дневной
тишине.

«Я жизни твоей не желаю, гроб-
ница,
Ты хочешь солгать, гробовая пли-
та!
Так, значит, за гранью — вторая
граница,
И смерть, как и жизнь, только
тень и черта?»

Так, значит, за смертью такой
же бесплодный,
Такой же бесцельный, бессмыс-
ленный путь?
И то же мечтанье о воле свобод-
ной?
И та ж невозможность во мгле
потонуть?

И нет нам исхода! и нет нам пре-
дела!
Исчезнуть, не быть, истребиться

нельзя!
Для воли, для духа, для мысли,
для тела
Единая, та же, все та же стезя!»

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Из дали таинственной манит
мираж.
Там пальмы, там влага, так ясно,
так близко,
И дьяволы шепчут со смехом:
«Ты — наш!»

1902

Италия

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
И императоры, как дети.
Ты с трона цезарей судила властно мир
И больший мир из Ватикана.
Былая власть твоя — низверженный кумир,
Но человечество твоим прошед-

шим пьяно.

Твои художники на зыбкости холста

Запечатлели сны, каких не будет
дважды!

Они — к источникам открытые
врата

Для всех, томящихся от безысходной жажды!

На все пути души ты простирала
жезл,

Как знак владычества, — и люди
были рады,

Ниц, преклоненные у величавых
чресл,

Лобзать края одежд, ловить слова
и взгляды.

Италия! священная царица!

Где ныне скипетр твой и лавровый
венец?

Разломана твоя золотая колесница,
ца,

Раскрыты двери в твой дворец.

Италия! несчастная блудница,

И вот к чему пришла ты, наконец!

В лоскутьях мантии и в платье

устарелом,
Улыбкой искривив надмен-
но-строгий рот,
Ты вышла торговать еще пре-
красным телом,
И в ложницу твою — открыт за
деньги вход.
Мы смеем все вкусить от ласк,
святых, бывало!

Мы можем все тебя увидеть в на-
годе!
Как женщина, ты всем доступной
стала,
И стыдно нам тебя узнать в
мечте!

Но еще ты прекрасна, Италия!
Под заемной краской румян,
И с наглостью робкой во взоре!
Прекраснее всех неунижженных
стран,
К которым покорно ласкается
пленное море.
В лагунах еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеции —
Единственный город мечты,
И гордые замки вздымаются

В суровой и нежной Флоренции,
Где создан был сон красоты.
И Рим, чародатель единственный,
Ужасный в величье своем,
Лежит не живой, но таинственный,
Волшебным окованный сном.
Нетленные рощи лимонные
Под немислимым небом цветут.
Горы, — в белых цветах новобрачные!
Воды, собой опьяненные,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорят и живут!
Ты прекрасна, Италия,
От Альп крепковейных до ясной
Капреи
И далее,
До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Где сирокко, устав и слабея,
Губит высокие лилии,
Цветы святого Антония, —
Ты прекрасна, Италия,
Как знакомая сердцу гармония!

Я пришел к тебе усталый,

Путь недавний потеряв,
Беспокойный, запоздалый,
Напрямик по влаге трав.
И случайные скитальцы
Мир нашли в твоём дворце...
О, как нежно эти пальцы
На моем легли лице!
Как прижавшееся тело
Ароматно и свежо!
Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо!
В этой нежности мгновенной,
Может, тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Июнь 1902, Венеция

Париж

И я к тебе пришел, о город много-
ликий,
К просторам площадей, в откры-
тые дворцы;
Я полюбил твой шум, все уличные
крики:
Напев газетчиков, бичи и бубен-
цы;
Я полюбил твой мир, как сон,
многообразный

И вечно дышащий, мучитель-
но-живой...

Твоя стихия — жизнь, лишь в ней
твои соблазны,
Ты на меня дохнул — и я навеки
твой.

Порой казался мне ты беспощад-
но старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркну-
щим бульварам
Меж окон блестящих людской по-
ток катя.
Сверкали фонари, окутанные пря-
жей
Каштанов царственных; бросали
свой призыв
Огни ночных реклам; летели эки-
пажи,
И рос, и бурно рос глухой, людской
прилив.
И эти тысячи и тысячи прохо-
жих
Я сознавал волной, текущей в но-
вый век.
И жадно я следил течение воль-
ных рек,

Сам — капелька на дне в их камен-
нистых ложах,
А ты стоял во мгле — могучим,
как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные
рати...
Но не скудел пеан моих безумных
братии,
И Города с Людьми не падала
борьба...

Когда же, утомлен виденьями и
светом,
Искал приюта я — меня манил
собор,
Давно прославленный торже-
ственным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой вос-
паленный взор,
Как были сладки мне узорчатые
стекла,
Розетки в вышине — сплетенья
звезд и лиц.
За ними суета невольно гасла,
блекла,
Пред вечностью душа распрости-
ралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий

стон органа,
Я видел только свет, святой ка-
лейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из ту-
мана...

Была иль будет жизнь? и колы-
бель? и гроб?

И начинал мираж вращаться
вкруг, сменяя

Все краски радуги, все отблески
огней.

И краски были мир. В глубоких
безднах рая

Не эти ль образы, века, не утом-
ляя,

Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют
священный.

Кругообразный храм и в бездне
саркофаг,

Где, отделен от всех, спит импе-
ратор пленный, —

Суровый наш пророк и роковой
наш враг!

Сквозь окна льется свет, то золо-
той, то синий,

Неяркий, слабый свет, таин-

ственный, как мгла.

Прозрачным знаменем дрожит
он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного кры-
ла!

Чем дольше здесь стоишь, тем
все кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет без-
звучный гром,
И оживает все, что было детской
басней,
И с невозможностью стоишь к
лицу лицом!

Он веком властвовал, как парусом
матросы,
Он миллионам душ указывал их
смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрь-
мы утесы,
Как кровля, налегла расплавлен-
ная твердь.

Заснул он во дворце — и взор от-
крыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли
страшный сон...

Иль он не миновал? ты гредишь,
что в гробнице?

И вдруг войдешь сюда — с жезлом

и в багрянице, —
И пред тобой падем мы ниц, На-
полеон!

И эти крайности! — все буйство
жизни нашей,
Средневековый мир, величье
страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей свя-
щенной чаше,
Готовя страшный яд из песен и
идей!
Ты человечества — Мальстрем.
Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний
ускользнуть!
Ты должен все смешать в чудо-
вищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо та-
ет муть.

Ты властно всех берешь в зубча-
тые колеса,
И мелешь души всех, и веешь лег-
кий прах.
А слезы вечности кропят его, как
росы...
И ты стоишь, Париж, как мель-

ница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть
дух движенья,

Ты вольно окрылен, и вольных
крыльев тень

Ложится и теперь на наши поко-
ленья,

И стать великим днем здесь мо-
жет каждый день.

Плотины баррикад вонзал ты
смело в стены,

И замыкал поток мятущихся
времен,

И раздроблял его в красивых брыз-
гах пены.

Он дальше убегал, разбит, преоб-
ражен.

Вторгались варвары в твой сжа-
тый круг, крушили

Заветные углы твоих святых
дворцов,

Но был не властен меч над тай-
ной вечной были:

Как феникс, ты взлетал из дыма,
жив и нов.

Париж не весь в домах, и в том
иль в этом лике:

Он часть истории, идея, сказка,
бред.

Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья —
нет!

1⁹⁰³
Париж

Мир

Я помню этот мир, утраченный
мною с детства,
Как сон непонятый и прерванный,
как бред...

Я берегу его — единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О!
и запах!

Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,

Со сходами, припрятанными в
трапах,

Картинки в рамочках на выцветшей
стене,

Старинные скамьи и прочные конторки,

Сквозь пыльное окно какой-то

свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой ти-
шине,
И запах надо всем, нежалящие
когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в
речь, во все!
Быть может, выросший в верев-
ках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюд-
ное жильё,
Но царствующий здесь над всем
жизнейским складом,
Проникший все насквозь, держа-
щий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал
тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с
хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечи-
стый двор.
Стеной и вывеской кончался кру-
гозор
(Порой закат блестел на куполе
далеком).
И этот старый двор всегда был

пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах
и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в
поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких по-
ловых...
И снова душный сон всех звуков,
красок, линий.
Когда въезжал сюда телег тяже-
лый ряд,
С самоуверенным и беспощадным
скрипом, —
И дюжим лошадям, и безобраз-
ным кипам,
И громким окрикам сам двор ка-
зался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрыва-
лись люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь уми-
рали звуки,
Двор застывал во сне, привычном
и немом...
А под вечер опять мелькали поло-
вые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золо-

тые.

Углы — приют теней — темны и
глубоки.

Уже давно вся жизнь влачится
неисправней,

Мигают лампы, пахнет керосин...

И скоро вынесут на волю, к ок-
нам, ставни,

И пропоет замок, и дом заснет —
один.

Я помню этот мир. И сам я в
этом мире

Когда-то был как свой, сливался с
ним в одно.

Я мальчишкой глядел в то пыль-
ное окно,

У сумрачных весов играл в боль-
шие гири

И лазил по мешкам в сараях, где
темно.

Мечтанья детские в те дни уже
светлели;

Мне снились: рощи пальм, без-
вестный океан,

И тайны полюсов, и бездны подзе-
мельий,

И дерзкие пути междупланетных

стран.

*Но дряхлый, ветхий мир на все
мои химеры*

*Улыбкой отвечал, как ласковый
старик.*

*И тихо надо мной — ребенком —
ник,*

Громадный, неподвижный, серый.

*И что-то было в нем родным и
близким мне.*

*Он глухо мне шептал, и понимал
его я...*

*И смешивалось все, как в смут-
ном сне:*

*Мечта о неземном и сладкий мир
покоя...*

-

*Недавно я прошел знакомым пере-
улком*

*И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был*

тускл и нем —

*Теперь сверкало все, гремело в гу-
ле гулком!*

Воздвиглись здания из стали и

стекла,
Дворцы огромные, где вольно бро-
дят взоры...
Разрыты навсегда таинственные
норы,
Бесстрастный свет вошел туда,
где жалась мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все
ново!
Как сказка смелая — воспомина-
нья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего
былого,
Напрасно я ищу в душе желанный
след...
В душе все новое, как в городе тор-
говли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и
страх.
Я мальчишкой мечтал о будущих
годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я
таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я
венец?
Иль эти здания, все из стекла и
стали,
Восставшие в душе как призрач-

ный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое — напрасно взяло
верх
Над миром тем, что мне — сто-
летия завещали,
Который был моим, который я
отверг!

1⁹⁰³
Москва

In Hac Lackimarum Valle[12]

Весь долгий путь свершив, по вы-
сям и низинам,
Твои зубцы я вижу, наконец,
О горный кряж веселости и сме-
ха!
В рассветный час ты вырос испо-
лином,
Как до небес воздвигнутый дво-
рец,
И гулко на привет твое мне вто-
рит эхо.
За мной падений стыд и боль па-
лящих ран,
Теснины скал и быстрины пото-
ков,
За мной покинутый в равнине

бранный стан,
За мной пустыня — мир безумцев
и пророков.

Кругом меня — немые тополя,
Как женщины, завернутые стро-
го.

Свивается причудливо дорога,
Вся белая, мглу надвое деля.
И лилии, закрыв в сыром тумане
Кадильницы ночных благоуханий,
Сгибают выгибы упругого стебля.
Чу! ближний ключ запел неравно-
мерно...

Долина слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успе-
ха,

Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блестят в огне, уже бле-
стят зубцы,
Твои — о кряж торжественного
смеха!

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех заворят мне
Неумолчным смехом рыси.

Стану рыскать наугад
Вверх и вниз я лугом, лесом:
Встречный друг и вечный брат
С нимфой, с зверем, с богом, с бе-
сом.

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Всем настанет череда
Выпить острый сок услады.
Лица скроют от стыда
В чащах белые дриады.

Зазовут меня в свой грот
Скальных недр владыки — гномы.
Буду пить я дикий мед,
Гость желанный и знакомый.

Я сдою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
Подарит мне Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канет в сумрак летний зной,
Лунный глаз проглянет слева, —

Обручальный перстень свой
Мне подаст лесная дева.

Я его, склоняясь, приму,
Уроню свой плащ багровый...
Ночь длинней протянет тьму,
Отлетят ночные совы.

Я к вам вернусь, о люди, — вер-
нусь, преображен,
Вся жизнь былая будет как некий
душный сон.
Я к вам вернусь воскресшим,
проснувшимся от сна...
Волна волну стирает, и все ж
она — волна.
И я иной, чем прежде, но все же
это — я,
И песнь моя другая, но это —
песнь моя.
Никто ее не может сложить, как
я могу,
А тайну прошлых песен я в сердце
берегу.
И все мои напевы еще подвластны
мне:
И те, что пел я в детстве, и те,
что пел во сне.

Дано мне петь, что любо, что
нравится мечтам,
А вам — молчать и слушать, вни-
кать в напевы вам!
И что бы ни задумал я спеть —
запрета нет,
И будет все достойно, затем, что
я — поэт!
И в жизнь пришел поэтом, я из-
бран был судьбой,
И даже против воли останусь сам
собой.
Я понял неизбежность случайных
дум своих,
И сам я чту покорно свой непо-
корный стих.
В моем самохваленьи служенье
богу есть, —
Не знаю сам, какая, и все ж я ми-
ру весть!

6/19 июня 1902
Венеция

Элегии

Женщинам

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без со-
мнений,
Прямо в лицо этих бледных виде-
ний,
Созданных чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я, и вами владел!
Все ваши тайны — то нежный,
то грубый,
Властный, покорный — узнать я
умел.

Да, я вас бросил, как остов добы-
чи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и об-
личий
Все мне сказалось в единствен-
ном кличе:
«Ты должен идти!»

Вас я любил так, как любят, и
каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но — мне не страшно немого ли-
ца!
Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной стра-
стью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему
счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной
властью,
К ужасу новых границ.

Вас я любил так, как любят, и
знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств выры-
ваю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! от счастья
до муки,

*В ужасы — в бездну — во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлу-
ке:
Жить мне и быть — одному.*

1⁹⁰²

Свидание

*В одном из тех домов, придуман-
ных развратом,
Где всем предложена наемная
кровать,
На ложе общих ласк, еще недавно
смятом,
И мы нашли приют — свою лю-
бовь скрывать.*

*Был яркий летний день, но сдвину-
тые шторы
Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я
только взоры
Да тени смутные прически и пле-
ча.*

*Вся жизнь была в руках; я слышал
все биенья,
Всю груди теплоту, все линии бед-*

ра;

Ты прилегла ко мне, уже в изнемо-
женьи,

И ты на миг была — как нежная
сестра.

Но издали, крутясь, летела буря
страсти...

Как изменились вдруг внизу твои
глаза!

И ложе стало челн. У буйных
волн во власти,

Промчался он, и вихрь — сорвал
все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судь-
ба земного.

Нет человечества! Ладью влечет
хаос!

И я, встречая смерть, искал по-
спешно слова,

Чтоб трепет выразить послед-
них в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неот-
ступно жала,

Впивался и томил из глубины
твой взгляд.

Твой голос слышал я: «Люблю!
твоя! мой Валя!»
Ладья летит быстрее... и рухнул
водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах
пены.
Неспешно, как из форм иного бы-
тия,
Являлся внешний шум и выступа-
ли стены,
Сливалось медленно с действи-
тельностью «я».

Когда ж застенчиво, лицо в гу-
стой вуали,
На улицу за мной ты вышла из во-
рот,
Еще был яркий день, пролетки
дребезжали,
И люди мимо шли — вперед, впе-
ред...

1 июня 1901

В Дамаск

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,

И мир как храм.

*Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.*

*Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды — лампы зажженные,
И ночь — алтарь.*

*Что нас влечет с неизбежно-
стью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежно-
стью,
Но взор закрыт.*

*Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!*

1⁹⁰³

Гиацинт

С. Л. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;

Где в засохших джунглях внем-
лют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;

Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей
И, полны губящим ядом,
Корни пухнут под землей.

Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Воплотивший смерть состав!

В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волею,
И навек в моем кинжале
Месть и волю затаю.

И когда любовь обманет,
И ласкавшая меня

*Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня, —*

*Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.*

*И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.*

20 декабря 1900

Подражание Гейне

*Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встре-
тил,
Сказал мне, что мама больна.*

*К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.*

*Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:*

*Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.*

*Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалася мне.*

*И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», —
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.*

*В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.*

1 июля 1901

Прощальный взгляд

*Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.*

*Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески*

Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое — все реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд про-
щальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

К близкой

*Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.*

*Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,
Мой дух бывшее отряхнет.*

*Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.*

*И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг заввижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.*

*В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,*

Весь круг бессилия и счастья,

*Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещей ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!*

*И словно вновь под сводом звезд-
ным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!*

1⁹⁰³

Пытка

*Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.*

*Члены пыткой злой обессилены,
Я во прахе кровавом — как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.*

*Но, чем мука полней и суровее,
Тем восторженней песни хочу,
И кричу, и пою славословия,
Вечный гимн моему палачу.*

О, приди, без улыбки, без жало-

сти,
Снова к дереву меня пригвозждать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.

Чтоб, в борьбе с сладострастной
безмерностью
Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.

Декабрь 1901

Эпизод 1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фей!

Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!

*И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.*

*Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!*

*Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.*

*Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?*

2

*Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.*

*Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу бо-
жью,*

В горящей мечте узнаю?

*Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? — ты сильней»,
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.*

3

*Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.*

*Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.*

*И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.*

Июль 1901

Таинства ночей

Хранятся в памяти, как в тем-

ной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.

Я помню запах тьмы и запах те-
ла,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до пре-
дела,
Бесформенный, безобразный, иной.

Исторгнутые мукой сладостра-
стья,
Безумны были речи, — но тогда
Казалось мне, что властен их за-
клясть я
Заклятием забвенья — навсегда!

Что этот бред, мучительным
отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет все погребено!

Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жи-

ва!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!

Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастии
В святых воспоминаньях осквернен!

1⁹⁰²

Одиночество

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —

Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишит
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья, —
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользят.
Он вечно здесь, над той же без-
дной:
Упасть в соседнюю — нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

Сонеты и терцины

Отвержение

*Мой рок, благодарю, о верный,
мудрый змий!
Яд отвержения — напиток венце-
носный!
Ты запретил мне мир изведанный
и косный,
Слова и числа дав — просторы
двух стихий!*

*Мне чужды с ранних дней — бли-
стающие весны
И речи о «любви», заветный хлам
витий;
Люблю я кактусы, пасть орхидей
да сосны,
А из людей лишь тех, кто презрел
«не убий».*

*Вот почему мне так мучительно
знакома
С мишурной кисеей продажная
кровать.
Я в зале меж блудниц, с ватагой*

пьяниц дома.

Одни пришли сюда грешить и убивать,
Другие, перейдя за глубину паде-
нья,
Вне человечества, как странные
растенья.

18 июня 1901

Втируша

Ты вновь пришла, вновь посмотре-
ла в душу,
Смеешься над бессильным крик-
нуть: «Прочь!»
Тот вечно раб, кто принял раз
втирушу...
Покорствуй дух, когда нельзя по-
мочь.

Я — труп пловца, заброшенный на
сушу,
Ты — зыбких волн неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
В твоих руках я буду мертв всю
ночь.

До утра буду я твоей добычей,

*Орудием твоих ночных утех.
И будет вокруг меня звенеть твой
смех.*

*Исчезнешь ты под первый щебет
птичий,
Но я останусь нем и недвижим
И странно чуждый женищинам
земным.*

1⁹⁰³

Сонет

*О ловкий драматург, судьба, кри-
чу я «браво»
Той сцене выигрышной, где на-
смерть сам сражен,
Как все подстроено правдиво и лу-
каво.
Конец негаданный, а неизбежен
он.*

*Сознайтесь, роль свою и я провел
со славой,
Не закричат ли «бис» и мне со
всех сторон,
Но я, закрыв глаза, лежу во мгле
кровавой,
Я не отвечу им, я насмерть пора-*

жен.

*Люблю я красоту неожиданных по-
ражений,
Свое падение я славлю и пою,
Не все ли нам равно, ты или я на
сцене.*

*«Вся жизнь игра». Я мудр и это
признаю,
Одно желание во мне, в пыли про-
стертом,
Узнать, как пятый акт развя-
жется с четвертым.*

4 июля 1901

Хмель исступленья

*В моей душе сегодня, как в пусты-
не,
Самумы дикие крутятся, и песок,
Столбами встав, скрывает купол
синий.*

*Сознание — разломанный челнок
В качаньи вод, в просторе океана;
Я пал на дно, а берег мой далек!*

Мои мечты неверны, как тумана

*Колebleмые формы над рекой,
Когда все поле лунным светом
пьяно.*

*Мои слова грохочут, как прибой,
Когда, взлетев, роняет он каме-
нья,
И, в споре волн, одна слита с дру-
гой.*

*Я наслаждаюсь хмелем исступле-
нья,
Пьянящим сердце слаще острых
вин.
Я — в буре, в хаосе, в дыму горе-
нья!*

*А! Быть как божество! хоть миг
один!*

1 июня 1901

Лесная дева

Л. Н. Вилькиной

*На перекрестке, где сплелись до-
роги,
Я встретил женщину: в сверканьи
глаз*

Ее — был смех, но губы были
строги.

Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлажнивалась тихим све-
том,
Неслышно близился заветный час.

Мне сделав знак с насмешкой иль
приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты
мой!»,
Но взор ее так ласков был при
этом,

Что я за ней пошел тропой лес-
ной,
Покорный странному ее влиянью.
На ветви гуще падал мрак ноч-
ной...

Все было смутно шаткому созна-
нью,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянью.

Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым

шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.

Тропа свивалась долго над овра-
гом,
Где слышался то робкий смех, то
вздых,
Потом скользнула вниз, и вдруг
зигзагом,

Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне ма-
лой,
Где черной зеленью стелился мох.

И женщина, смеясь, недвижно
стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.

Приблизился я, как лунатик, к
ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.

Она в глаза мне миг один глядела
И, — прошептала холодные слова:
«Отдай мне душу», — скрылась

тенью белой.

Вдруг стала ночь таинственно
мертва.

Я был один на блещущей поляне,
Где мох чернел и зыблилась тра-
ва...

И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспомина-
ний.

И на рассвете — как, не знаю сам,
—
Пришел я вновь к покинутой доро-
ге,
Усталый, на землю упал я там.

И вот я жду в томленьи и в тре-
воге
(А солнце жжет с лазури огне-
вой),
Сойдет ли ночь, мелькнет ли об-
лик строгий.

Приди! Зови! Бери меня! Я — твой!

26 ноября 1902
Петербург

Mon rête familial[13]

*Люблю мечты моей созданье,
Лермонтов*

*Вновь одинок, как десять лет на-
зад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аро-
мат.*

*Чу! лай собак. Повеял ветер све-
жий,
И с тихим вечером приходит
бред,
Что нежит сердце год за годом
реже.*

*Мне нынче снова — девятнадцать
лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей
созданье»!
Дай плакать мне — я снова твой
поэт!*

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты, — о, нет, — с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что
страсть — стихия,
Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил — но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать то-

бой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове.

В часы луны, у перепевных струй,
На ложе — у палящих изголовий,

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольно я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

По-прежнему твой лик витал над снами!

Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами, —

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

22 мая 1903
Старое Село

Sancta Agatha[14]

На горы тихие ложилась мгла,
А деревца по склонам были нежны,
Из церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной был крест, хранитель
мой надежный,
Белели чаши лилий по пути,
Благоухал в цвету рассадник
смежный.

И там, где надлежало мне прой-
ти,
Где тесно путь сжимали две огра-
ды,
Предстал мне юноша лет двадца-
ти.

И, встретясь, наши опустились
взгляды!
Прекрасный, он, как праотец, был
наг.
Нам стало страшно, и мы были
рады.

Без воли я замедлила мой шаг
И стала, прислонясь, под веткой
сливы,
А он ко мне, как брат иль тайный
враг:

«Агата, молвил, мы с тобой
счастливы!»

*Я — мученик святой, я — Се-
бастьян.*

*Умрем мы в муках, но в Отце мы
живы!»*

*Взглянув, увидела я кровь из ран
И жадно впившиися в тело стре-
лы,
Но был он светом белым осиян.*

*И тот же свет, торжественный
и белый,
Вдруг от меня разлил свои лучи.
Вокруг народ столпился, город це-
лый.*

*Сорвав с меня одежду, палачи
Мне груди вырвали, глумясь, щип-
цами
И занесли над головой мечи.*

*Мой спутник поддержал меня ру-
ками
(Я падала от боли и стыда),
Спускались с неба два венца над
нами.*

«Сестра, — спросил меня он, —

ты тверда?»
И подал мне отрубленные груди.
Я как невеста отвечала: «Да!»

И к небу протянула их на блюде,
Не зная, где страданье, где лю-
бовь...
Но тут иные замелькали люди.

Исчезло все — и Себастьян, и
кровь,
Означилась моя дорога к дому,
И, торопясь, пошла я дальше
вновь,
Отныне обрученная святому!

Июнь 1902
Флоренция

Терцины к спискам книг

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова
близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над ката-
логом,
Вникать в названья неизвестных

книг;

Следить за именами; слог за слогом

*Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;*

*Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».*

*И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,*

*Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.*

*Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль про-*

*рок,
Созданье для ума и для забавы.*

*Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь
строк.*

*Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я — мир творчества и
знаний».*

*Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целуя землю,
При быстро умирающей луне,*

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

Картины

Люблю одно

*Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.*

*Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.*

*Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.*

*Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже;
Да уловлю господень лик!*

12 октября 1900

Раньше утра

*Я знаю этот свет, неумолимо
четкий,*

И слишком резкий стук пролетки
в тишине,
Пред окнами контор железные
решетки,
Пустынность улицы, не дышащей
во сне.

Ночь канула в года, свободно и
безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных
сил;
Но свежий утренник мне веет в
грудь бесшумно,
Недвижные дома — как тысячи
могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и
одинокко,
То навзничь, рот открыв, то
лиц — на животе
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в откры-
той нагоде!

Два равных мира есть, две равные
стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и

ума,
Но тяжки грани их — часы полу-
ночные,
Когда не властен свет и расточи-
лась тьма.

С последним чаяньем, свою меч-
ту ночную
Душа стремится влить в пустые
формы дня,
Но тщетно я борюсь, и тщетно я
колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь по-
коришь меня!

1⁹⁰²

Каменщик

— Каменщик, каменщик в фарту-
ке белом,

Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты
делом,

Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной
лопатой,

Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат,

богатый.

Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие
ночи

Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой
же рабочий.

Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспом-
нит, пожалуй,

Тех он, кто нес кирпичи!

— Эй, берегись! под лесами не ба-
луй...

Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

Мальчик

В бочке обмерзлой вода колыха-
ется,

Жалко дрожит деревянный чер-
пак;

Мальчик-вожатый из сил выбива-
ется,

Бочку на горку не втащит никак.

Зимняя улица шумно взволнова-

на,
Сани летят, пешеходы идут,
Только обмерзлая бочка прикова-
на:
Выем случайный и скользок и
крут.

Ангел сверкает блестящим вос-
крылием,
Ангел в лучистом венце над че-
лом,
Взял за веревку и легким усилием
Бочку вкатил на тяжёлый подъ-
ем.

Крестится мальчик, глядит
неуверенно,
Вот покатил свои санки вперед.
Город шумит неизменно, разме-
ренно,
Сани летят и проходит народ.

Ноябрь 1901

Царица

С конки сошла она шагом богини
(Лилия белая, взросшая в тине!).
Долго смотрел я на правильность
линий

Молодого лица.
Сумрак холодный лежал без конца,
Небеса были звездны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмелился встретить.
Были не нужны и тягостны речи
Здесь на земле!
Контур ее затерялся во мгле.
Горели кругом погребальные свечи.

Да! я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной
царицей
Ты справляла триумф в покоренной
столице.
Чу! крики бесчисленных уст!
Нет, тротуар озаренный безмолвен
и пуст,
Лишь фонари убегают вперед
вереницей.

5 мая 1901

Прохожей

Она прошла и опьянила

Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

4 октября 1900

Голос часов

С высокой башни колокольной
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,

*Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.*

*Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,*

*Мы все, покорствуя невольно,
В пространном царстве вещей
снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.*

*Густеют и редют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.*

28 июня 1902

На скачках

*Люблю согласное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.*

*Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,*

*Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.*

*Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».*

*Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!*

*Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!*

23 сентября 1902

Чудовища

*Зловещее и смутное есть что-то...
К. Фофанов*

*Во всех углах жилья, в проходах,
за дверьми
Стоят чудовища, незримые
людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто*

прежде
Жил в этих комнатах и верил
здесь надежде.
И все мы, с первых дней вступая в
старый дом,
Под их влиянием таинственным
живем.
Их образ — как у птиц. Как глу-
дые пингвины,
Они стоят во мгле, к стене при-
тиснув спины
И чинно крылышки прижав к сво-
им бокам;
Как грифы серые, нахохлясь, по уг-
лам,
За печкой, за бюро сидят неясной
грудой;
Как совы, на шкапах таятся, и
оттуда
Глядят незрячими глазами целый
день.
При свете дня их нет, они — пу-
стая тень,
И только вечером, когда уносят
свечи
И где-то вдалеке шумят за чаем
речи, —
В потемках, в комнатах, без-

молвных с давних пор,
Они выходят все из мрака и из
нор,
Гуляют и шумят за мигом миг
смелее,
Почти что на виду вытягивают
шеи,
Пугают мальчика, боящегося
мглы,
И, лишь внесут огонь, скрывают-
ся в углы.
А после, полночью, в квартире,
тупо спящей,
Блуждают, властные, какой-то
ратью мстящей,
Мечтами давних лет холодный
сон томят
И в губы спящего вдыхают мерт-
вый яд.

1⁹⁰³

Зимние дымы

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,

Проходя по длинным трубам,

*Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.*

*Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без стра-
ха,
В вольной области — владыки!*

*Над толпой немых строений,
Миром камней онемелых,
Мы — семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.*

*Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.*

*Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний
Мы кочуем по пустыне.*

16 декабря 1900

Оклики демонов

Свистки паровозов в предутрен-

ней мгле,
Дым над безжизненным прудом.
Город все ближе: обдуманном чуде
дом
Здания встали в строй по земле.
Привет — размеренным грудам!

Проволок нити нежней и нежней
На небе, светлеющем нежно.
Вот обняли две вереницы огней,
Мой шаг по плитам слышней.
Проститутка меня позвала без-
надежно.

Белая мгла в предрассветный час!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумные грезы усталых глаз!
Призраки утра! мы не страшны
для вас,
Вы пустынному часу так рады.

Всходят, идут и плывут суще-
ства,
Застилают заборы,
Глядят из подвалов, покинувши
норы,
Жадно смотрят за шторы,
И сквозь белое тело видна синева.

*Вот малютки — два призрака — в
ярком венке
Забавляются пылью,
Вот длинная серая шаль на боль-
ном старике,
Вот женщина села на камень в
тоске,
Вот девушку к небу влекут ее
крылья.*

*Ходят, стоят, преклоняются ниц
(Словно обычные люди!),
Реют рядами чудовищных птиц,
Лепечут приветы и шепчут угро-
зы, —
Пред утром бродячие грезы!
О дым на безжизненном пруде!
О демонов оклики! ваши свистки,
паровозы!*

1⁹⁰¹

Ночь

*Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.*

Идет и торжествует мгла,

На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

По пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над без-
дной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят несытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

Зимняя красота

Твердят серебряные сени

*О счастья жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.*

*Но я не внемлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!*

*Нет, нет, не надо мертвой неги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побеги,
На пире огненной весны!*

*Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой вьюги снеговой!*

23 ноября 1902

Прелести земли

*Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.*

*Мне тяжела дневная зелень
И слишком сини небеса,*

*Для слуха каждый звук разделен,
Когда взволнуются леса.*

*Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.*

*Дрожь, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститут-
ки,
И в два ряда мне светит газ.*

Август 1901

АНТОЛОГИЯ

Яростные птицы

*Яростные птицы с огненными перьями
Пронеслись над белыми райскими
преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на
мраморе,
И умчались странницы, улетели
за море.*

Но на чистом мраморе, на пороге

девственною,
Что-то все алелося блеском
неестественным,
И в вратах под сводами, вечными,
алмазными,
Упивались ангелы тайными со-
блазнами.

Январь 1901

Сладострастие

Ф. Сологубу

В ярком венке из пурпурного ма-
ка,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мра-
ка...
Облик лица ее грубо красив.

Серьги по золоту блещут руби-
ном,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишью пещер и пустынностью
скал.

Черные волосы, с сумраком сли-
ты,

*Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сы-
ты,
Грудь дрожат от желания
встреч.*

*Руки протянуты (так, беспоко-
ясь,
Ищет слепая далекой стены),
Бедра опутал ей тигровый пояс...
Тише! приветствуй восторг ти-
шины!*

*Чу! загремели чуть слышно запя-
стья,
Губы скривились в мучительный
знак.
Снова, о снова, истомы и счастья!
Пусть осыпается пурпурный мак.*

Март 1901

В раю

An Maximilian Schick[15]

*Лишь закрою глаза, как мне ви-
дится берег
Полноводной реки, тени синей
волны.*

Дремлет небо одной из Полднев-
ных Америк,
Чуть дрожжа на качелях речной
глубины.

Веет ветер какого-то лучшего ве-
ка,
Веет юность свободной и гордой
земли.
Мчатся легкие серны, друзья че-
ловека,
Песня вольных охотников молк-
нет вдали.

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой
толпой
И бросаются в воду, при радост-
ном свете,
Словно горсти жемчужин, бле-
стя за водой.

Длится время, качаются зыби за-
ката,
Здесь и там задымился и светит
костер.
Дева спутника игр обнимает, как
брата...

О, как сладки во мгле поцелуи сестер!

*Да, я знаю те земли и знаю то
время,
Их свободно и быстро в мечтах
узнаю...
И часами смотрю на блаженное
племя,
И как путник-прохожий я с ними
в раю!*

6 мая 1903

Сон

*Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний отсвет си-
ний,
Над кручей ясен небосклон.*

*И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.*

*И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены — призракам подобны,*

И вот на башнях — спилей нет...

*Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью ста-
нет
И, рухнув, в пропасть соскольз-
нет.*

*И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот — лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.*

22 августа 1903

Лед и уголь

*Лед и уголь, вы — могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Лед, блестящий как стекло!*

*Что вы, красные уроды,
Дым прорезавши, горды?
Удвояет лик природы
Гладь затихнувшей воды!*

*Пусть все отжило, застыло,
Зыби нет, лучам конец:*

*Лед — над водною могилой,
Уголь — без надежд мертвец!*

*Он под новой вспышкой жара
Лишь кровавится, как бес,
Но свободной тенью пара
Лед восходит до небес.*

Август 1901

Знойный день

*Белый день, прозрачно-белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.*

*Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.*

*Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.*

*Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет*

Золотой и белый день.

1⁹⁰²
Веря

Облака

*Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.*

*Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.*

*И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.*

*Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье создавало бы
Этот вольный путь!*

21 августа 1903

На песке

Маленькая девочка

На песке, на лесенке
Камешки бросала.
Дети пели песенки,
Их семья играла.
Маленькая девочка
Камешки бросала.
Бросит вверх — смеется,
Хлопает в ладошки...
Девочкам поется.
Где-то там в окошке
Пели, пели гаммы.

Маленькая девочка
Камешки бросала,
Маленькая девочка
Наконец устала,
На песке, на лесенке
Прилегла близ мамы.
Дети пели песенки;
В домике налево
Изучали гаммы...
Я слагал напевы.

30 мая 1902
Венеция

Колыбельная песня

Девочка далекая,
Спи, мечта моя!

Песня одинокая
Над тобой — как я.

Песня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно-нераздельная
С чуткой тишиной.

Это отзвук тающий
Прежних, страстных слов,
Отзвук умирающий
В тихой бездне снов.

Словно речь бессвязная —
Память лучших дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты под пение
В колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновение
Счастлива, как мы!

И в минуту жгучую
От любви мертва,
Вспомни ночь певучую,
Тихие слова!

Сии, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!

1⁹⁰³

Терем

Иоанне Б.

Тихи дни и годы — годы в терему,
Словно льются воды медленно во
тьму.

День неслышно тает, гаснет без
следа...
Тусклый свет роняет пестрая
слюда;

За окошком главы — малый край
небес,
По простенкам травы — непо-
стижный лес.

С темной образницы кроткий
свет лампад...
Те же, те же лица, что и день на-
зад!

Та же все работа, песни без ду-
ши...

Льются дни без счета, как вода в
тиши...

Только в воскресенье бегло видишь
мир:

В церкви чтение, пенье — отда-
ленный клир,

Дома смех, салазки, снежная го-
ра,

Да под вечер пляски, сказки гуся-
ра.

Сны усталых сладки — жжет ле-
бяжий пух...

На ухо загадки кто-то шепчет
вслух,

Снится сине море, снится цар-
ский сын,

Знаешь страсть и горе, хоть на
час один!

Утро. С образницы кроткий свет
на всех.

Тихо, как в гробнице. За окош-

Январь 1901

Витязь

1

— О чем же ты тоскуешь, витязь,
Один на башенной стене?
— Убийством и борьбой насы-
тяться,
Еще я счастлив не вполне.
Меня гнетут мои кольчуги,
Хочу изведать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утешит тишина.

2

— Зачем же, слуги, вы таитесь
В проходах темных, в тишине?
— Наш господин, наш славный ви-
тиязь,
Давно покоится во сне.
Мы ждем, что дверь — вдруг рас-
пахнется,
Он крикнет зовом боевым
И вновь к победам понесется,
А мы тогда — за ним! за ним!

— Меня ты слышишь ли, мой витязь?

Довольно спать! восстань! восстань!

— Мечтой и тишиной насытятся,
Я перешел земную грань.

Давно мои белеют кости,
Их червь покинул гробовой,
Все слуги дремлют на погосте,
И только тени пред тобой!

1⁹⁰²

Камни

Камни, камни! о вас сожаленье!
Вы по земле мне родные!

В жилах моих роковое биенье,
Та же, все та же стихия.

Века вы питались кровью заката,
Жертвенной, девственной кровью,
Вас море ласкало, как старшего
брата,

Грызло, кусало с любовью.

Люди, из вас воздвигали мы храмы,
мы,

Из вас мы слагали дворцы и жилища,
мы,

Вами мы крыли могильные ямы,

Вы с нами — в жизни и на кладбище!

Камни, камни, о вас сожаленье!

*В день, когда ангелов к солнцу
подымутся трубы,*

*Вы ли пребудете вне воскресенья,
Как хаос косный и грубый?*

Нет, вы недаром родня изумрудам,

Аметистам, рубинам, сапфирам,

*Жизненный трепет пройдет до
встревоженным гудам,*

*И камней восторженный гимн,
как сияние, встанет*

над миром,

1⁹⁰³

Презрение

Великое презрение и к людям и к себе

Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,

И все мечты как призраки, и все желанья — ложь.

Откроет ли нам истина свое ли-
цо иль нет,
Я буду ль жить по имени во глуби
долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь
ли меня,
И мне скитаться долго ли, иль не
дожить и дня,

Мне все равно, мне все равно, сле-
жу игру теней.
Я долго жизнь рассматривал, я
присмотрелся к ней.

Как лист, в ноток уроненный, я
отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к лю-
дям и к себе.

29 октября 1900

К устью!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,

*Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.*

*Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.*

*Промчится жизни быстротеч-
ность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет веч-
ность
В неизмеримость черных вод.*

Оды и послания

К.Д. Бальмонту

*Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.*

*Веет ветер бысролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Все вокруг — таков и ты!*

*Ты как звезды — близок небу.
Да, ты — избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.*

*«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.*

*Все равно, куда их двинет
Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,*

И над полем, и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она, лови закат!

Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!

Может: наши сны глубоки,
Голос наш — векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы — пророки... Ты — поэт!

Ты не наш — ты только божий.
Мы весь год — ты краткий май!
Будь — единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим оваян светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,

В небесах направишь путь.

1⁹⁰²

Ему же

Нет, мой лучший брат, не прав ты:

Я тебя не разлюблю!

*Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.*

*Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.*

*Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,
Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!*

*Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,
Первый гимн наш — Аполлону,
А второй наш гимн — тебе!*

*Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,
Мы подземной Прозерпине*

И таинственным богам

Предадим о молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин
Тихо вынесет на сушу
На спине своей — дельфин.

3 августа 1903

Лев Святого Марка

Rex tibi, Marce, evangelista meus.[16]
(Надпись на книге, которую держит в лапах лев Святого Марка)

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века — державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей».
И на книгу лев крылатый
Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

*В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.*

*Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.*

*И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.*

*Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;*

*Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;
Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.*

*Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами*

На торжественном столбе.

9/22 июня 1902
Венеция

Венеция

Почему под солнцем юга в ярких
красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных
представал пред взором прах?

Здесь — пришлец я, но когда-то
здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол
черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные
слова,
Это понял, лишь увидел моего
святого Льва!

От условий повседневных жизнь
свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и
как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сде-
лал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли,

дрожа, века.

*И донныне неизменно все хранит
здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над
которой смерти нет.*

1⁹⁰²

Венеция

Памяти И. Коневского

*Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, велича-
вый,
В начале поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!
В. Кюхельбекер*

*И ты счастлив, нам скорбь — те-
бе веселье,
Не в будничных тисках ты изне-
мог,
Здесь на земле ты справил новосе-
лье,
И празднично еще горит чертог.*

*Ты жаждал знать. С испугом и
любовью
Пытливым взором ты за грань*

проник, —
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых
книг.

Ты просиял и ты ушел, мгновен-
ный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей все-
ленной
Не повторит никто... Да, ты
счастлив.

Лишь, может быть, свободные
стихи
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь, — они и
ты!

Ты между них в раздольи одино-
ком,
Где тихий прах твой сладко по-
гребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!

3 октября 1901

Андрею Белому

Я многим верил до иступленно-
сти,
С такую надеждой, с такую лю-
бовью!
И мне был сладок мой бред влюб-
ленности,
Огнем сожженный, залитый кро-
вью.

Как глухо в безднах, где одиноче-
ство,
Где замер сумрак молочно-си-
зый...
Но снова голос! зовут пророче-
ства!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» — Как
отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отклик
слышен:
«В сиянии небо — вино и золото!

—
Как ярки дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи
я
По острым камням, меж их изло-

мов.

Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце — с жаждой решенье
строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кин-
жалом.

1⁹⁰³

Младшим

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном
дворце!
Светильники тихое пламя колы-
шат,
И отсветы радостно блещут в
венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной сте-
ной.
Голодное море безумствовать ра-
до,
Кидаясь на камни, внизу, подо

мною.

*За окнами свет, непонятный и
желтый,
Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные бол-
ты
Горячим лицом приникаю — и
жду.*

*Там, там, за дверьми — ликова-
ние свадьбы,
В дворце озаренном с невестой
жених!
Железные болты сломать бы, со-
рвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой
тих.*

1⁹⁰³

Юргису Балтрушайтису

*Осенний ветер выл над урной одино-
кой.
Ю. Б.*

*Нам должно жить! Лучом и
светлой пылью,
Волной и бездной должно опья-*

нет,
И все круги пройти — от торже-
ства к бессилью,
Устать прекрасно, — но не уме-
реть!

Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб
не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек — надежда всей
вселенной —
Нам окружил венцами волоса,
И если мы умрем, то он —
нетленный —
Из жизни отлетит, к планетам,
в небеса.

Тяжелая плита над нашей мерт-
вой грудью
Задвинет навсегда все вещи пу-
ти,
И ветер будет петь унылый гимн
безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы
должны идти!

Октябрь 1901

З.Н. Гиппиус

*Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.*

*Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.*

*Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.*

Декабрь 1901

**В.И. Прибыткову
Застольная речь**

*Мы здесь собрались дружным кру-
гом,
Когда весна шумит над Югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть!*

*Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полететь с разбега,
В себе качая небосвод.
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.*

*Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лет!
Не так ли, косностью томимы,
О смерть! мы верим в твой обет!
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам светит свет.*

*Да! этот мир как призрак канет,
Смерть наши узы разорвет.
И новый день нам в душу глянет!
Пусть он нас снова отуманит
И пусть измучит, пусть обманет,
Но только был бы зов — вперед!*

2 апреля 1901

Июль 1908

*Да, пробил последний, двенадцатый час!
Так звучно, так грозно.
Часы мировые окликнули нас.*

О, если б не поздно!

*Зарницами синими полночь полна,
Бушуют стихии,
Кровавым лучом озарилась луна
На Айа-Софии.*

*Стоим мы теперь на распутьи веков,
Где выбор дороги,
И в грозную полночь окликнул нас зов,
И властный и строгий.*

*Кто в час свершений в дремоте поник, —
Судьбе не угоден.
И мимо пройдет, отвертивши свой лик,
Посланник господен.*

*О, есть еще время! Стучат и стучат
Часы мировые.
В таинственных молниях виден
Царьград
И Айа-София.*

1 августа 1903

Лирические поэмы

Город женщин

*Домчало нас к пристани в час
предвечерний,
Когда на столбах зажигался за-
кат,
И волны старались плескаться
размерней
О плиты бассейнов и сходы аркад.
Был берег таинственно пуст и
неслышен.
Во всей красоте златомаморных
стен,
Дворцами и храмами, легок и пы-
шен,
Весь город вставал из приборьев и
пен.
У пристани тихо качались гале-
ры,
Как будто сейчас опустив паруса,
И виделись улицы, площади, скве-
ры,
А дальше весь край занимали ле-
са.
Но не было жизни и не было люда,*

Закрытые окна слагались в ряды,
И только картины глядели от-
туда...

И звук не сливался с роптаньем
воды.

Нас лоцман не встретил, гостей
неизвестных,
И нам не пропела с таможни
труба,
И мы, проходя близ галер много-
местных,
Узнали, что пусты они как гроба.
Мы тихо пристали у длинного
мола,
И бросили якорь, и подняли флаг.
Мы сами молчали в тревоге тя-
желой,
Как будто грозил неизведанный
враг.
Нас шестеро вышло, бродяг
неуклонных,
Искателей дней, любопытных к
судьбе,
Мы дома не кинули дев обручен-
ных,
И каждый заботился лишь о себе.
С немого проспекта сойдя в пере-

улки,
Мы шли и стучались у мертвых
дверей,
Но только шаги были четки и
гулки
Да стекла дрожали больших фо-
нарей.
Как будто манили к себе магази-
ны,
И груды плодов, и бутылки вина...
Но нас не окликнул привет ни еди-
ный...
И вот начала нас томить тиши-
на.

А с каждым мгновеньем ясней,
неотвязней
Кругом разливался и жил аро-
мат.
Мы словно тонули в каком-то со-
блазне
И шли и не знали, пойдём ли на-
зад.
Все было безмолвно, мертво, опу-
стело,
Но всюду, у портиков, в сводах, в
тени
Дышало раздетое женское тело,

—
И в запахе этом мы были одни.
Впивая его раздраженным дыха-
нием,
Мы стали пьянеть, как от яда
змеи.
Никто, обжигаемый жадным же-
ланьем,
Не мог подавлять трепетанья
свои.
Мы стали кидаться на плотные
двери,
Мы стали ломиться в решетки
окна,
Как первые люди, как дикие зве-
ри...
И мгла была запахом тела полна.

Без цели, без мысли, тупы, но
упрямы,
Мы долго качали затворы двор-
ца...
И вдруг подломились железные
рамы...
Мы замерли, — сразу упали серд-
ца.
Потом мы рванулись, теснясь,
угрожая,

Мы вспрыгнули в зал, побежали
вперед.
На комнаты мгла налегала ноч-
ная,
И громко на крики отвечивал
свод.
Мы вокруг обежали пустые пала-
ты,
Взобрались наверх, осмотрели
весь дом:
Все было наполнено, свежо, бога-
то,
Но не было жизни в жилище пу-
стом.
И запах такой же, полней, изна-
чальней,
В покоях стоял, возрастая в тени,
И на пол упали мы в шелковой
спальне,
Целуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не подня-
лись,
И нас наслаждение безмерное
жгло,
И мы содрогались, и мы задыха-
лись...
Когда мы очнулись, — уж было
светло.

Мы шестеро вышли на воздух, к
свободе,
Без слов отыскали на берег пути
И так же без слов притаились в
проходе:
Мы знали, что дальше не должно
идти.
И долго, под мраморным порти-
ком стоя,
С предела земли не спускали мы
глаз.
Корабль наш качался на зыби при-
боя,
Мы знали, что он дожидается
нас.
По улицам клича, друзья нас иска-
ли,
Но, слыша, как близятся их голо-
са,
Мы прятались быстро в проходе,
в подвале...
И после корабль распустил пару-
са.
Поплыл в широту и в свободное
море,
Где бури, и солнце, и подвиги есть,
И только в словах баснословных
историй

Об нас, для безумцев, останется
весть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!

Забудьте про тайну далекой земли!

О, счастлив, кто дремлет в надежной защите, —

По, дерзкие, здесь мы не смерть обрели!

Найти здесь легко пропитанье дневное,

Нет, мы не умрем, — но весь день наш уныл,

И только встречая дыханье ночное,

Встаем мы в волненьи воскреснувших сил!

И бродим по городу в злом аромате,

И входим в дворцы и в пустые дома

Навстречу открытых незримых объятий —

И вплоть до рассвета ласкает нас тьма.

В ней есть наслажденье до слез и

до боли,
И сладко лежать нам в пыли и в
крови,
И счастью в замену не надо нам
воли,
И зримых лобзаний, и явной люб-
ви!

1⁹⁰²
Венеция

Последний день

Он придет, обезумевший мир,
Который поэтом прославлен.
Будет сладостным ядом отрав-
лен
Воздух и самый эфир.

С каждым мигом впивая отраву,
Обезумеют бедные дети земли:
Мудрецы — земледельцы — пев-
цы — короли —
Звери — птицы — деревья — и
травы.

Станут распускаться странные
цветы,
Яркие как солнце, дышащие пряно,
Открывая к воздуху жаждущие

рты.

Яркостью нежданной заблестев,
поляны

Заструят томительный, жгучий
аромат.

Птицы исступленные стаями
взлетят,

Над блестящим городом и на ме-
сте диком

Замелькают с радостным, мно-
госложным криком.

Островами новыми встанут в
океане

Сонмы рыб, теснящихся в ярости
желаний.

Разбегутся звери по полям и ни-
вам,

Прыгая, кувыркаясь в полусне
счастливом;

И на белой площади северной сто-
лицы

Будут ползать змеи и скакать
тигрицы.

И люди, медленно пьянея,

Забудут скудные дела,

Как будто первая Астрейя

В мир изнемогший снизошла.

*Затихнут страшные машины
И фабрик резкие гудки,
И не подымет ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.*

*Все будут в праздничных одеждах,
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.*

*И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,
И золотой наставший век.*

*Восстанут новые пророки,
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемирных грез!*

*И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца.*

*Земля, как всегда, не устанет
кружиться,
Вкушая то знойного света, то но-*

чи,
Но снами никто не захочет
упиться,
И будут во мраке восторженной
очи.
В полярных пустынях, в тропиче-
ских чащах,
В открытых дворцах и на улицах
шумных
Начнутся неистовства сонмов
кипящих,
Пирьы и веселья народов безумных.
Покорные тем же властитель-
ным чарам,
Веселые звери вмешаются в игры,
И девушки в пляске прильнут к
ягуарам,
И будут с детьми как ровесники
тигры.
Безмерные хоры и песен и криков,
Как дымы, подымутся в небо глу-
хое,
До божьих подножий, до ангель-
ских ликов,
Мирам славословя блаженство
земное.

Дыханьем, наконец, бессильно

опьянев,
Где в зимнем блеске звезд, где в
ярком летнем
свете,
Возжаждут все любви — и взрос-
лые и дети —
И будут женщины искать муж-
чин, те — дев.
И все найдут себе кто друга, кто
подругу,
И сил не будет им насытить
страсть свою,
И с Севера на Юг и вновь на Север с
Юга
Помчит великий вихрь единый
стон: «Люблю!»
И звери меж людей на тех же
камнях лягут,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохо-
ча,
На ступенях дворцов, у позабы-
тых пагод,
В раздолии полей, близ моря, у
ключа.
И странные цветы живыми ле-
пестками
Засыплют, словно снег, лежащие
тела.

*И будет в яркий день лазурь гореть звездами,
И будет ночи мгла, как знойный час, тепла.
Среди чудовищных видений и фантазий,
Среди блуждающих и плоть принявших снов
Все жившее замрет в восторженном экстазе
И Смерть закинет сеть на свой последний лов.
Ничто не избежит своей судьбы блаженной,
Как первые в раю — последние уснут...
И ангел вострубит над смолкнувшей вселенной,
Все тысячи веков зовя на общий суд.*

1⁹⁰³

Во храме Бэла

1

*Асура край постигло наводненье,
Погибли севы, смытые водой,
Хирели, влагой пьяные, растенья.*

Народ стонал, ошеломлен бедой,
И яростно все требовали чуда,
Теснясь во храм с надеждой и
враждой.

Дымилась жертв обугленная гру-
да,
Всходили дымы факелов и свеч,
Не молкли день и ночь стенанья
люда...

Сам царь пришел свою свечу воз-
жечь,
И вот, в благом присутствии вла-
дыки,
Верховный жрец к народу начал
речь:

«Так говорит Ассур. Грехи велики
Народа, позабывшего богов.
Что мне ответить на мольбы и
крики?»

Они для брашен берегут тельцов,
А мне — лишь дым. Им — соки ви-
нограда,
Мне — выжимки. Мне — кровь,
им — весь улов.

Но я, как сто волков, найду на
стадо;
Как вихрь пустынь, засыплю их
поля!
Несите жертв. Я — бог! Мне мно-
го надо!

Двенадцатую долю уделя
От всех избытков, да сберутся в
храме,
Посыпав главы пеплом и моля.

Быть может, тронусь я тогда
мольбами.
Внемлите. Так рабам вещает Бэл:
Прекраснейшую девушку меж ва-
ми

Найдите. Стыд ее да будет цел.
Ее лицо — цветов весенних краше,
Ее хребет — как снег нагорный,
бел.

Тогда вином наполните две чаши,
И в замкнутом покое храмовом,
Где башни верх, поставьте ложе
наше,

Да нас никто не видит в зале
том,
Да мы никем услышаны не будем,
И я тогда, в наитии благом,
Как девы муж, явлюсь, быть мо-
жет, людям!»

2

Утром ее убрали к венцу,
Умачали ей стан ароматами.
Как подошли ей цейлонские перлы
к лицу,
Как она выросла сразу под тканя-
ми пышно-богатыми!

Очи ей черными сделал пылаю-
щий юг,
Дева Астарта ее одарила своими
пристрастьями.
Как обозначились выгибы дев-
ственных рук
Под золотыми запястьями!

Ею отпразднован только тринна-
дцатый праздник весны:
Годы — так тихо невинные.
В черные косы ее вплетены
Нити из жемчуга длинные...

*Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Как серна в поле, своенравна,
Как барс, упряма и горда.*

*Ее младенческое тело
Еще не знало стрел страстей,
И в очи юношей глядела
Она с небрежностью детей.*

*И даже сон мечтой греховной
Еще не смел ее смутить,
И дни ее мелькали ровно,
Как бусы нижуются на нить.*

*Она сегодня — невеста Бэла,
Она сегодня войдет во храм,
Чтоб богу Солнца доверить тело.*

*Она сегодня, под звон напева,
Под звуки бубнов, войдет во храм,
Глядя стыдливо, еще как дева.*

*Еще сегодня, тропой горячей,
Бог беспощадный войдет во храм,
Как муж поникнет над лоном
спящей.*

*Она сегодня рабой дрожащей
Познает бога... Идет во храм
Бог лучезарный, бог пепелящий!*

3

*Таинственно уединен покой
На выси храма, странный, с гробом
схожий;
Там окон нет, и беспредельной
тьмой
Окружено единственное ложе.*

*Она не спит, она глядит во тьму,
Рукой прижав ко грудям ожерелья,
И ждет, дрожа, бессветного, к кому
Пришла на свадебное новоселье.*

*Но зной томит; с курильниц аромат
Встает, томя и взоры и движенье;
Уже ресницы длинные дрожат,
Уже в коленях детских онеменье.*

*Что будет? В тишине взгремит
ли гром?*

Прольется ль в сумрак дождь
змеистых молний?
Молчи! Встречай грядущего ли-
цом,
Пред родиной святой обет испол-
ни!

Тот будет ли могуч, как дикий
бык?
Навалится ль, как пламенная гру-
да?
Она, слабея, подавляет крик,
Дрожит в дремоте, в предвкуше-
ньи чуда...

Иль будет он, как свет небесный,
тих,
Прекрасный юноша, с очами ла-
ни?
Чу! смутный стук! Ужель грядет
женых?
Она — в бреду от страха и жела-
ний...

Припасть к нему! Нет, скрыться,
умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится

сеть,
В безвольных членах странная
улада.

4

Он сошел не в лучах огневого вен-
ца,
Ты во мраке его не узнала лица,
В тишине его голоса ты не слыха-
ла.
Было страшно и сладко, и много и
мало.
Было ль это свершенье священных
надежд?
Чьи-то руки коснулись пурпурных
одежд,
Чье-то тело коснулось бессильно-
го тела,
И в объятьях внезапных ты вся
холодела,
И не знала, где боль, и не знала,
где стыд.
Поцелуи томили окраску ланит,
На руках колыхало объятье запя-
стья,
И страданья, сливаясь с безмерно-
стью счастья,
Повторялись и жгли, наполняя

всю ночь...

*Ты не знала, когда удалился он
прочь,*

*Ты очнулась одна на таинствен-
ном ложе,*

*В этой спальне глухой, на могилу
похожей,*

*Две лампы, горя, озаряли по-
кой...*

*В сердце — стыд, в мыслях —
бред, в теле — зной.*

*И, томясь отвращеньем иль чи-
стой любовью,*

*Ты смотрела на пояс, забрызган-
ный кровью.*

5

*И в то же утро солнце пронизало,
Победное, губительный туман.*

*Вода с полей, открыв посевы, спа-
ла.*

*Опять спеша в родимый океан,
В свое русло везде вошли потоки,
И был весь мир лучами осиян.*

*Жрецы богов, надменны и жесто-
ки,*

Считали в храмах груды серебра
И на камнях свои чертили стро-
ки;

А люди, вопиявшие вчера,
Несли свои благодаренья богу
За то, что счастья вновь пришла
пора.

Толпа теснилась к царскому чер-
тогу
В желаньи видеть ту, что их
спасла, —
И деву Бэла вывели к порогу.

Она была робка и не светла,
Ее томили царские наряды,
И лишь горела кос ее смола.

Стремилась к ней восторженные
взгляды,
Кричали все: «Тебя избрал сам
Бэл!»
А с крыши храма, там, где колон-
нады

Скрывали дверь в святилище,
смотрел

*Жрец младший Солнца. Пламен-
ные очи
Его — казались остриями стрел:*

*Он вспоминал о тайнах грешной
ночи.*

1⁹⁰³ *Старое Село*

Stephanos (1904–1905)

Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу

Посвящение

Вячеславу Иванову

*Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,*

*Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, —*

*В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!*

*Как путник над разверстой без-
дной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно*

*К былым теням, как в область
снов.*

*Но путь был долог, сердце слепо,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.*

*И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!*

*Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумиравшей красоте!*

*И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!*

16 ноября 1903

Вечеровые песни

De la musique avant toute chose.

P. Verlaine[17]

Приветствие

*Поблек предзакатный румянец,
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу — ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.*

*Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессилевши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.*

*Вам всем, этой ночи причаст-
ным,
Со мной в эту бездну глядевшим,*

Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немев-
шим,
И нынче, в бреду сладостраст-
ном,
Всем зачатым жизням — при-
вет!

17⁻¹⁹ февраля 1904

«**Воздух становится синим...**»

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят

Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

«Помню вечер, помню лето...»

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховойнным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

Туман

Вдоль тихого канала
Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.

Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одев.

Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,
Спешат скорей, скорей!

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают

С их белою фатой!

1⁹⁰³

Голос прошлого

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане все поблекло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

ОХОТНИК

*Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.*

*И, глуби черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.*

*А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным зву-
ком,
И птица падает во мглу.*

*Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На Запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.*

16 апреля 1904

Целение

*Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.*

*Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!*

*Пускай темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти, — молчи!*

*Обвили сладостными платами
Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.*

*Идут часы — мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,
И все, что было, — лишь мечта?*

*Иль я лишь прах, во гробе таю-
щий,
Я — чей-то призрак в бледной
мгле,
К давно минувшему взывающий
И всем безвестный на земле!*

Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью
нежной...

И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы — горим в кольце змеином,
Мы — два призрака в сияньи,
Мы — две тени, две мечты!

4-6 февраля 1905

Первые встречи

Как любил я, как люблю я эту ро-
бость первых встреч,

Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые слова, —
Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.

Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
Стал мне близок крик желаний,
страсти яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат —
темнота и нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь
на голос твой,
Как изгнанник, на чужбине услышавший зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени,
здесь, где в сумраке светло,
Быстрой поступью мгновений
вновь былое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих теней.

Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...

Это было! все, что было, возвратил вечерний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа проснется вновь,

Вечным светом загорятся — лишь влюбленность!

лишь любовь!

1⁹⁰⁴

Вечер после дождя

*Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.*

*Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный*

Майским дождем, —
Жрец, преклоненный
Пред алтарем.

День миновавший,
Свет отснявший,
Дождь пробежавший, —
Гимн этот — вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!

Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений
С миром земли!

10 мая 1905

На Сайме

*Тебя полюбил я, красавица нежная...
Вл. Соловьев*

«Меня, искавшего безумий...»

*Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшегося думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.*

*И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осень,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.*

*И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений доль-
ных,
Залог признаний безглагольных,
—
Возник твой облик надо мной!*

Раиһа

«Желтым шелком, желтым шелком...»

Желтым шелком, желтым шелком

*По атласу голубому
Шьют невидимые руки.*

*К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.*

*Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,
И в воде желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.*

*Но серебряные змеи,
Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспощадными губами
Ловят, ловят все смелее
Птиц, мелькающих во влаге!*

1⁹⁰⁵

Раиһа

«В дали, благостно сверкающей...»

*В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нишет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель ли-
жет.*

*Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибоя,
Голос сладко-убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.*

*Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.*

1⁹⁰⁵

Rauha

«Мох, да вереск, да граниты.....»

*Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.*

*Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным сто-
ном*

Наклоненный бурей ствол.

Сколько мощи! сколько лени!
То гранит, то мягкий мох...
Набегают ночь без тени,
Вея, словно вещей вздох.

1⁹⁰⁵
Рауна

«Я — упоен! мне ничего не надо!..»

Я — упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный
сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон,

Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, зо-
лотым,
И, проблистав над синью янтаря-
ми,
Сгущало небо свой жемчужный
дым,

И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой —
и ты,
Моим глазам свои вверяя очи,

Смущаясь и томясь, искала б
темноты!

1⁹⁰⁵
Rauha

«Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...»

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна

*Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
Нас вечер встречает молчаньем.*

И сердце не верит в стране тишины,

*Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
За сампо рубились когда-то.*

И сердце не верит, дыша тишиной,

*Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной исто-
ме.*

11 сентября 1905
Rauha

«Голубое, голубое...»

*Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.*

*То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Все — истома, все — любовь!*

*То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!*

1⁹⁰⁵

Rauha

**«Воздух живительный, воздух
смолистый...»**

*Воздух живительный, воздух смо-
листый
Я узнаю.
Свет не слепит, упоительный, чи-*

стый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам
прибрежным
Вышел, стою.
Нежу простором, суровым и неж-
ным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, слов-
но
В дивном краю.
Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье при-
страстье
Мир бытию!
Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908
Раиһа

Правда вечная кумиров

*Познал ты правду вечную кумиров.
Ив. Коневской*

К Деметре

*Небо четко, небо сине,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;*

*Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!*

*Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!*

*Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремля,
К жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!*

И в душе за ночью зимней

Тоже — свет, и тоже — тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1⁹⁰⁴

Адам и Ева

Е^{ва}

Адам! Адам! приникни бли-
же,
Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

Адам

*Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.*

Ева

*Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клонит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои — касанья из огня!*

Адам

*Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?*

Ева

*Адам! Адам! я — вся безвольна...
Где ты, где я?., все — сон иль явь?
Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня — оставь! оставь!*

Адам

*Так надо, надо, Ева! Ева!
Я — твой! Я — твой! Молчи! Мол-*

*чи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!*

Ева

*Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?
Ты позабыл слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!*

Адам

*Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева, —
Текущий красный, красный сок.*

Январь 1905

Орфей и Эвридика

Орфей

*Слышу, слышу шаг твой неж-
ный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.*

Эвридика

*Ты — ведешь, мне — быть покор-
ной,*

*Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.*

Орфей

*Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!*

Эвридика

*Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.*

Орфей

*Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!*

Эвридика

*Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевоу страны!*

Орфей

*Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!*

Эвридика

*Сердце — мертво, грудь —
недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но непостижна,
Друг мой бедный, речь твоя.*

Орфей

*Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!*

Эвридика

*Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...*

Орфей

— Так смотри! — И смотрит ди-

ко,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

1903, 10–11 июня 1904

Медея

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червленый,
—

С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми
я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,

*Но за морем вижу крыши,
Верх Этова дворца».*

*Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.*

*Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.*

Октябрь 1903, 1904

Бальдеру Локи

*Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я внесусь багряной тучей;
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, — и что же!*

Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нерттой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, —
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловеющим снам, —
Я предам, со смехом, тело
Всем распятым! всем цепям!
Пусть в пещере яд змеиный
Жжет лицо мне, — я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!

Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.
В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День настанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной

*Встанет зарево огня, —
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! — за меня.*

Ноябрь 1904

Тезей Ариадне

*«Ты спишь, от долгих ласк уста-
лая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!*

*Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмог.*

*В борьбе меня твой лик божес-
твенный
Властней манил, чем дальний
лавр...
Разил я силой сверхъестествен-
ной, —
И пал упрямый Минотавр!*

*И сердце в первый раз изведало,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало*

Тебе — на темном корабле!

*Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, — быть пала-
чом.*

*Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.*

*Довольно страсть путями прави-
ла,*

Я в дар богам несу ее.

*Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая — копье!»*

*И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,
Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.*

*А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.*

1⁻² июля 1904

Ахиллес у алтаря

Знаю я, во вражьем стане

Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелюю не укрою
Я спокойного лица!

*Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.*

*И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.*

27 января 1905

Клеопатра

*Нет, как раб не буду распят,
Иль как пленный враг казнен!
Клеопатра! — Верный аспид
Нам обоим принесен.*

*Вынь на волю из корзины,
Как союзницу, змею,
Полюбуйся миг единый
На живую чешую.*

*И потом на темном ложе
Дай припасть ей нам на грудь,
Сладким холодом по коже
В быстрых кольцах проскольз-
нуть.*

Не любовь, но смерть нам свя-
жет
Узы тягостные рук,
И, скрутясь, меж нами ляжет
Наш последний тайный друг.

Губы в губы, — взгляд со взглядом,
—
Встретим мы последний суд.
Два укуса с жгучим ядом
Сжатых рук не разомкнут.

И истома муки страстной
Станет слабостью конца,
И замрут, дрожа согласно,
Утомленные сердца.

Я как раб не буду распят,
Не покорствуй как раба!
Клеопатра! — Верный аспид —
Наша общая судьба.

1⁹⁰⁵

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

*Боролись за народ трибуны
И императоры — за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил —
страсть!*

*Победный лавр, и скиптр вселен-
ной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!*

*Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.*

*Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный
взор.*

*Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель — за тебя!*

*О, дай мне жребий тот же вы-
нуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!*

Апрель 1905

Патмос

*Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда
Смотрел из мира в вечность он.*

*Все эти лики, эти звери,
И ангелы, и трубы их
В себе вмещали в полной мере
Грядущее судеб земных.*

*Но в миг, когда он видел бездны,
Ужели ночь была и час,
И все вращался купол звездный,
И солнца свет краснел и гас?*

*Иль высшей волей провиденья
Он был исторгнут из времен,
И был мгновеннее мгновенья
Всевидящий, всезрящий сон?*

*Все было годом или мигом,
Что видел, духом обуян,
И что своим доверил книгам
Последний вестник Иоанн?*

*Мы в мире времени, — отсюда
Мир первых сущностей незрим.
Единый раз свершилось чудо —
И вскрылась вечность перед ним.*

1⁹⁰²

Орфей и аргонавты

*Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых,
как воин,
Скал чарователь, Орфей?*

*Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно слу-
жила
Лира твоя, о Орфей!*

*Мощен Геракл, благороден Мено-
тий,
Мудр многоопытный старец
Нелей, —*

Ты же провидел в священной дре-
моте
Путь предстоящий, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне сво-
ей.
В день, когда вышли на подвиг ге-
рои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Славь им восторг достижимой
награды,
Думами темных гребцов овладей
И навсегда закляни Симплегады
Гимном волшебным, Орфей!

5-6 ноября 1904

Из ада изведенные

*В страну без возврата, в жилище
мертвых устремилась богиня
Истар — вывести души из ада,
чтобы они вновь ели и жили.
Из ассирийского эпоса*

В полдень

*Свершилось! молодость оконча-
на!*

*Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утонченно
Сиянье утра надо мной.*

*Как жрец, приветствуя мгнове-
ния,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.*

*И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:*

Признав в душе, навстречу кину-

той,
Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый
Заветной радугой любви,

И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностями сжать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!

Зарю, закатно-розоперстую,
Уже предчувствуя вдали.
Смотрю на бездну, мне отвер-
стую,
На шири моря и земли.

Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томитель-
ной
Всем существом впиваю высь.

13⁻¹⁴ сентября 1903, 1904

Портрет

Черты твои — детские, скром-
ные;
Закрывают стыдливо виски,
Но смотрят так странно, без-

домные.
Большие зрачки.

Движеньями грустно-усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.

Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.

Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь
сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.

Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчуж-
ные
Поникшей душой.

К глубинам родным наклоняешь-
ся,
И рада виденьям, — но вдруг,

*Вся вздрогнув, опять возвраща-
ешься
Печально в наш круг.*

20⁻²¹ февраля, 1905

Жрице Луны I

*По твоей улыбке сонной
Лунный отблеск проскользнул.
Властный, ласковый, влюблен-
ный,
Он тебе призыв шепнул.
Над твоей улыбкой сонной
Лунный луч проколдовал,
Властный, ласковый, влюблен-
ный,
Он тебя поцеловал.*

*И, заслыша зов заклятий,
Как родные голоса, —
Обратила ты к Гекате
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зов заклятий,
Бледным светом залита,
Обратила ты к Гекате
Помертвелые уста.*

*В жажде ласки, в жажде страсти
Вся ты — тайна, вся ты — ложь.*

Ты у лунных сил во власти,
Тело богу предаешь.
В жажде ласки, в жажде стра-
сти,
Что тебя целую я!
У Астарты ты во власти,
Ты — ее, ты — не моя!

1⁹⁰⁴

Жрице Луны II

Владыка слов небесных, Тот,
Тебя в толпе земной отметил, —
Лишь те часы твой дух живет,
Когда царит Он, — мертв и све-
тел.

Владыка слов небесных, Тот,
Призвал тебя в свой сонм священ-
ный:

Храня таинственный черед,
Следишь ты месяц переменный.

Приходит день, приходит миг;
Признав заветные приметы,
Ночному богу тайных книг
Возобновляешь ты обеты.
Приходит день, приходит миг:
Ты в сонме жриц, в нездешнем
храме,

Целуешь мертвый, светлый лик
Своими алыми губами.

Ты миру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И в шуме дня тобой, всегда,
Владеет вещь дремота.
Ты миру нашему чужда,
Где слепо властвует Изида.
Меж нами — вечная вражда,
Меж нами — древняя обида!

Октябрь 1904

Кубок

И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia, Vigilia

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.

О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю, —
Лишь дай, припав устами к краю,

Огонь отравы пить до дна!

*Я знаю, меч меня не минет,
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлы-
нет,
И крик восторга в небо кинет
Моя сожженная душа!*

Январь 1905

Молния

*Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золо-
та,
Упал в провалы бытия.*

*С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожарища,
В дыму последнего огня.*

*«Ты — наш! — вскричали в дикой
нежности, —
Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежно-
сти,
Тропы лазурные забудь!»*

*И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор.*

17 ноября 1904

В застенке

*Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклятьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?*

*Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страст-
ной?
Кто нас бросил — грудь на грудь?*

*Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Выли разны наши сны!*

*Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.*

Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.

В диком вихре — кто мы? что
мы?

Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истомы
Нас, как уголья, прожгли.

Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Сораспятая на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!

10⁻¹¹ декабря 1904

Видение крыльев

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной

Пред соблазном тьмы.

*Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути, —
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!*

*Что твои усилья
Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья! —
Яркое виденье
Ослепило нас.*

*Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чайньи полета
Бросимся вдвоем!*

4⁻⁵ ноября 1904

В трюме

*Мы — двое, брошенные в трюм,
В оковах на полу простертые.
Едва доходит в глуби мертвые*

Далеких волн неровный шум.

*Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры нам прочитаны,
И нас влечет корабль испытанный
Из мира жизни навсегда.*

*Зачем же ты, лицом упав
На доски жесткие, холодные,
Твердишь про области свободные,
Про воздух гор и запах трав!*

*Забудь о радостных путях,
Забудь благоуханья смольные,
Наш мир — недели подневольные,
Наш мир — молчанье, мрак и прах.*

*Но в миг, когда, раскрывши дверь,
Палач поманит нас десницею,
Останься пленною царицею,
Мне руку скованную вверх.*

*Мы выйдем с поднятым челом,
На мир вечерний взглянем с палубы,
И без упрека и без жалобы*

В челнок последний перейдем.

1⁹⁰⁵

Последний пир

*Бледнеют тени. Из-за ставен
Рассвет бесстыдно кажет лик.
Над нами новый день бесправен,
Еще царит последний миг.*

*Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой.
Твое лицо блее снега,
Но строг и ясен облик твой.*

*Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты — смятые — вином.*

*На шкуры барсов и медведей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о победе
Над темным гением Судьбы!*

*Ты подняла фиал фалерна
И бросила... Условный знак!
Моя душа осталась верной:
Зовешь меня — иду во мрак.*

У нас под складками одежды,
Я знаю, ровен сердца стук...
Как нет ни страха, ни надежды —
Не будет ужаса и мук.

Два лезвия блеснут над ложем,
Как сонный вздох, провеет стон,
—

И, падая, мы не встревожим
Кентавров пьяных тусклый сон.

1⁹⁰⁵

В склепе

Ты в гробнице распростерта в
миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на тво-
ем лице.

Сквозь решетчатые окна виден
круг луны.
В ясном небе, как над нами, тай-
на тишины.

За тобой, у изголовья, венчик
влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, кап-
ли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг
серебрит,
Лунный свет обходит кругом
мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты пом-
нишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся
ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через
черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сто-
рожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть
вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно
путь свой круговой.

Ты — недвижна, ты — прекрасна в
миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём
лице!

1⁹⁰⁵

Два голоса

Первый

*Где ты? где ты, милый?
Наклонись ко мне.
Призрак темнокрылый
Мне грозил во сне.*

*Я была безвольна
В сумраке без дня...
Сердце билось больно...*

Другой

Кто зовет меня?

Первый

*Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?*

Другой

В склепе я — с тобой!

Первый

*Саваном одеты
Руки, плечи, — прочь!
Милый, светлый, где ты?*

*Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где ж твои объятия?*

Другой

Разве ты жива?

Первый

*И сквозь тьму немую
Вижу — близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты
Про любовь свою?
Любишь, как любил ты?*

Другой

Понял. Мы — в раю.

1905

Из ада изведенные

*Астарта! Астарта! и ты посмея-
лась,
В аду нас отметила знаком сво-
им,
И ужасы пыток забылись как ма-
лость,*

*И радость надежд расklubилась
как дым.*

*Одно нам осталось — сближаться,
сливаться,
Слипаться устами, как гроздьям
висеть,
К святыням касаться рукой свя-
тотатца,
Вплестись всем телом в Гефе-
стову сеть.*

*Дай бледные руки, где язвы распя-
тья!
Дай бедную грудь, где вонзалось
копье!
Края плащаницы хочу целовать я,
Из гроба восставшее тело твое!*

*Царица желаний, изведшая души
Из бездны Иркаллы на пламенный
свет!
Тебе, необорной, мы детски по-
слушны:
И ложе — как храм, и любовь —
как обет!*

Астарте небесной, предвестнице

*утра,
Над нами сияющей ночью и днем,
Я — жрец темноглазый, с сестрой
темнокудрой,
И ночью и днем воспеваю псалом.*

28⁻³⁰ июля 1905
Антоновка

Маргерит

*Ты — как камень самоцветный,
Ты — как жемчуг маргерит:
Тайный пламень, чуть заметный,
В глубине его горит.*

*Я — как уголь: жгучим горном
Пережженный, я погас, —
Но таится в угле черном
Ослепительный алмаз.*

*Года круг велик и долог,
В круге целый мир сокрыт:
И включил священный Пролог
Книгу тайны — Маргерит.*

*Книгу ль тайн не облечете
В пышный бархат и атлас?
Пусть блестит на переплете
В ясном золоте алмаз!*

*Выпал жребий предрешенный:
Уголь — я, ты — маргерит.
Но мой лик преображенный
Пред твоей душой горит!*

1⁹⁰⁵

Мгновения

Но есть сильнее очарованье...
Ф. Тютчев

«Костра расторгнутая сила...»

*Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.*

*И опаленны и бессильны
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя — прах могильный,
Над нами расточенный дым.*

*Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть,*
—

*И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!*

23 марта 1904

«Серафимов вереницы...»

*Серафимов вереницы
Наше ложе окружили.
Веют в пламенные лица
Тихим холодом воскрылий.*

*Серафимы полукругом
Наклонились к изголовью;
Внемлем с радостным испугом
Неземному славословью.*

*Реют лики светлым дымом,
И крылами гасят свечи,
И кропят дождем незримым
Наши огненные плечи.*

1⁹⁰⁵

«Когда мы бывали...»

*Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —*

Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичей постели,
Над полями зелеными.

1⁹⁰⁵ «Дай устам моим приникнуть...»

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.

Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.

Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.

Девы! девы! громче киньте

Через сумрак вещей зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.

Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.
Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дро-
жью
Ты поникла надо мной.

1⁹⁰⁵

Из песен Мальдуна

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!

Ах! вам все снятся магнолий
Купы над синим заливом, —
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоеньи ленивом.

Ах! вам все помнятся, братья,

*Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!*

*Полно! изведено счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладостра-
стья,
Вольные волны нас ринут.*

*Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету,
Мы по природе — бродяги,
Мы — моряки по обету!*

*Спите же сном беззаботным,
Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!*

10⁻¹² июля 1905

Прощание

*Вот и ты, печальная, отчалила
От моих безмолвных берегов.
Солнце бледный твой веночек ужа-
лило,
Солнце воды окропило золотом,
Дали синие — перед тобой как зов.*

Я один теперь под сводом камен-
ным,
Я один среди померкших скал.
Что ж! Пойду в пещеру к верным
молотам,
Их вносить над горном жгу-
че-пламенным,
Опускать их на пылающий ме-
талл.

Гулок стук. Со мной лишь гномы
пленные,
Злобные пособники мои,
Да мои видения мгновенные,
Да в мечтах последних — волны
пенные,
Рассеченные движением ладьи.

12 апреля 1904

Повседневность

*Бродя по думам и влачась по дням.
Tertia Vigilia*

Встреча

*Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire («А une passante»)[18]*

*О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!*

*На зыби яростной мгновенного
Мы двое — у одной черты;
Безмолвный крик желанья плен-
ного:
«Ты кто, скажи?» — Ответ: «Кто
ты?»*

*И взором прошлое рассказано, 7
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...
Но миг прошел, и мы не с ней.*

Далеко, там, в толпе, скользит

*она,
Уже с другим ее мечта...
Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!*

29 сентября 1904

На улице

*На людной улице, безумной и мятежной,
Мы встретились на миг.
Знакомый взор с какой-то грустью нежной
В меня проник.*

*И мы вдвоем над зеркалом пока-
тым
Дрожали не дыша.
В нем отражалась призраком
крылатым
Твоя душа.*

*А я бескрылой, падающей тенью
Был рядом повторен.
Как будто звал к последнему па-
дению
Отвесный склон.*

*И я ступил ногой за край откры-
тый...*

*Но мимо ты прошла,
И встретил шаг лишь каменные
плиты
Взамен стекла.*

11 января 1904

В публичном доме

*Ходят и дерзко поводят плечами,
Камнями, тканями, телом бле-
стя,
Бедрами, шелком шурша, шеле-
стя...*

*«Что же, дитя, ты стоишь как во
храме?»*

Очи опущены, шея закрыта...

Кто ты, дитя?»

— «Я — Афродита!»

«Пенорожденная! Андиомена!

*К жертвам привыкшая Эроса
мать,*

*Здесь, где властители — купля и
мена,*

*Что тебе медлить? чего тебе
ждать?»*

*«Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!*

*Лгите зовом поцелуя,
О любви ведите торг, —
В миг последний, торжествуя,
Опьянит глаза восторг!*

*Все признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость — лишь тро-
па,
Где иду я к полю жатвы
С яркой молнией серпа.*

*В тишине альковов брачных
И в веселье грешных лож
Желтизну колосьев злачных
Узнает равно мой нож.*

*Здесь иль нет, пришлец случай-
ный,
Ниц ты склонишься челом —
Пред моей предвечной тайной,
Под моим святым серпом!»*

*Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад,
Сверкайте пламенем пред нами,
Чтоб не блуждать нам наугад!*

*Как лица женщин в синем свете
Обнажены, углублены!
Взметаите яростные плечи
Над всеми, дети Сатаны!*

*Хрусталь горит. Вино играет.
В нем солнца луч освобожден.
Напев ли вальса замирает
Иль отдаленный сонный стон?*

*Ты вновь со мной! ты — та же!
та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их — в крови.*

*Звени огнем, — стакан к стакану!
Смотри из пытки на меня!
— Плывет, плывет по ресторану
Синь воскресающего дня.*

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.
Горе тем, кто свеж и молод
Здесь, в тюрьме земной!

Нам дана любовь — как цепи,
И нужда — как плеть...
Кто уйдет в пустыне степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.

Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, — чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!

Декабрь 1903

**В игорном доме
(Chemin de fer)[19]**

«Кто они, скажи мне, птица,
Те двенадцать вокруг стола?
Как на их земные лица
Тень иного налегла?»

«Это я в узорной башне
Заточила души их,
Их сознаний звук всегдашний
Сочетала в звонкий стих.

Это я дала червонцам
Тусклый блеск, холодный яд.
И подсолнечники к солнцам
Обращенные стоят.

Я язык дала их знакам,
Их речам бессвязным смысл,
Им дала упиться мраком
Тайных символов и числ.

Я — мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
След святого поцелуя —
Тень им ляжет на чело.

Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутый круг.
Не иди, безумец, мимо,

Будь со мной и будь мне друг!»

*И, дрожа крылами, птица
Взором верных обвела,
И покрылись тенью лица,
Все двенадцать вокруг стола.*

Октябрь 1903

В вагоне

*В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда наш свет погас.*

*Два спутника случайные,
В молчаньи, без огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки с ней.*

*Дрожал вагон размеренно,
Летел своим путем,
Дрожал вагон размеренно,
Качая нас вдвоем.*

*И было здесь влияние
Качания и тьмы,
И было здесь влияние,
В котором никли мы.*

*И чьи-то губы близились
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось нам?*

*В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда в них свет погас.*

12⁻¹³ июня 1904, 1905

Крысолов

*Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.*

*Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.*

*Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной каши
Стройно встали тополя.*

Малый домик там таится,

*Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.*

*И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.*

*И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.*

*Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.*

*И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.*

18 декабря 1904

После пира

*Мы с дрожью страсти и печали,
Едва над морем рассвело,*

*Ей чресла розами венчали
И гиацинтами чело.*

*На теле розовом и белом
Как кровь горели капли роз,
Одни мы были в мире целом,
И храмом стал нагой утес.*

*Жрецы ночей и наслаждений,
Мы перед вечной Красотой
Склонили радостно колени,
Воспев невольню гимн святой.*

*Но там внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покров,
Открылись вышедшие рано
На ловлю лодки рыбаков.*

*И, отзвук песни их убогой
На высоте заслышав вдруг,
Она, объятая тревогой,
Разорвала наш тесный круг.*

*И солнце, беспощадным ликом,
Взглянув, огнем зажгло волну,
И, шаг ступив, с победным кри-
ком
Она низверглась в глубину.*

Февраль 1904, ноябрь 1905

Гребцы триремы

*Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!*

*В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.*

*Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?*

*Режем ли медленный Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?*

*Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!*

Кто там? Нагая ль жена

Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-невец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! все равно —
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой
Бег быстролетной триремы.

1⁹⁰⁴

К олимпийцам

Все как было, все как вечно.
Победил и побежден!

*Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.*

*Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.*

*Все — обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.*

*Все победы — униженье,
Все восторги — боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убит!*

*На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...
За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!*

*Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надмен-
ный
Твой, о брат мой Прометей!*

*Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах, —
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!*

15–16 декабря 1904

Современность

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Ф. Тютчев*

Кинжал

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой
клинок...
М. Лермонтов*

*Из ножен вырван он и блещет
вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и
острый.
Поэт всегда с людьми, когда шу-
мит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.*

*Когда не видел я ни дерзости, ни
сил,*

Когда все под ярмом клонили
молча выи,
Я уходил в страну молчанья и мо-
гил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни
строй,
Позорно-мелочный, неправый,
некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал
порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов
трубы,
Едва раскинулись огнистые зна-
мена,
Я — отзвев вам кричу, я — песен-
ник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний
свет,
Как прежде, пробежал по этой
верной стали,
И снова я с людьми, — затем, что
я поэт.

Затем, что молнии сверкали.

1⁹⁰³

К Тихому океану

Снилось ты нам с наших первых
веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков
бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам
ты,
Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай при-
пасть
К блещущей влаге устами и взо-

ром,
Дай утолить нашу старую
страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат Океан! ты — как мы! дай об-
нять
Братскую грудь среди вражеских
станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъ-
ять
Двух великанов?

27 января 1904

Война

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты. — дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гневе мать,
И с детства ты к сосцам панте-

*ры
Привыкла жадно припадать.*

*Ты мощью в мать, хотя суровой,
По сердцу ты близка с отцом,
И не людскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.*

*Как высший судия, всевластно
Проходишь ты тропой веков,
И кровь блестит полоской крас-
ной
На жемчугах твоих зубов.*

*Ты золотую чашу «право»,
Отцовский дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный
пир.*

*И за тобой, дружиной верной,
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,
Тобой подслушанный в лесах.*

1904⁻¹⁹⁰⁵ На новый 1905 год

И вот в железной колыбели,

*В громах, родится новый год.
Ф. Тютчев (1856)*

*Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.*

*Как исполин в ночном тумане
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.*

*Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.*

*Молчи и никни, ум надменный!
Се — высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.*

*И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.*

Декабрь 1904

К согражданам

*Борьба не тихнет. В каждом до-
ме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа.*

*В глухих степях, под небом хму-
рым,
Тревожный дух наш опочил,
Где над Мукденом, над Артуром
Парит бессменно Азраил.*

*Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!*

*Когда падут крутые Веи
И встанет Рим как властелин,
Пускай опять идут плебеи
На свой священный Авентин!*

*Но в час сражений, в ратном
строе,
Все — с грудью грудь! и тот не
прав,*

*Кто назначенье мировое
Продать способен, как Исав!*

*Пусть помнят все, что ряд сто-
летий
России ведать суждено,
Что мы пред ними — только де-
ти,
Что наше время — лишь звено!*

Декабрь 1904

Цусима

*Великолепная могила!
Пушкин*

*Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно-южными волнами,
Изнеможен, почил наш флот.*

*Как стая птиц над океаном,
За ним тоскующей мечтой
По странным водам, дивным
странам
Стремилась мы к мете одной.*

*И в день, когда в огне и буре
Он, неповинный, шел ко дну,*

*Мы в бездну канули с лазури,
Мы пили смертную волну.*

*И мы, как он, лежим, бессильны,
Высь — недоступно далека,
И мчит над нами груз обильный,
Как прежде, южная река.*

*И только слезы, только горе,
Толпой рыдающих наяд,
На стрелах солнца сходят в море,
Где наши остовы лежат.*

*Да вместе призрак величавый,
Россия горестная, твой
Рыдает над погибшей славой
Своей затеи роковой!*

*И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!*

10 августа 1905

Юлий Цезарь

*Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,*

На брата брата ты воздвиг!

*Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!*

*Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!*

*Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!*

*Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки — во храмах у парфян!*

*Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы — выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!*

А вгуст 1905

Одному из братьев

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты не прав!
Мои стихи — сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному
раю
Я, под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в ду-
шу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.

Чтоб в день, когда мы сбросим це-
пи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все стени
И волям — дали всех дорог.

15⁻¹⁶ июля, 20 августа 1905

Знакомая песнь

*Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь — как говор грома
Над равниной, в облаках.*

*Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.*

*Это — колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Мара.*

*Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.*

*Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.*

16 августа 1905
Антоповка

Цепи

*Их цепи лаврами обвил.
Пушкин*

*Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
В уступках ищите защиты.*

*Когда б с отчаяньем суровым
В борьбе пошли вы до предела,
Я мог венчать вас лавром новым,
Я мог воспеть вас в песне смелой.*

*Когда бы, став лицом к измене,
Вы, как мужчины, гордо пали,
Быть может, в буре вдохновенней
Я сплел бы вам венец печали!*

*Но вы безвольны, вы бесполы,
Вы скрылись за своим затвором.
Так слушайте напев веселый.
Поэт венчает вас позором.*

Август 1905
Паломникам свободы

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздыхал к простору Храм Свобо-
ды,
Затерянный в тайге глухой.

Сюда, предчувствием томимы,
К угрюмо запертым дверям,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.

И, плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили, — той же вере
Учить, как тайне, сыновей.

И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.

Так что ж, с испугом и укором,
Паломники иных времен
Глядят, как зарево над бором
Весь заливает небосклон.

Кто председатель? кто вожа-
тый?

Не ты ли, Гордый Дух, с мечом,
Как черный нетопырь — крыла-
тый,

Но ликом сходный с божеством?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намечаешь жертв ряды?

Не ты ли в миг последний взгля-
нешь

В лицо всем — яростным лицом

—
И в руки факелы протянешь
С неумирающим огнем?

И вспыхнут заревом багряным
На вечном небе облака,
И озарятся за туманом
Еще не вставшие века.

Ты в пламени и клубах дыма
Отпляшешь танец страшный
свой,
Как ныне властвуя незримо

Над торжествующей толпой.

*Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара
Воздвигнешь новый мир — не ты!*

22 октября 1905

Лик Медузы

*Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетья змей.*

*Это — хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!*

*В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословии
Заклеймит тебя, поэт!*

*Но при заревах, у плахи,
На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.*

Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века — в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.

Мир заветный, мир прекрасный
Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.

С громом близок голос музыки,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Ме-
дузы,
Там, над далью темных дней.

Сентябрь 1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость ста-
да,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не на-
до,

Есть жвачка — и блаженны вы!

*Прекрасен, в мощи грозной вла-
сти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!*

*Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.*

*На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным
шквалом,
Крушите жизнь — и с ней меня!*

18 октября 1905

Грядущие гунны

*Топчи их рай, Аттила.
Вяч. Иванов*

*Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.*

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пеще-
ры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгибнет, быть мо-
жет,

*Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гим-
ном.*

Осень 1904

30 июля — 10 августа 1905

К счастливым

*Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине
столетий,
И твердо станет вольный чело-
век
Пред ликом неба на своей плане-
те.*

*Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стек-
ла,
Чтоб вечно жить ласкательной
весной,
Чтоб листьев зелень осенью не
блекла;*

*Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без
тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой,*

ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье тор-
жества,
Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, все
то,
О чем томимся мы, почти без ве-
ры,
К чему из нас не припадет никто,
—
Те вкусят смело, полностью,
сверх меры.

Разоблаченных тайн святой род-
ник
Их упоит в бессонной жажде зна-
нья,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегной,
Мы все, кто ищет, верит, страст-
но дышит,

И этот гимн, в былом пропетый
мною,
Я знаю, мир грядущий не услы-
шит.

Мы станем сказкой, бредом, бег-
лым сном,
Порой встающим тягостным
кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им, — мы гиб-
нем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони ме-
ня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гро-
ба,
Я был! я есмь! мне вечности не
надо!

1904 . Август 1905

Фонарики

Столетия — фонарики! о, сколько
вас во тьме,
На прочной нити времени, протя-
нутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите

мой взгляд...

То яркие, то тусклые фонарики
горят.

Сверкают, разноцветные, в при-
чудливом саду,

В котором, очарованный, и я те-
перь иду.

Вот пламенники красные — под-
ряд по десяти.

Ассирия! Ассирия! мне мимо не
пройти!

Хочу полюбоваться я на твой баг-
ряный свет:

Цветы в крови, трава в крови, и в
небе красный след.

А вот гирлянда желтая квадрат-
ных фонарей.

Египет! сила странная в неярко-
сти твоей!

Пронизывает глуби все твой бес-
пощадный луч,

И тянется властительно с земли
до хмурых туч.

Но что горит высоко там и что
слепит мой взор?

Над озером, о Индия, застыл
твой метеор.

Внесенный, неподвижен он, в про-

странствах —
брат звезде,
По пляшут отражения, как змеи,
по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль
влечет,
Простым, но ясным светочем
украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Пе-
риклов век!
Ты ясностью, прекрасностью по-
бедно мрак рассек!
Вхожу: все блеском залито, все
сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все те-
ни сплетены!
О Рим, свет ослепительный один-
надцати чаш:
Ты — белый, торжествующий,
ты нам родной, ты наш!
Век Данте — блеск таинствен-
ный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о Леонардо, —
твой!..
Большая лампа Лютера — луч,
устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век су-
етных маркиз...

Сноп молний — Революция! За
ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый, бес-
пламенный пожар!
И вот стою ослепший я, мне даль-
ше нет дорог,
А сумрак отдаления торжестве-
нен и строг.
К сырой земле лицом припав, я
лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней
мелькнувших сеть.
Но вам молюсь, безвестные! еще в
ночной тени
Сокрытые, не жившие, грядущие
огни!

Лирические поэмы

Слава толпе

*В пропасти улиц накинуты,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце поте-
рянном!*

*Области Солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте
зорь потонуть!*

*Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный
путь.*

*К безднам все глубже уводят из-
лучины...*

*Нам к небесам, огнезарным и
звездным,
Не досягнуть!*

*Здравствуй же, Город, всегда оза-
боченный,
В свете искусственном,*

*В царственной смене сверканий и
тьмы!*

*Сладко да будет нам в сумраке
чувственном*

Этой всемирной тюрьмы!

*Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены, —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы — в цепях!*

*Слушайте ж песнь храмовых сла-
вословий,*

*Вечно живет, как кумир, нам по-
ставленный, —*

Каменный прах!

*Слаблю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Слаблю дворцы золотые развра-
та,*

Слаблю стеклянные башни газет.

Слаблю я лики благие

*Избранных веком угодников
(Черни признанье — бесценная
плата,*

Дара поэту достойнее нет!).

*Слаблю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мер-
зостным хохотом*

Предлагают блудницы
Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохо-
том
Движутся лиц вереницы,
Вновь
Странно задеты тоской изумруд-
ной
Первых теней, —
И летят экипажи, как строй без-
рассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаяний,
К ликующим вывескам наглых ог-
ней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда, среди крови, пожара и ды-
ма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мя-
тежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые
плахи,

Но, словно влекома таинствен-
ным гением
(Как река свои воды к простору
несущая),
С неуклонным прозрением,
Стремится к торжественной це-
ли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья
грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1⁹⁰⁴

Духи огня

Потоком широким тянулся ас-
фальт.
Как горящие головы темных пове-
шенных,
Фонари в высоте, не мигая, горе-
ли.
Делали двойственным мир зер-
кальные окна.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли,
Города дети и ночи

*(Тени скорбей неутешенных,
Ткани безвестной волокна!):
Чета бульварных камелий,
Франт в распахнутом пальто,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша
пьяный...*

*Звезды смотрели на мир, прони-
цающая туманы,
Но звезд — в электрическом све-
те — не видел никто.*

*Потоком широким тянулся ас-
фальт.
Шаг за шагом падал я в бездны,
В хаос предсветно-дозвездный.
Я видел кипящий базальт,
В озерах стоящий порфир,
Ручьи раскаленного золота,
И рушились ливни на пламенный
мир,
И снова взносились густыми клу-
бами, как пар,
Изорванный молниями в клочья.
И слышались громы: на огненный
шар,
Дрожавший до тайн своего средо-*

точья,
Ложились удары незримого молота.

В этом горниле вселенной,
В этом смешеньи всех сил и вещей,
Я чувствовал жизнь исступленных существ,
Дыхание воли нетленной.
О, мои старшие братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!
Моей душе раскройте объятия,
В свои предчувствия — светлы,
В свои желанья — пожары —
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью
вашей,
Дайте низвергнуться в вихрь,
непрерывный и ярый,
Ваших безмерных трудов и безумных забав!
Дайте припасть мне к сверкающей чаше
Вас опьянявших отрав!
Вы, — от земли к облакам про-

стиравшие члены,
Вы, кого зыблил всегда огнеструй-
ный самум,
Водопад катастроф, —
Дайте причастным мне быть
неустанной измены,
Дайте мне ваших грохочущих
дум,
Молнийных слов!

Я буду соратником ваших косми-
ческих споров,
Стихийных сражений,
Колебавших наш мир на его непре-
ложной орбите!
Я голосом стану торжественных
хоров,
Славящих творчество бога и бла-
гость грядущих
событий,
В оркестре домирном я стану по-
ющей струной!
Изведу с вами костры насла-
ждений,
На огненном ложе,
В объятьях расплавленной стали,
У пылающей пламенем груди,
Касаясь устами сжигающих уст!

Я былинка в волкане, — так что же!

*Вы — духи, мы — люди,
Но земля нас сроднила един-
ством блаженств и печалей,
Без нас, как без вас, этот шар без-
дыханен и пуст!*

*Потоком широким тянулся ас-
фальт.*

*Фонари, не мигая, горели,
Как горящие головы темных пове-
шенных.*

Бедные дети земли

Навстречу мне шли

(Тени скорбей неутешенных!):

Чета бульварных камелий,

Запоздалый рабочий,

*Старикашка хромающий, юноша
пьяный, —*

Города дети и ночи...

*Звезды смотрели на мир, прони-
цающая туманы.*

19 февраля 1904, 1905

**В сквере
(Erlkönig)[20]**

— Что ты здесь медлишь в по-

меркшей короне,
Рыжая рысь?
Сириус ярче горит на уклоне,
Открытей высь.
Таинства утра свершает во хра-
ме,
Пред алтарем, новоявленный
день.
Первые дымы встают над дома-
ми,
Первые шорохи зыблют рассвет-
ную тень,
Миг — и знамена кровавого цвета
Кинет по ветру, воспрянув, Во-
сток.
Миг — и потребует властно от-
вета
Зов на сражение — фабричный гу-
док.
Улицы жаждут толпы, как го-
лодные звери,
Миг — и желанья насытят они до
конца...
Что же ты медлишь в бледнею-
щем сквере,
Царь — в потускневших лучах зо-
лотого венца?

Да, я — царь! ты — сын столи-
цы,
Раб каменьев, раб толпы,
Но меня в твои границы
Привели мои тропы.

Здесь на улицах избита
Вашей поступью трава,
Здесь под плитами гранита
Грудь земная не жива.

Здесь не стонут гордо сосны,
Здесь не шепчет круг осин,
Здесь победен шум колесный
Да далекий гул машин.

Но во мгле былого века,
В годы юности моей,
Я знавал и человека
Зверем меж иных зверей.

Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
В города стекла и стали
От деревьев, от земли.

Что ж теперь, встречая годы

*Беспощадного труда,
Рветесь вы к лучам свободы,
Дерзко брошенной тогда?*

*Там она, где нет условий,
Нет запретов, нет границ, —
В мире силы, в мире крови,
Тигров, барсов и лисиц.*

*Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
В мир свободы, в мир зеленый
Я, ваш царь, давно вас жду.*

*Возвращайтесь в лес и в поле,
Освежить их ветром грудь,
Чтоб в родной и в дикой воле
Всей природы потонуть!*

1905

Конь блед

*И се конь блед и сидящим на нем,
имя ему Смерть.
Откровение, VI, 8*

I

*Улица была — как буря. Толпы
проходили,*

Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,

Ворвался, вонзился чуждый, несо-
звучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты ка-
рет.

Показался с поворота всадник ог-
неликий,
Конь летел стремительно и стал
с огнем в глазах.

В воздухе еще дрожали — отго-
лоски, крики,

Но мгновенье было — трепет,
взоры были — страх!

Был у всадника в руках развитый
длинный свиток,

Огненные буквы возвещали имя:
Смерть...

Полосами яркими, как пряжей
пышных ниток,

В высоте над улицей вдруг разго-
релась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая ли-
ца, — люди

То бессмысленно зывали: «Горе! с
нами бог!»,

То, упав на мостовую, бились в об-
щей груди...

Звери морды прятали, в смяте-
ньи, между ног.
Только женщина, пришедшая сю-
да для сбыта
Красоты своей, — в восторге бро-
силась к коню,
Плача целовала лошадиные копы-
та,
Руки простирала к огневеющему
дню.
Да еще безумный, убежавший из
больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзи-
тельно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией
десницы!
Сгибнет четверть вас — от мо-
ра, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились —
краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не
стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое
движенье,
Было все обычным светом ярко
залито.

*И никто не мог ответить, в буре
многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон
пустой.
Только женщина из зал веселья да
безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей
мечтой.
Но и их решительно людские вол-
ны смыли,
Как слова ненужные из позабы-
тых строк.
Мчались омнибусы, кебы и авто-
мобили,
Был неисчерпаем яростный люд-
ской поток.*

Май, июль и декабрь 1903

Все напевы (1906–1909)

Поэту

*Ты должен быть гордым, как зна-
мя;
Ты должен быть острым, как
меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.*

*Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.*

*Быть может, все в жизни лишь
средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.*

*В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.*

*В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.*

18 декабря 1907

Близкой

*Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:
Свой дар святой, свой дар поэта,
—
Венок из темно-красных роз.*

*Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчаный
Уколы тайные шипов.*

*Венок вовеки не увянет
Над тихим обликом чела,
Но каждый вечер снова ранит
Тебя сокрытая игла.*

*В венце, как на веселом пире, —
Ты мученица на кресте!
Но будь верна в неверном мире
Своей восторженной мечте!*

*Мой дар — святой, мой дар — по-
эта,
Тебя он выше всех вознес.
Гордись, как дивным нимбом све-
та,
Венком из темно-красных роз!*

11 января 1908

Элегии и буколики

Одиночество

*Отступи, как отлив, все дневное,
пустое волнение,
Одиночество, стань, словно ме-
сяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной
уходящей камня,
Вижу, алый закатный туман пре-
вращается в дым.*

*То в алмазных венцах, то в венках
полевых маргариток,
То в одеждах рабынь, то в багря-
ных плащах королев,
То, как ветер, смеясь, то с лицом,
утомленным от пыток,
Вкруг меня наклоняется хор воз-
вратившихся дев.*

Взор ваш ласков, как прежде, и шаг, как бывало, размерен...
Значит, тот я, что был, если прошлый мне мир возвращен!
Подходите, шепчите: я был вам и буду вам — верен,
Никому не открою я ваших священных имен!

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой...
Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой!

Затихает вдали успокоенный ропот отлива,
На волнах потухает змеиностей лунных игра,
И, в венке маргариток, склонясь надо мной, торопливо
Мне рассказ о прожитом в разлуке — лепечет сестра.

Вечеровые песни

Сумерки

*Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звонят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;*

*Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждающих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.*

*Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза — проходящих гетер.*

*Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!*

5 мая 1906

Февраль

*Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.*

Новых желаний — не надо,
Прошлого счастья — не жаль,

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат,
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

У гроба дня

День обессилел, и запад багряный
Гордо смежил огневые глаза.
Белы, как дым из кадьницы, туманы,
Строги, как свод храмовой, небеса.

Звезды мерцают, и кротки и пыш-

ны,
Как пред иконами венчики свеч.
Ветер прерывистый, ветер чуть
слышный
Горестно шепчет прощальную
речь.

Скорбные тени, окутаны черным,
Вышли, влекут свой задумчивый
хор,
Головы клонят в молчаньи покор-
ном,
Стелят над травами траурный
флер.

С тенями вместе склоняюсь у
гроба
Шумно прошедшего яркого дня.
Смолкните в сердце, восторги и
злоба!
Тайна и мир, осените меня!

27 марта 1907

Вечер среди снегов

Веет нежная прохлада
Наступающей зимы.
Тело свежести так радо!
Взорам белости так надо

В четкой раме полутьмы!

*Над равниной ярко-снежной
Месяц в небе ворожит.*

*Все, как в детстве, безмятежно;
Все, как в смерти, неизбежно,
Нет желаний, нет обид.*

*Путь мой вьется в бесконечность
Меж полей, как мрак, пустых.
В думах милая беспечность,
И мечты ласкает встречность
Рифм знакомых и простых.*

2 ноября 1907

Быть без людей

*В лицо мне веет ветер нежащий,
На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.*

*Вот кто-то, с ласковым пристра-
тием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!*

Май — июнь 1907

На Гранитах

К Швеции

*В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековечных скал?*

*Кто художник, словом дивным
Возрастил угрюмый бор
По извивам непрерывным
Матовых озер?*

*Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?*

*Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?*

*В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,*

*Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит
И в дали веков развязку
Вымысла таит!*

Сентябрь 1906

На Мэларе

*Нежно веет свежий ветер,
Сладко млеет светлый Мэлар,
Солнце медлит над закатом,
Озарив огнями даль, —
В небе, слабо-розоватом,
И в воде, литой как сталь.*

*Здравствуй, прежний, свежий ве-
тер,
Здравствуй, новый, светлый
Мэлар,
Сосны темные по склонам,
Пятна яркие листвы,
И над берегом зеленым
Благость вечной синевы!*

1⁹⁰⁶

Стокгольм

*Словно над глубями зеркала
Ты из гранита возник,
В зыби стремительной Мэлара*

Свой разбивая двойник.

*Сын вечно женственной родины,
Весь ты в любимую мать!
Трудно ль в осанке усвоенной
Нежность души угадать!*

*Ты, как сосна Далекарлии, —
Строен, задумчив и прям.
Годы тебя не состарили,
Снегом скользнув по кудрям.*

*Витязь пленительный Севера,
Ты головой не поник!
Весело в зеркале Мэлара
Твой ускользает двойник.*

29 июля 1906

На Гранитах

*Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.*

*И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу — мечтой иль горем,
—
Запад гаснет, пышно-светел,*

Над безумно светлым морем.

*Им не слышен — им, бесстраст-
ным, —*

*Шепот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть — как небо!*

*Волны быстро нижут кольца.
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Всё — навек, всё — без возврата!*

20 июля 1906

В море

*Ночью светлой, ночью белой
Любо волнам ликовать,
Извиваться влажным телом,
Косы пенные взметать;*

*Хороводом в плавной пляске
Парус старый обходить,
За кормой играя в прятки,
Вить серебряную нить;*

*И в припадках краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагие груди*

Золотым лучам луны;

*А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук.*

1⁹⁰⁶

Угрюмый час

*На высях дремлет бор сосновый;
Глуха холодная волна;
Закат загадочно-багровый
В воде — горит, как сон лиловый;
Угрюмость, блеск и тишина.*

*Над гладью вод орел усталый
Качает крыльями, спеша.
Его тревожит отблеск алый, —
И вот на сумрачные скалы
Он пал, прерывисто дыша.*

*Ни паруса, ни дыма! Никнет
Свет, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнет
И белым призраком возникнет
Над озаренной глубиной.*

Июль 1906

На Готланде

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.

8 июля 1906

Висби

Старый Висби! Старый Висби!
Как твоих руин понятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится — в гавани просторной

Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кельна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы, всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль, сентябрь 1906

Прибой

С шумом на белые камни
Черные волны находят,
Мерно вставая рядами,
Пенные головы клонят.

Море ночное — из дали
Вал за валами торопит,

*Белые камни — телами
Мертвых воителей кроет.*

*Морем упорным, полночным
Властвует дух-разрушитель.
С шумом покорным, немолчным
Волны идут на погибель,*

1 июля 1906

Эхо

*Между гор грохочет эхо
Убегающего поезда.
Лунный глаз то глянет слепо,
То опять меж сосен скроется.*

*Сумрак тайно сблизил ветви,
Сделал скалы смутно-серыми
И внизу развесил сети
Над проливами и шхерами.*

*Воздвигает ангел ночи
Храм божественного зодчества,
И прохлада веет в очи
Вечной тайной одиночества.*

21 июля 1906

В шхерах

Морской залив, вошедший в сушу

Так далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скале недвижной и холодной
Ты весть принес,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грез!

Но там, где сосны сонно-строги
И мягок мох,
Ты слил, без сил, свои тревоги
В единый вздох.

Приник лицом к зеленым скло-
нам,
В истоме спишь,
И только чайки странным сто-
ном
Тревожат тишь.

10⁻²³ июля 1906
Nynäshamn

В поле

Век за веком

*Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные вьюги
Пустынный простор занесли.*

*Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.*

*Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.*

*А древние пращурьы зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.*

*И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.*

Январь 1907

Весенний дождь

*Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Застучал весенний дождь.*

*Ветер гнет струи в изгибы,
Словно стебли камыша,
В небе мечутся, как рыбы,
Птицы, к пристани спеша.*

*Солнце смотрит и смеется,
Гребни травок золотя...
Что ж нам, людям, остается
В мире, зыбком как дитя!*

*С солнцем смотрим, с небом пла-
чем,
С ветром лугом шелестим...
Что мы знаем? что мы значим?
Мы — цветы! мы — миг! мы —
дым!*

*Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Прошумел весенний дождь.*

*И первый лист любезен падший.
Вяч. Иванов*

*Здравствуй, Август, венчан хме-
лем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир!*

*Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.*

*Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними — небосклона
Синий круг без облаков.*

*Словно этот плод созрелый,
Лето соками полно!
Пей же с нами чашей целой
Вечно жгучее вино!*

*Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цеп,*

*Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!*

*Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян.
Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.*

*Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.*

1⁹⁰⁷

В лугах

*Задремал пастух понурый.
Над унылостью равнин
Тучи медленны и хмуры,
Преет мята, веет тмин.*

*Спит пастух и смутно слышит
Жвачку ровную коров,
А над сонным осень дышит
Чарой скошенных лугов.*

*Спит пастух, но в тихом стаде
Есть другой сторожевой —
В белом дедовском наряде*

И с венцом над головой.

*Он пришел от ближней речки,
Где дрожали тростники:
Перед ним встают овечки,
На него глядят быки.*

*Лошадям он гривы гладит,
Жеребят собирает в круг,
И со злой овчаркой ладит,
Как хозяин и как друг.*

*Спит пастух, и дышит тмином,
И во сне виденьям рад...
Тихо бродит по долинам
Древний пастырь местных стад.*

Август 1907

Осеннее прощание эльфа

*В небе благодать, в небе радость,
Солнце льет живую
сладость, Солнцу — верность,
Солнцу —
вздых!*

*Но листок родного клена, прежде
сочный и зеленый,
наклонился и засох.*

В небе снова ясность мая, облака
уходят, тая,
в завлекательную даль,
Но часы тепла короче, холодней
сырые ночи,
отлетевших птичек жаль!

Ах! где тихо ропщут воды, вновь
составить хороводы
легких братьев и сестер!
Но никто не слышит зова, и гу-
дит в ответ, сурово,
поревневший, строгий бор.

Веют струи аромата и по ниве,
грустно сжатой,
и по скошенным лугам,
Но ни бабочек блестящих, ни
стрекоз, в луче дрожащих,
не видать ни здесь, ни там!

Где вы, братья! сестры, где вы! на-
ши пляски и напевы
отзвенели, отошли!
Сгибнуть эльфам легкокрылым,
вместе с августом унылым,
вместе с прелестью земли!

Но сегодня в небе радость! Солнце
льет, прощаясь,
сладость! Солнцу — верность,
Солнцу — вздох!
В миг последний, с тем же гим-
ном, здесь,
в лесу гостеприимном, упаду на
серый мох!

Май 1907

«Закат спокойный и огнистый...»

Закат спокойный и огнистый,
Как пронизал лучами ты
И пруд, рубинно-серебристый,
И зелень ветел, и цветы,

Так озари и души эти,
Двоих на мир благослови,
Чтоб озарилось в кратком свете
Глухое озеро любви!

Закатный блеск! огонь алтар-
ный!
Ты смело принимаешь тень,
И гаснешь, веря в лучезарный,
Жемчужный, бирюзовый день!

Но кто, под месяцем лукавым,

*Сбежит с откоса в тростники
По темным и росистым травам,
Бросая в воздух огоньки?*

*Кто диким хохотом отметит
Тот миг, когда всплеснет вода,
И новую русалку встретит
Насмешками на дне пруда?*

Июнь 1907

Радуга

*Семицветным полукругом
Ты взнеслась над влажным лугом,
Утвердив в траве края.
Мост, который в доли наши
Вел Ириду с горней чашей,
Знаю, — ты мечта моя!*

*Ты таилась в каплях влаги,
Словно в зыбком саркофаге, —
Луч зиждительный дробя.
Ясный взор мой, божье чудо,
Заглянув в струи, — оттуда
Вывел, яркую, тебя!*

*Но, как греза о нездешнем,
Ты горишь над лугом вешним,
В небе, радужным венцом.*

*И, творец перед твореньем,
Преклонясь с благоговеньем,
Я тебе пою псалом!*

Июль 1907

Мгновения

Час воспоминаний

*Воспоминанье, с нежной грустью,
Меня в глаза целует. День
Струей чуть слышной льется к
устью
И на душу ложится тень.*

*Вновь, как моряк, носимый мо-
рем,
Всю жизнь я вижу перед собой,
С ее надеждами и горем,
С ее безумством и мечтой.*

*И, заслоня все другие,
Чуть зримы в жуткой тишине,
Двух женщин облики немые
Во мгле склоняются ко мне.*

*То с дерзкой дрожью сладостра-
стья,
С бесстыдным отблеском в зрач-*

ках,
Манят меня виденьем счастья,
Забытого в холодных днях;

То смотрят нежно и любовно
И, не ревнуя, не кляня,
О всем погибшем плачут, словно
И обо мне, и за меня!

И снова я из бездны черной
Стремлюсь к далеким берегам, —
Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.

.....

День потонул во мгле безбреж-
ной,
Кругом прибой грозящих струй...
Воспоминанье, с грустью нежной,
Вновь близит страшный поцелуй.

20 ноября 1908

Который раз

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут — который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе — вечерний час.

Смотрю — как месяц в темный
пруд
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут — который раз!

И будет миг, как долгий сои,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! — который раз!

И в стройных строфах вновь меч-
ты
Поют — который раз!
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

Февраль 1907

Грустный вечер

Грустный сумрак, грустный ве-
тер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно
чье-то имя мне.
Звездам бесприютно в черной вы-
шине.

Тот же ветер, гость осенний, все
мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, ве-
чер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое:
люблю!

Черен сумрак, ветер умер, умер
гул в дубах.
В тишине что думать о погиб-
ших снах!

Июль 1907

СНЫ

Сны играют на просторе,
Под магической луной.
Ф. Тютчев

Спите, дети! спите, люди!
В тихой темноте,
У земной, родимой груди,
Преданы мечте!

Ваши грезы ночь уносит
В высь своей тропой.
Кроткий месяц отблеск бросит

На крылатый рой...

Что вам утро! Утром глянет
Беспощадный свет;
Утром душу снова ранит
Сталь людских клевет.

Труд и дряхлая забота
Днем вас стерегут,
Властно требуют отчета,
Произносят суд.

Днем стучат, стучат лопаты
У глухих могил,
И во глубь ваш дух крылатый
Падает без сил.

Ночь вас нежит, ночь уносит
В лучший мир мечты,
Где луна сияньем косит
Звездные цветы.

Спите, люди! спите, дети!
Грезам нет границ!
Пусть летают в лунном свете
Сны, как стаи птиц!

Не дойти мне! не дойти мне! я
устал! устал! устал!
Сушь степеней гостеприимней, чем
уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох
да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне!
спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот
упал, в пыли простерт.
Вот лежит, как прах могильный,
тот,
который был так горд.

Может быть, за серым кряжем
цель моих заветных дней...
Я не встану первым стражем у Ее
святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм
ведущую ступень...
Злые завесы заката растянул над
входом день.

Солнце канет за уступом, ночь
протянет черный шелк,

*И сюда за новым трупом попол-
зет за волком волк.*

*Долго ль взор мой будет в силах
отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жи-
лах!
словно факел предо мной!*

*Не дошел я! не свершил я подвиг
свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов
мести между скал!*

1⁹⁰⁷

Ангел благого молчания Молитва

*Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!*

*Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!*

Ангел благого молчания,

*Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!*

*Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!*

*Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!*

*В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охраняй!*

7 мая 1908

**Ликорн
Сонет**

*Столетний бор. Вечерний сумрак
зелен.*

*Мне щеки нежит мох и мягкий
дерн.*

*Мелькают эльфы. Гномы из рас-
щелин*

*Гранита смотрят. Крадется ли-
корн.*

*Зачем мой дух не волен и не це-
лен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и
кем он велел,
Суровый приговор бесстрастных
норн?*

*Свободы! Тишины! Путем знако-
мым
Сойти в пещеру к празднующим
гномам,
Иль с дочерьми Царя Лесного
петь,*

*Иль мирно спать со мхом, с зем-
лей, с гранитом...
Нет! голосом жестоким и несы-
тым
Звучит во мне, считая миги,
медь.*

11 июля 1908

Эротика

Отречение Секстина

*Все кончено! Я понял безнадеж-
ность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и
нежность
Ни перед кем я не пролью, — и ты,
Моя душа, смиришь свою мятеж-
ность,
В напрасной жажде вещей Краси-
ты!*

*Как сладостно на голос Красоты,
Закрыв глаза, стремиться в без-
надежность
И бросить жизнь в кипящую мя-
тежность!
Как сладостно сгореть в огне
мечты,
В безумном сне, где слиты «я» и
«ты»,
Где ранит насмерть лезвиями
нежность!*

Но в мире, где любовь на время, —
нежность
Лишь оскорбленье вещей Красоты.
Не бейся, сердце! В этой жизни
ты
Должно быть из железа! Безна-
дежность
Горит над обликом твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мя-
тежность!

Достаточно позора! Всю мятеж-
ность
Своих порывов помню! Помню
нежность
Своих признаний! Весь обман меч-
ты!
И что ж! Во храме лживой Краси-
ты
Я слышал, как смеется Безнадеж-
ность,
И сам, в отчаяньи, стонал: «Не
ты!»

Царица дум и всех желаний! Ты
Не явишь лика. Взоров безмятеж-
ность
Мне не покажешь. Ты не примешь

нежность
Моих усталых губ. Ты «безнадеж-
ность»
Дашь мне девизом. Тайну Краси-
ты
Дано мне знать лишь в призраке
мечты.

И буду я над пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя:
«Ты?»,
Любуясь ликом вещей Красоты.
И пусть звучит в моих стихах
мятежность!
Там вся любовь, вся страсть моя,
вся нежность, —
Но их, смеясь, венчает Безнадеж-
ность.

Ερωσ ανικατε μακαν[21]

Встреча

*Близ медлительного Нила, там,
где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озири-
са Изиды, друг,
царица и сестра!
И клонила пирамида тень на на-
ши вечера.*

*Вспомни тайну первой встречи,
день, когда во храме
пляски увлекли нас в темный
круг,
Час, когда погасли свечи и когда,
как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье,
вспыхнувшее вдруг!*

*Разве ты, в сияньи бала, легкий
стан склонив мне в руки,
через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не по-
стигла гимнов звуки*

*и толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки — кон-
чен, кончен долгий сои!*

*Наше счастье — прежде было, на-
ша страсть —
воспоминанье, наша жизнь — не в
первый раз,
И, за временной могилой, неугас-
шие желанья
с прежней силой дышат в нас,
Как близ Нила, в час свиданья, в
роковой и краткий час!*

1906, 1907

Неизбежность Октавы

*Не все ль равно, была ль ты мне
верна?
И был ли верен я, не все равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой
боли.
Мгновенья с шумом льются, как
поток,
И страсть над нами вносит свой*

клинок.

*Кто б нас ни создал, жаждущих
друг друга,
Бог или Рок, не все ли нам равно!
Но мы — в черте магического
круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испу-
га,
Мы падаем — два якоря — на дно!
Нет, не случайность, не любовь,
не нежность, —
Над нами торжествует — Неиз-
бежность.*

22 января 1909

Ее колени... Рондо

*Ее колени я целую. Тени
Склоняются, целуя нас двоих.
Весь мир вокруг застенчиво за-
тих.
Мы — вымысел безвестных вдох-
новений,
Мы — старого рондо певучий
стих.*

Певец забытый! Брат времен свя-

тых!

Ты песне вверил жалобы и пени,
И вот сегодня мне поют твой
стих

Ее колени:

«В венке из терний дни мои; меж
них

Один лишь час в уборе из сирени.

Как Суламифи — дом, где спит
жених,

Как Александру — дверь в покой к
Елене,

Так были сладостны для губ моих
Ее колени».

1⁹⁰⁸

Лишь одного! Газелла

Лишь одного: я быть с тобой хо-
чу!

С твоей мечтой слить трепет
свой — хочу!

Над глубиью глаз повиснув в высо-
те,

Дышать их ночью, влажной
тьмой — хочу!

*В гробу объятий, в жуткой тесноте,
Услышать близко сердца бой —
хочу!*

*Вдвоем спешить к мучительной
мете
И вместе пасть у цели той —
хочу!*

*Как палачу, отдаться красоте
И с плахи страсти крикнуть:
«Твой!» — хочу!*

Сентябрь 1905

**К Пасифае
Сонет**

*Нет, не тебя так рабски я ласкаю!
В тебе я женщину покорно чту,
Земной души заветную мечту,
За ней влекусь к предсказанному
раю!*

*Я чту в тебе твою святыню, —
ту,
Чей ясный луч сквозь дым я прозреваю.*

Я, упоив тебя, как Пасифаю,
Подъемлю взор к тебе, как в высоту!

Люби иль смейся, — счетов нет
меж нами, —
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всех путях, под всеми именами,
Ты — воплощенье тайны мировой,
Ты — мой Грааль, я — верный рыцарь твой!

Май 1904

Ночные цветы

Целый день спят ночные цветы...
А. Фет

Под зноем дня в пыли заботы
На придорожьях суеты,
В бессильи тягостной дремоты,
Висят священные цветы.

Но лишь, предвечная колдунья,
Начертит Ночь волшебный круг;
В огнях луны и в тьме безлунья

Их стебли оживают вдруг.

*И, как уста, открыв глубины
Своих багряных лепестков,
Цветы с полей, цветы с куртины
Согласно тянутся на зов.*

*Дыша любовью и изменой,
Цветок впивается в другой
И сладко падает, как пеной,
Обрызган утренней росой.*

Июль 1906

Призрак неизбежный Триолеты

*Твой лик, загадочный и нежный,
Как отраженье в глубине,
Склонился медленно ко мне.
Твой лик, загадочный и нежный,
Возник в моем тревожном сне.
Встречаю призрак неизбежный:
Твой лик загадочный и нежный,
Как отраженье в глубине.*

*Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь,
И сладко мне в огне тонуть.
Твои уста — как уголь жгучий!..*

*Мой сон! полней и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь.*

*Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия,
Вбирает жадно жизнь моя.
Неспешный ужас сладострастья
Растет, как бури шум, — и я
Благословляю стоном счастья
Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия.*

1⁹⁰⁸

В потоке

*Я был простерт, я был как мерт-
вый. Ты богомольными
руками мой стан безвольный об-
вила,
Ты распаленными устами мне
грудь и плечи, лоб и губы,
как красным углем, обожгла.*

*И, множа странные соблазны, ме-
няя лик многообразный,
в меня впиваясь сотней жал,
Дух непокорный с башни черной*

ты сорвала рукой
упорной и с ним низринулась в
провал.

В бессильи падая, лишь крылья я
видел над собой —
да алый, от свежей крови влаж-
ный, рот.

И скалы повторяли крики, и чьи-
то побледнели лики,
и пали мы в водоворот.

И я не спорил с темным Роком.
Мой труп неистовым
потокком несло по остриям кам-
ней,
И когти мне терзали тело, и
сердце слабое немело,
и ужас был в душе моей.

Но в миг последний онеменья
вдруг совершилось
возрождение, и успокоенный по-
ток
Внезапно, с нежностью небреж-
ной, мой труп,
страданьем искаженный, отбро-
сил сонно на песок.

Благословение

*Que tes mains soient bénies,
car elles sont impures!
de Gourmoni[22]*

*Сиянье глаз твоих благословляю!
В моем бреду светило мне оно.*

*Улыбку уст твоих благословляю!
Она меня пьянила, как вино.*

*Твоих лобзаний яд благословляю!
Он отравил все думы и мечты.*

*Твоих объятий серп благослов-
ляю!
Все прошлое во мне им сжала ты.*

*Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упал в его костер.*

*Весь мрак души твоей благослов-
ляю!
Он надо мной свое крыло простер.*

*За все, за все тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужас долгих*

дней,

За то, что влекся за тобою к Раю,
За то, что стыну у его дверей!

1⁹⁰⁸

ПОТОМОК

Древний замок мой весь золотой
и мраморный,
В нем покои из серебряных зеркал;
Зал один всегда закрыт портье-
рой траурной...
В новолуние вхожу я в этот зал.

В этот день с утра все в замке
словно вымерло,
Голос не раздастся, и не видно
слуг,
И один в моей капелле, без пресви-
тера,
Я творю молитвы, — с ужасом
сам-друг.

Вечер настает. Уверенным луна-
тиком
Прохожу во мраке по глухим ков-
рам,
И гордятся втайне молодым со-

ратником
Темные портреты предков по
стенам.

Ключ заветный, в двери черной,
стонет радостно,
С тихим шелестом спадает чер-
ный флер,
И до утра мрак и тишь над тай-
ной яростной,
Мрак и тишь до утра кроют мой
позор.

При лучах рассвета, снова побеж-
денный, я
Выхожу — бессилен, — бледен и в
крови,
Видны через дверь лампы, мной
зажженные,
Но портреты старые твердят:
живи!

И живу, опять томлюсь до ново-
луния,
И опять иду на непосильный бой.
Скоро ль в зале том, где скрылся
накануне я,
Буду я простерт поутру — не жи-

Мертвая любовь

Ранняя осень

*Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В сини бледнеющей, веющей, таю-
щей
Странная тишь, красота, чистота.*

*Листья со вздохом, под ветром,
их нежащим,
Тихо взлетают и катятся вдаль
(Думы о прошлом в видении нежа-
щем).
Жить и не жить — хорошо и не
жаль.
Острым серпом, безболезненно
режущим,
Сжаты в душе и восторг и печаль.*

*Ясное солнце — без прежней мя-
тежности,*

Дождь — словно капли струящихся рос
(Томные ласки без прежней мятежности),
Запах в садах доцветающих роз.
В сердце родник успокоенной нежности,
Счастье — без ревности,
страсть — без угроз.

Здравствуйте, дни голубые, осенние,
Золото лип и осин багрянец!
Здравствуйте, дни пред разлукой,
осенние!
Бледный — над яркими днями — венец!
Дни недосказанных слов и мгновения
В кроткой покорности слитых сердец!

21 августа 1905

Снова

Почему мы снова связаны
Страсти пламенным жгутом?
Иль не все слова досказаны
В черном, призрачном былом?

*Почему мы снова вброшены
Вместе в тайну темноты?
Иль не все надежды скошены,
Словно осенью цветы?*

*Мы, безвольные, простертые,
Вновь — на ложе страстных мук.
Иль в могиле двое, мертвые,
Оплели изгибы рук?*

*Или тени бестелесные,
Давней страсти не забыв,
Всё хранят объятия тесные,
Длят бессмысленный порыв?*

*Боже сильный, власть имеющий,
Воззови нас к жизни вновь, —
Иль оставь в могиле тлеющей, —
Страшен, страшен сон яснеющий,
Наша мертвая любовь!*

1⁹⁰⁷

Холод

*Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...*

*От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагивают-*

ся.

*В этом блеске — все осилившая
власть,
Умирает обескрылевшая
страсть.*

*Все во мне — лишь смерть и ти-
шина,
Целый мир — лишь твердь и в ней
луна.*

*Гаснут в сердце невзлелеянные
сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.*

*Снег сетями расстилающимся
Вьет над днями забывающимся,*

*Над последними привязанно-
сти,
Над святыми недосказанно-
сти!*

13 октября 1906

В полночь

Понял! мы в раю!
Stephanos

«Ты — мой, как прежде?» — «Твой,
как прежде!» —
«Ты счастлив?» — «Счастлив». —
«Всё, как прежде!»

Полночь в стекла сонно бьет.
Ночь свершает свой обход.

«Целуй меня! Целуй, как прежде!»

—
«Тебя целую я, как прежде!»

Заступ в землю глухо бьет,
Ночь свершает свой обход.

«Мы в мире лишь вдвоем, как
прежде?» —

«Да, в мире лишь вдвоем, как
прежде».

Кто сказал, что гроб несут?
Четок, четок стук минут!

«А где ж блаженство, то, что
прежде?» —

«Блаженство было прежде,
прежде!»

*Чу! земли за комом ком.
Ночь застыла за окном.*

*«Иль мы в могиле, вновь, как
прежде?»*

*«Да, мы в могиле, вновь, как
прежде».*

*Ветер травы сонно мнет.
Ночь свершает свой обход.*

1⁹⁰⁸

Умирающий костер

*Бушует вьюга и взметает
Вихрь над слабеющим костром;
Холодный снег давно не тает,
Ложась вокруг огня кольцом.*

*Но мы, прикованные взглядом
К последней, черной головне,
На ложе смерти никнем рядом,
Как в нежном и счастливом сне.*

*Пусть молкнут зовы без ответа,
Пусть торжествуют ночь и лед,*

*—
Во сне мы помним праздник све-
та*

Да искр безумный хоровод!

*Ликует вьюга, давит тупо
Нам грудь фатой из серебра, —
И к утру будем мы два трупа
У заметного костра!*

Декабрь 1907

Из тихих бездн

*Из тихих бездн — к тебе послед-
ний крик,
Из тихих бездн, где твой завет-
ный лик
Как призрак жизни надо мной воз-
ник.*

*Сомкнулся полог голубой воды,
И светит странно в окна из слю-
ды
Медузы блеск и блеск морской
звезды.*

*Среди кораллов и гранитных глыб
Сияют стаи разноцветных рыб.
Знакомый мир — ушел, отцвел,
погиб.*

Я смертно стыну в неотступном

сне...

*Зачем же ты, в холодной глубине,
Как призрак жизни, клонишься ко
мне?*

*Я в тихих безднах помню про-
шлый рай.*

*Из тихих бездн к тебе мой
крик, — внимай:*

*В последний раз, в последний
раз, — прощай!*

8 ноября 1906

Обреченный

Голос

*«Ты — мой, моей рукой отмечен,
И я, уверенная, жду.*

*Играй, безумен и беспечен,
От счастья смейся, плачь в бреду,
—*

*Ты вдруг очнешься, в час закат-
ный,*

*Поймешь мой зов, лишь сердцу
внятный,*

И с воплем крикнешь мне: иду!

Ты многим клялся: буду верен!

Ты многим говорил: я — твой!
Но неизменен и размерен
Событий трепет роковой.
Что было — только предвещанья,
Что было — лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты сам не понял, не изведal
Своей последней глубины,
Ты душу радости предал,
Как зыби медленной волны.
Я жду тебя с мечом разящим.
В былом, в грядущем, в настоящем
Мне дни твои обречены!»

Ответ

Остро и пламенно ранит
Взор твой, блестящий клинок.
Сердце искать не устанет,
Сердце — как в мае цветок.
Снова ли душу обманет
Богом назначенный срок?

Року иду я навстречу,
Взор упирая во взор:
Рыцарь — в жестокую сечу,
Верный — на ярый костер.

Ты позовешь, — я отвечу,
Скажешь, — приму приговор.

Долго я ждал. Неужели
Дрогнет и эта рука?
Строгие струны продели,
Цель моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цели...
А! синий отблеск клинка!

14 сентября 1907

Осенью

Небо ярко, небо сине
В чистом золоте ветвей,
Но струится тень в долине,
И звенит вокруг чуть слышно
Нежный зов — не знаю чей.

Это призрак или птица
Бело реет в вышине?
Это осень или жрица,
В ризе пламенной и пышной,
Наклоняет лик ко мне?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихий дуть не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркие одежды —

Понял, понял — для меня!

*Это ты — на смертном ложе
Ждешь покорного тебе!*

*Пусть же тень ложится строже!
Я иду, закрывши вежды,
Верен Тайне и Судьбе.*

Себастьян

*На медленном огне горишь ты и
сгораешь,*

Душа моя!

*На медленном огне горишь ты и
сгораешь,*

Свой стон тая.

*Стоишь, как Себастьян, прони-
занный стрелами,*

Без сил вздохнуть.

*Стоишь, как Себастьян, прони-
занный стрелами*

В плечо и грудь.

*Твои враги кругом с веселым сме-
хом смотрят,*

Сгибая лук.

*Твои враги кругом с веселым сме-
хом смотрят*

На смены мук.

*Горит костер, горит, и стрелы
жалят нежно
В вечерний час.*

*Горит костер, горит, и стрелы
жалят нежно
В последний раз.*

*Что ж не спешит она к твоим
устам предсмертным,
Твоя мечта?*

*Что ж не спешит она к твоим
устам предсмертным
Прижать уста!*

Видение

*В сумраке вечера ты — неподвиж-
на*

В белом священном венце.

*В сумраке вечера мне непостиж-
на*

Скорбь на спокойном лице.

*Двое мы. Сумрак холодный, мо-
гильный*

Выдал мне только тебя.

Двое мы. Или один я, бессильный,

Медлю во мраке, скорбя?

Смотришь ты строгим и вдумчивым взором...

Это прощанье иль зов?

Смотришь ты в сердце с безгневным укором,

Словно из глуби веков.

Ты ль это? та, перед кем, как пред тайной,

Робко склонялись мечты?

Ты ль это здесь или призрак случайный:

Луч и игра темноты?

Медлю во мраке глухом и глубоком,

Не отзываюсь, скорбя...

*Медлю, — ведь если ты послана
Роком,*

Мне не уйти от тебя!

17 января 1908

Бой

Нет, не могу покориться тебе!

Нет, буду верен последней судьбе!

Та, кто придет, чтобы властвовать мной, —
Примет мой вызов на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступит ко мне;
Лик ее будет — как призрак в огне.

Щит в ее легкой руке проблестит,
С треском расколется твердый мой щит.

Тщетно свой меч подниму на нее,
—
В панцирь мой вражье вонзится копьё.

Шлем мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинет меня.

И, окровавлен, без сил, чуть живой,
Радостно крикну из праха: «Я — твой!»

ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛ

*Лунный дьявол, бледно-матовые,
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега,
Словно тихо мир захватывая
В сети хитрого врага.*

*Руки, тонкой сетью сдавленные,
Без надежд упали ниц,
Реют тени новоявленные,
Словно стаи пестрых птиц.
Вижу вспышки молний, вправлен-
ные
В бархат сумрачных ресниц.*

*Знаю, знаю: крепко скрученного
Опрокинешь ты во мглу,
К синим молниям приученного,
Покоришь глухому злу,
И потом в врага замученного
Кинешь верную стрелу!*

*Лунный дьявол! Бледно-матовые,
Наклони к земле рога!
Взоры, призрачно-агатовые,
С высоты вонзи в снега,*

И меня и мир захватывая
В сеть коварного врага!

Октябрь 1907

La belle dame sans merci

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита, —
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста.
Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчаньи зал.
Прекрасной Дамы без пощады
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц, над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, всходил на ложе,
Как в плаху, поникал на грудь.

«Сожги меня последней стра-
стью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!»

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди, — огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle dame sans merci!

27 ноября 1907

Сонаты

Обряд ночи

Словно в огненном дыме и лица и вещи...

Как хорош, при огнях, ограненный хрусталь!..

За плечом у тебя веет призрак зловещий...

Ты — мечта и любовь! ты — укор и печаль!..

Словно в огненном дыме земные виденья...

А со дна поднимаются искры вина, Умирают, вздохнув и блеснув на мгновенье!..

Ты прекрасна, как смерть! ты, как счастье, бледна!

Слышу говор, и хохот, и звоны стаканов.

Это дьяволы вышли, под месяц, на луг?

Но мы двое стоим в колыханьи туманов,

Нас от духов спасет зачарован-

ный круг.

Ты мне шепчешь. Что шепчешь?
Не знаю, не надо.
Умирает, смеясь, золотое вино...
О, тоска твоего утомленного
взгляда!
Этот миг безнадежный мне
снился давно!

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плакать так сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядом — поникший
Лик дорогой!

Гвозди железные
В руки вонзаются,
Счастье распятыя
Душит меня,
Падаю в бездны я.
Тесно сжимаются
Руки, объятая,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа невучая,
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нежность к поникшей,
К ней, к дорогой!

О, святые хороводы, на таин-
ственной поляне,
близ звенящих тихо струй,
Праздник ночи и природы, после
сладких ожиданий,
возвращенный поцелуй!

О незнанье! о невинность! ро-
бость радостного взгляда,
перекрестный бой сердец!
И слиянье в сказке длинной, там,
где боль уже —
усллада, где блаженство и конец!

И сквозь сумрачные сети, что
сплели высоко буки,
проходящий луч луны,
И в его волшебном свете чьи-то
грудь, чьи-то руки

беззащитно сплетены!

*Но почему темно? Горят бессильно
свечи.*

*Пустой, громадный зал чуть озарен.
Тех нет.*

*Их смолкли хохоты, их отзвучали
речи.*

*Но нас с тобой связал мучительный
обет,*

*Идем творить обряд! Не в сладкой,
детской дрожи,*

*Но с ужасом в зрачках, — извивы
губ сливать,*

*И стынуть, чуть дыша, на нежес-
ланном ложе,*

*И ждать, что страсть придет,
незванная, как тать.*

*Как милостыню, я приму покорно
тело,*

*Вручаемое мне, как жертва пала-
чу.*

*Я всех святынь коснусь безжа-
лостно и смело,*

*В ответ запретных слов спро-
шу, — и получу.*

Но жертва кто из нас? Ты броше-
на на плахе?
Иль осужденный — я, по правому
суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красных
крыльев взмахи!
Голгофа кончилась. Свершилось.
Мы в аду.

1905^{, 1907}

Возвращение

О^{на}

Я пришла к дверям

твоим

После многих лет и зим.

Ведав грешные пути,

Недостойна я войти

В дом, где Счастье знало нас.

Я хочу в последний раз

На твои глаза взглянуть

И в безвестном потонуть.

Он

Ты пришла к дверям моим,

Где так много лет и зим,

С неизменностью любя,

Я покорно ждал тебя.

Горьки были дни разлук,

*Пусть же, после жгучих мук,
То же Счастье, как в былом,
Осеньет нас крылом.*

Она

*Друг! я ведала с тех пор
Все паденья, весь позор!
В жажде призрачных утех
Целовала жадно грех!
След твоих безгрешных ласк
Обнажала в вихре пляск!
Твой делившее восторг
Тело — ставила на торг!*

Он

*Друг! ты ведала с тех дар,
Как жесток людской укор!
Речью ласковой позволь
Успокоить эту боль;
Дай уста, в святой тоске,
Вновь прижать к твоей руке,
Дай молить тебя, чтоб вновь
Ты взяла мою любовь!*

Она

*Все бывшее мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостных ночей,*

*И объятий, и речей,
Как цветы бросая в грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно в них
Всех возлюбленных моих!*

Он

*Что свершила ты, давно
Прощено, — освящено
На огне моей любви!
Душный, долгий сон порви,
Выйди вновь к былым мечтам,
Словно жрица в прежний храм!
Этот сумрачный порог
Все святыни оберег!*

Она

*Я не смею, не должна...
Здесь сияла нам весна!
Здесь вплетала в смоль волос
Я венок из желтых роз!
Здесь, при первом свете дня
Ты молился на меня!
Где то утро? где тот май?
Отсняло все. Прощай!*

Он

Нет, ты смеешь! ты должна!

*Ты — тот май и та весна,
Жемчуг утр и роз янтарь!
Ты — моей души алтарь,
Вечно чистый и святой!
И, во прахе пред тобой,
Вновь целую я, без слов,
Пыльный след твоих шагов!*

23 ноября 1908

В эпическом роде

Жизнь

*Безликая, она забыла счет обли-
чий:
Подсказывает роль любовнику в
бреду,
И коршуна влечет над нивами к
добыче,
И гидре маленькой дает дышать
в пруду.*

*В пустыне выжженной встает
былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит без-
мерный мир,
Рождает каждый миг, влетает
тело в тело
И семена существ проносит чрез*

эфир!

*От грозных пирамид и гордых
библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек
морских,
От криков дикаря, метнувшего
свой дротик,
До черного червя, который мудро
тих, —*

*Сверкает жизнь везде, грохочет
жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков, — она го-
рит на дне...
Бегу на высь времен, — она кри-
чит мне: буду!
Она над всем, что есть; она — во
всем, во мне!*

*О братья: человек! бацилла! тигр!
звездика!
И жители иных, непознанных пла-
нет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на
вечном море лет!*

Март 1907

Надписи к гравюрам

За утесом

*Плыви, плыви рекой волнистой!
Мы за утесом стережем
И в знойный час, и в вечер мглы-
стый
С кинжалом, луком и копьем.*

*Купец богатый, странник скуд-
ный,
Из Рима робкий пилигрим, —
Вы все, с отвагой безрассудной,
Скользите лоном голубым!*

*Сияет солнце, воздух нежит,
Вода, как ясное стекло,
Но визг стрелы мечты прорежет,
—
И кормщик выронит весло!*

*Что юный гость? что путник
старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрик!
Собирай весь год свои товары,
Ты с прибылью простишься вмиг!*

Плывите, люди, мимо! мимо!
Вас жизнь влечет, вас манит
твердь, —
Но мы вас ждем неумолимо:
Мы — тайна! мы — беда! мы —
смерть!

27 февраля 1906

Освобождение

К стене причалил челн полноч-
ный,
Упали петли из окна,
И вот по лестнице непрочной
Скользнула с высоты Она.

Дрожа от счастья и тревоги,
За мигом миг следили мы, —
Пока Ее коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принял, как святыню, в руки
Ее, закрытую фатой.
И весел — были тихи звуки,
И челн — был призрак над водой.

Она не молвила ни слова
И не явила нам лица,
Но громче ропота морского

Стучали сильные сердца!

*И, наклоня лица ниже,
Сжав рукояти шпаг своих,
Мы знали все, что ближе, ближе
Час поединков роковых!*

3 марта 1906

Встреча

*И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.
А. Пушкин*

*Ты мне предстала как виденье, —
В глазах испуг и смутный стыд.
Мы были рядом на мгновенье,
И встречи жизнь не повторит.*

*Кто ты? откуда? с кем таилась
В наемной комнате вдвоем?
Куда, под утро, торопилась
С своим стыдливым узелком?*

*Тебя любовь ли в эти двери
К продажным ложам привела,
И упоили ль в полной мере
Тебя и грех, и страсть, и мгла?*

*Иль ты пришла сюда за платой,
С тупым отчаяньем в мечтах,
И называла ночь проклятой,
Дрожа без сил в чужих руках?*

*И, возвращаясь в повседневность,
Домой, меж утренних теней,
Обманешь ли ты мужа ревность
Иль чуткость матери твоей?*

20 ноября 1905

Монах

*На поле жизненного боя,
Где Рок влечет нас, как самум, —
Душа возжаждала покоя,
Молитв и одиноких дум!*

*И вот, презрев соблазн свободы
И мира призрачную ширь,
Сошел я под глухие своды,
В твои затворы, монастырь!*

*Вне стен — и ужас и веселье,
Пирь любви и красоты.
Но здесь хранит ревниво келья
Всегда спокойные мечты.*

Я жизни иноческой свято

*Блюду определенный чин,
И дни, с восхода до заката, —
Как ряд медлительных годин.*

*Люблю я благовест рассвета,
Церковной службы череду,
Степенность братского привета,
Ночь, посвященную труду.*

*Мне хорошо, под буйство бури,
При кротком блеске ночника,
На тщательной миниатюре
Чертит узоры лепестка;*

*Иль, не спеша слагая главы
И им не ведая конца,
Припоминать о жажде славы,
В миру сжигающей сердца.*

31 марта 1906

Noli me taniere, Maria[23]

*Прошел печально день субботний,
Сияет небо новым днем,
И в душах всех бесповоротней
Разуверение во всем!*

*Он говорил: «Как свет зарницы,
Приду, и воззову на суд...»*

*И вот лежит во тьме гробницы,
И стражи тело берегут.*

*Но женщин души не устанут,
Как горный ключ, струить любовь:
«Он обманул... иль был обманут...
Но Он страдал и пролил кровь!»*

*Несут ко гробу ароматы,
Но пустотой зияет он...
И тут же веет слух крылатый,
Что труп врагами унесен.*

*Тогда, всем горестям услада,
К Марии сходит сам Христос,
Но в нем ей мнится сторож сада,
—
Она к нему: «Не ты ль унес...»*

*И, слыша речи роковые
Не могшей победить искус,
«Noli me tangere, Maria!» —
Ей отвечает Иисус.*

Март 1906

Видения

Повольник

Здравствуй, буйная ватага, уда-
лых годов друзья!
Вот и снова я — бродяга, вот
опять — повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил
чашу рабской доли,
Но я молод — видя Волгу, я мо-
гуч — под ветром с воли!

Повинуйтесь, братцы, кличу, ста-
новитесь в бранный круг!
Как бывало, на добычу поведу за
стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как
бессильно свищут пулк!
Что, удар мой не ослаб ли? голос
слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем по
ровну, без греха!
Горстью мерь серебро и золото, а
на локоть мерь меха.

*Спрятав знатные товары, мы ко-
стер зажжем над плесом,
Будут звонко вторить чары на-
шим песням стоголосым;*

*А когда луна остудит волны Вол-
ги и песок,
Всем по очереди будет с полоня-
ночкой часок!*

20 мая 1907

Русалка

*Она, свои скрывая груди
И лоно зыбким тростником,
На мир, где колдовали люди,
Смотрела из реки тайком.*

*Ей был понятен их веселий
И их забот вседневный строй, —
Призыв пастушеской свирели,
Костер рыбачий под горой.*

*Она любила хороводы
И песни дев издалека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная река.*

А в день осенних водосвятий,

*Из-под воды едва видна,
Как речь таинственных закл
тий,
Молитвы слушала она.*

*Когда же рой детей, купаясь,
Шнырял по вспугнутой реке,
Она звала их, откликаясь
На непонятном языке.*

*Но, видя проходящих парней,
Вечеровой порой, в тиши,
Еще нежней, еще коварней
Смеялась, зыбля камыши.*

1⁹⁰⁷

Самоубийца
Картина для синематографа

*Томный, стройный, строгий,
грустный,
Кто ты: горец иль стрелок?
Мост согнулся неискусный
Через вспененный поток.*

*Что таким пристрастьем тя
нет
Твой, к воде склоненный, взор?
Схватит, свяжет и обманет*

Волн излучистый узор.

Ты простер, уйти не смея,
Руки к пенистой судьбе.
Но из пены Лорелея
Подымает взор к тебе.

Тихо смотрит, тихо плачет,
Клонит голову в венке,
И стыдливо горе прячет
В буйно вспененной реке.

Что ты шепчешь? Кто услышит?
«Жизнь грустна. Грустнее
смерть».
На мосту пустом колышет
Ветер сломанную жердь.

16 ноября 1907

Голос мертвого

На заре вечерней, в трауре,
Ты куда спешишь, девица?
Соловей свистит на яворе,
Месяц в озеро глядится.

Ты бледна на старом кладбище,
Над моим крестом склоненным.
Ах, не здесь, не здесь свой клад

ищи:

Кто-то ждет в саду, под кленом!

*Слез мне жаль, печально тающих
На земле, на сером камне!*

*Стань счастливой, стань сияю-
щей, —*

Будешь более верна мне!

*Если б вышел из могилы я,
Праздником всю жизнь я б сделал,
Целовал улыбки милые,
Только б счастье ласки ведал!*

*Что здесь? гроб, да прах, да тле-
ние!*

*А кругом, сквозь смерть, я чую
Всё веселие весеннее,
Волю бабочек живую,*

*Радость луга, распростертого
Под лучами солнца ясного...
Помни, помни голос мертвого:
Лишь одно люби — прекрасное!*

*Покойся, ветхая свирель!
С тобой я пел и хмель влюблен-
ный,
И вечер, страстью опаленный,
И душу бури, и апрель.*

*Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу в звуках тех.
Они молили и рыдали,
Но в тайне дум сияли дали
Иных скорбей, иных утех.*

*Простите, лилии долины!
Речная зыбь! стада овец!
Туда, где горы-исполины,
Где гул лавин, где лет орлиный,
Идет задумчивый певец.*

*Гость молчаливый, бессловесный,
Вхожу, Природа, в замок твой
И буду, со скалы отвесной,
В долине видеть дар безвестный;
Свирель на ели вековой.*

1⁹⁰⁸

Стихи на изразцах

*Иду скоро в дом свой я,
Путь мой проторен.*

*Ждет меня любовь моя,
Про меня ей сон.*

*Я люблю ее весьма,
Жизнь моя — любовь,
Разлучила нас зима,
Весна сблизит вновь.*

*Светло солнце по весне,
Красен маков цвет.
До цветов охота мне,
Я нарву букет.*

*К ней приду с букетом я,
С розой полевой,
Ей скажу: «Любовь моя,
Я до гроба твой!»*

Февраль 1907

Жалоба героя

*Нас немного осталось от грозно-
го племени
Многомошных воителей, плив-
ших под Трою,
И о славном, о страшном, о при-
зрачном времени
Вспоминать в наши дни как-то
странно герою.*

Агамемнон погиб под ударом пре-
дательства,
Оилеев Аянт сгинул в синей пучи-
не,
Теламонид упал в черный вихрь
помешательства,
А Патрокл и Ахилл вечно спят на
чужбине!

Где друзья моих дней? — Одиссей
многомысленный
Благородно дряхлеет в ничтож-
ной Ифаке,
Тевкр бежал и покинул народ свой
бесчисленный,
Сын Тидея на западе скрылся во
мраке.

И когда мы порой, волей Рока,
встречаемся,
Мы, привыкшие к жизни средь ма-
лых, бесславных,
Как враги, друг на друга, грозя,
ополчаемся,
Чтоб потешить свой дух поедин-
ком двух равных!

Мое чело в последний раз
Венчал сегодня лавр победный,
На колеснице заповедной,
Ловя лучи на панцирь медный,
Вступил я в Рим в веселый час.

Народ в восторге выл; друзья
Моей завидовали доле;
За мной влеклись цари в неволе;
По Via Sacra, в Капитолий,
Для пышных жертв проехал я.

Но вот, когда, венец кляня,
Я подступил к телице белой —
Нож задрожал в руке умелой,
Как тайный знак, что отлетела
Богиня Нике от меня.

Мой взор на миг покрылся тьмой,
И был мне внятен голос бога:
«Венец и пурпурная тога
Довлеет смертным. Слишком
много
Кто волит, — против вызов мой!»

Что ж, подниму ль ярмо судьбы?
Нет! от копья лица не скрою!
Трубите, трубы, снова к бою!

*И пусть в парфянском стане
мною,
Как пленным, тешатся рабы!*

3 января 1908

Женщины

Заклинание

*Красный огонь, раскрутись, рас-
крутись!*

*Красный огонь, взвейся в темную
высь!*

*Красный огонь, раскрутись, рас-
крутись!*

*Лживую куклу, в цепи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, в цепи золотой!*

*Лик восковой, обращенный ко мне,
Лик восковой оплывает в огне,
Лик восковой, обращенный ко мне!*

*Сердце твое, не кумир восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумир восковой!*

Вся твоя жизнь, наяву, не во сне,

*Вся твоя жизнь погибает в огне,
Вся твоя жизнь, наяву, не во сне!*

*Красный огонь, раскрутись, рас-
крутись!
Красный огонь, взвейся в темную
высь!
Красный огонь, раскрутись, рас-
крутись!*

1 июня 1907

Ожидание

Первый голос

*Пусть воск прозрачный то-
пится,
Пусть милый друг торопится
На том лихом коне
Из стран чужих ко мне.*

Второй голос

*Пусть желтый воск не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
В своем родном дому.*

Первый голос

*На груди распаленные
Лью масла благовонные.*

*Услышь их аромат,
Лети ко мне назад.*

Второй голос

*На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Ах! сквозь ночную тишь
Их запах не прослышь!*

Первый голос

*Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда ж, как юный бог,
Ты станешь на порог?*

Второй голос

*Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но в тайне темноты
Войдешь не ты! не ты!*

Первый голос

*Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки в ночь,
Мне больше ждать невмочь!*

Второй голос

Пусть милый не торопится,
Пусть в омуте утонится, —
Не видеть бы ему
Греха в своем дому!

29 октября 1908

Весенняя песня девушек

*Wand wird die Stunde kornmen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bett knackt!
Volhslied[24]*

Сини все проталины
Под ногой весны.
Солнцем мы ужалены,
Ветром мы пьяны!
С воздухом вливается
В нас апрельский хмель...
Скоро ль закачается
Девичья постель!

Чу! поет над водами
Вешних мошек рой.
Время — хороводами
Виться под горой.
Песнями и плясками
Время — ночь вспугнуть...
Ах, когда ж под ласками

Побледнеет грудь!

*Словно в церкви статуя,
Мы зимой весь день.
Скоро, лиловатая,
Зацветет сирень,
Скоро куст шиповника
Будет весь в цветах...
Ах! когда ж любовника
Встречу я впотьмах!*

1⁹⁰⁷

Уголек

*Солнца уголь кругло-красный
Бросил отблеск на снега.
Мальчик скромный, мальчик
страстный,
Я ль сурова? я ль строга?*

*Я — как этот мрамор белый,
Ты — в камине уголек.
Мальчик робкий, мальчик сме-
лый,
Что ж ты медлишь там, у ног?*

*Уголь к углю тянет губы,
Шепчет огненную речь.
Мальчик милый! — почему бы*

Телу к телу не прилечь!

*Шторой скроем окна эти,
Пусть не видит нас закат.
Но смотри: при красном свете
Грудь радости дрожат!*

*Солнца уголь кругло-красный
Канет в сумрак роковой...
Уголь-мальчик, мальчик страст-
ный,
Обожги меня собой!*

Март 1907

Наша тень

*Наша тень выростала в длину
тротуара
В нерешительный час догоравше-
го дня.
И лишь угля тлели дневного по-
жара,
В отдаленны, за нами — без сил,
без огня.*

*Наша тень подымалась на стены
строений,
То кивала с простенков, то пада-
ла вновь*

И ловила мои утомленные пени,

—
Что костер догорел, что померкла любовь.

*Засветились огни; наша тень по-
чернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несме-
ло:
«Если больше не любишь, так что
ж, — уходи!»*

*Ослепил нас фонарь сине-газовым
светом,
И, растаяв внезапно у ног без сле-
да,
Наша тень засмеялась над тихим
ответом,
Над неожиданным ответом: «Про-
щай навсегда!..»*

2—3 апреля 1906

В том же парке

*Здравствуй, листик, тихо подаю-
щий,
Словно легкий мотылек!
Здравствуй, здравствуй, грустью*

радующий,
Предосенний ветерок!

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в мою печаль.

Ясно гаснет отуманенная
Заводь сонного пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Так же бьется, как тогда.

Здесь, вот здесь, в стыдливой дли-
тельности
Слили мы уста в уста.
Как же нет былой действитель-
ности?
Он не тот? иль я не та?

Выхожу в аллею лиловую,
Где сказал он мне: «Я твой!..»
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застенчивую
В старый парк пришла я вновь:
Тихой грустью я увенчиваю

Опочившую любовь!

12⁻¹³ апреля 1906

В городе

Голос города Терцины

Когда я ночью, утомлен, иду
Пустынной улицей, и стены сон-
ны,
И фонари не говорят в бреду,

И призраки ко мне не благосклон-
ны, —
В тиши холодной слышится по-
рой
Мне голос города, зов непреклон-
ный:

«Ты, озабочен, здесь спешишь. Дру-
гой —
На ложе ласк, в смешном порыве,
выгнут,
В притоне третий, скорчен за иг-
рой.

Но жив — лишь я и, вами не по-

стигнут,
Смотрю, как царь, в безмолвие
ночей.
Ты думаешь, что вами я воздвиг-
нут?

Нет! люди — атомы в крови мо-
ей;
И, тела моего живые клетки,
Дома — тяну я в глубину полей.

Как птицам лес дарит весною
ветки,
Свое богатство отдаю вам я,
Но раньше им владели ваши пред-
ки.

Не равны мы на скале бытия:
Вам жить — года, а мне — ряды
столетий!
Шумя, теснится городов семья.

Когда ж и я свершу свой подвиг,
дети,
Не вам я завещаю пышный прах,
Все, что хранят ревниво зданья
эти.

*Есть братья у меня в иных краях:
Мои богатства, как из недр мо-
гильных,
Пусть вырвут, и замкнут в своих
стенах,*

*И над людьми смеются смехом
сильных!»*

3 января 1907

Городу Дифирамб

*Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.*

*Стальной, кирпичный и стеклян-
ный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит.*

*Драконом, хищным и бескрылым,
Засев — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.*

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для
книг;

По сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов — орду,
И шлешь вождей на митинг чер-
ный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных за-
лах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

*Коварный змей с волшебным
взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным
ядом,
Сам поднимаешь над собой.*

Январь 1907

Вал

*Неверная, обманчивая ясность
Искусственного света
И музыки изнеженная страст-
ность —
Зов без ответа.*

*Мельканье плеч, причесок, аксель-
бантов,
Цветов и грудей,
Шелк, вспышки золота и брилли-
антов
На изумруде.*

*И тихий лепет, трепет волн без-
вольных,
Кружащих пары,
И словно зовы звонов колоколь-
ных
Смычков удары.*

*И тела к телу близость, прибли-
жение,
Яд аромата,
Забвенье, и кружение, и движение,
Вдаль, без возврата.*

*И нити, чары дряхлого соблазна,
С лицом змеиным,
Что вяжут, вяжут души неот-
вязно,
Как серпантином...*

1⁹⁰⁷

Уличная

*Свищет вполголоса арии,
Блеском и шумом пьяна,
Здесь, на ночном тротуаре,
Вольная птица она!*

*Детски балуется с локоном,
Вьющимся дерзко к глазам,
То вдруг наклонится к окнам,
Смотрит на радужный хлам.*

*Вот улыбнулась знакомому
Всем ожерельем зубов!
Вот, подмигнув молодому,
Бросила несколько слов.*

*Кто-то кивнул необдуманно,
К ней наклонился, — и вот
Вместе смеется он шумно,
Рядом, волнуясь, идет.*

*Словно громадное зеркало,
Их отразило окно,
И отраженье померкло,
Канув на темное дно.*

1906, 1907

Вечерний прилив

*Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светлы острые
Язвят, как вопли торжества.*

*Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев — серии
Сияньем северным горят.*

*Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, — город жив,
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.*

Скрыв небеса с звездами чуткими,

*Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.*

*Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся — звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили — сноп огня.*

*Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:*

*«Мы славим, Прах, Твое Величе-
ство,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыя в небосвод!»*

Апрель — декабрь 1906

Оды и послания

Хвала человеку

*Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!*

*По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!*

*Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.*

*Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.*

*Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.*

*В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.*

*Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,*

*И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.*

*Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —*

*Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выею
Петлю рабства захлестнуть.*

*Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь*

Бег планеты меж светил, —

*И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!*

1 декабря 1906

Правда вечная кумиров

Оры

*Устремив друг к другу взоры,
В пляске двигаясь вперед,
Вы ведете — оры! оры! —
Свой священный хоровод.*

*В ночь глухую — слух, склоненный
К безответной бездне снов,
Слышит топот потаенный
Ваших маленьких шагов.*

*Солнце встанет, снова канет
В неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанет
Обгонять и свет и тень.*

*Мы, дыша мечтой блаженной,
Сном работы, ядом книг,*

*В душной кузнице вселенной
Все куем за мигом миг.*

*И, скользя тропой столетий
Мимо жизни, мимо нас,
Ловко ловите вы в сети
Каждый выкованный час.*

*Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
— Плавны легкие движенья
Дев, свершающих свой путь!*

*В них безвольность, в них беспеч-
ность,
Взор их благостен и тих!
Что ж? они ль пропляшут веч-
ность,
Иль она — поглотит их?*

1905, 28 августа 1906
Гесперидовы сады

*Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью
Гесперидовы сады.*

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьет твой челн
Там, где, словно ожерелья,
Многоцветные камни
Поднялись над пеной волн.

Девы, благостно нагие,
Опустив к земле глаза,
Встретят странника, как друга,
Уведут тебя в густые,
Светлоствольные леса.

Там, где клонит тиховойно
Ветви древние платан,
Заслоня солнце юга, —
В голубых струях бассейна
Ты омоешь язвы ран.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетешься в хоровод,
Чтобы в песнях вековечных
Славить море, славить доли
И глубокий небосвод.

Освежив, в тени утеса,
Грудь из мраморных цистерн,
Ты, в рядах друзей беспечных,
Вновь помчишься вдоль откоса,

Обгоняя легких серн.

*Ты меж лиц, мелькнувших в пляске,
Нежно выберешь лицо;
И тебе — рукопожатье,
С обещаньем сладкой ласки,
Передаст, таясь, кольцо.*

*Встанет сумрак. Из бокала
Брызнет нектар золотой.
В чьи-то жданные объятья,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.*

2 августа 1906

Дедал и Икар

Дедал

*Мой сын! мой сын! будь
осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.*

Икар

*Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосво-*

*ду!
До вечной области светил!*

Дедал

*Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака...*

Икар

*Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далях без границ!*

Дедал

*Мой сын! Лети за мною следом,
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.*

Икар

*Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных дотянуться!*

Дедал

*Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикра-
ты,
И сколько раз ни захотим!*

Икар

*Отец! Сдержатъ порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь моги-
лы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!*

Дедал

*Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!*

*О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты,
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.*

1 апреля 1908

Одиссеи

*Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.*

*Я помню день — как щит лазур-
ный,
И зелень вод, и белость пен,
Когда стремил нас ветер безбур-
ный
К нагому острову сирен.*

*Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул, —
В руках согретым, мягким вос-
ком
Я слух товарищей замкнул.*

*Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.*

*И все мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь, —*

*Вдруг уязвленный мукой страст-
ной,
С одной мечтой — спешить на
зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, добровольец меж рабов!*

*И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!*

*Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!*

*Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!*

1⁹⁰⁷

Эней

*К встающим башням Карфагена
Нептунa гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил, как дивный сон.*

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой нево-
ле, —
Царицы радостным рабом, —
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв — в неясном сне,
—
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот — внезапный свет сквозь
тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным — Цилле-
ний
Склоняет посох, вестник-бог.

*«Внемли, вещает, сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой, в веках, высок.*

*Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный по-
бег?*

*Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, — из сердца
Исторгнув помыслы любви!»*

*Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...*

*Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.*

Сентябрь 1908

Приветствия

К Медному всаднику

*В морозном тумане белеет Иса-
кий.*

*На глыбе оснеженной высится
Петр.*

*И люди проходят в дневном полу-
мраке,
Как будто пред ним выступая на
смотр.*

*Ты так же стоял здесь, обрызган
и в пене,*

*Над темной равниной взмутив-
шихся волн;*

*И тщетно грозил тебе бедный Ев-
гений,*

Охвачен безумием, яростью полн.

*Стоял ты, когда между криков и
гула*

*Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась,
блеснула*

*И полюс земной растопить не
могла!*

Сменяясь, шумели вокруг поколе-
нья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадно-
стью звенья
Бессильно под ним изогнутой
змеи.

Но северный город — как призрак
туманный.
Мы, люди, проходим, как тени во
сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный,
венчанный,
С рукою простертой летишь на
коне.

24⁻²⁵ января 1906
Петербург

Карл XII
Памятник в Стокгольме

Ты в древних сагах был предска-
зан,
Последний викинг, вождь-герой!
Мечтой веков миропомазан
За Север на смертельный бой!

Ты принял беспощадный вызов,

*Поверив в помощь тайных сил,
Свой подвиг, сана не унизив,
Как Рыцарь Полюса свершил.*

*И пусть, обманут зовом славы,
Ты дерзко жребии метал,
Пусть на пустых полях Полтавы
Судьбу столетий проиграл, —*

*Но сны заветные народа
В тебе свой образ обрели,
Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!*

*Стоишь ты, призрак древней саги,
В своей столице над толпой
И вдохновенным взмахом шпаги,
Как прежде, манишь за собой.*

*Мне, гостю с вражьего Востока,
Склониться пред тобой дозволь,
Игрок безумный в кости Рока,
Венчаный Полюсом король!*

Сентябрь 1906
Stockholm

К собору Кемпэра

Я был разорван мукой страстной,

*Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный
Во тьме ты вырос предо мной.*

*Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете
Как властелин окрестной мглы.*

*Моим мечтам, всегда тревож-
ным,
Моей бессильной воле — ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!*

*Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величием обличен!*

*И вот — бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчаный,
Как пред Изидой ученик.*

1 /14 сентября 1908
Quimper

Опять в Венеции

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней
Всего, что создано в веках!

Что наших робких дерзновений
Полет, лишенный крыльев! Здесь
Посмел желать народный гений
И замысл свой исчерпать весь.

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны,

И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Пусть гибнет все, в чем время
вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

1 августа 1908
Venezia

На Форуме

Не как пришлец на римский форум
Я приходил — в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне — вести
К мете, намеченной однажды,

Среди пустынь свои пути.

Август 1908
Лота

Над океаном Отлив

Волной, как щупальцем огром-
ным,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнеет над тобою, темным,
Но ты, с лобзаньем скорб-
но-скромным,
От смуглых скал отходишь
прочь.

Громадный, страшный, всемогу-
щий!
Ты кроешь грозный вид лица.
От века и доньше сущий,
Ты, этой ночью, — бард, поющий
О тихой сладости конца.

Я вижу: древние граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Как речка груды гольшей.

Но зов отлива полон ласки,
Сквозь сумрак манит и томит,
И я готов, поверив сказке,
Бежать к тебе, вмешаться в
пляски
Твоих бессмертных nereид.

Сентябрь 1908

Прилив

Пробил час. Ты вновь безволен,
Вновь, взыграв, бежишь к земле.
Обезличен, обездолен,
Беспощадной страстью болен,
Тяжкой грудью льнешь к скале.

Что ты хочешь, дикий, пьяный
Лаской бешеных зыбей?
Что крутишь песок багряный?
Что вонзаешь зубы в раны
Ты — возлюбленной своей?

Громоздя на стены стены,
Рушишь ты за валом вал.
Но, всегда страшась измены,
Покрывалом белой пены
Кроешь плечи смуглых скал.

Поспешив, с протяжным ревом,

*В их объятья вновь упасть,
Ты встаешь, с усиьем новым,
Все несытым, все готовым
Утолять глухую страсть.*

*Стой! Без сил и без движенья
Вся земля — как труп немой.
Что ж ты, в буйстве вожделенья,
Мечешь ей в лицо каменья
И крушишь ее собой!*

29 сентября 1908 (по новому ст.)
Saint Jean de Luz

Современность

Служителю муз

*Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед,
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!*

*Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена, —
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!*

И если враг пятой надменной

На грудь страны поникшей стал,
—
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточи кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Месть!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

1 сентября 1907

Флореаль 3 года

Первый голос

Отзвенели дни зимы,
Вновь лазурью дышим мы,
Сердцу сердца снова жаль, —
Манит сладкий флореаль!
Выходи, желанный друг,
За фиалками на луг.

Другой

В черной буре наших дней
Быть нам вспышками огней!

Нам во вражеских рядах
Сеять смерть и сеять страх!
Кратки сроки, труд велик,
Стоит века каждый миг!

Первый голос

Ах! не жизнь ли коротка?
Ломок стебель василька;
Как волна, неверен день...
Там, где ива клонит тень,
Мы, сокрытые вдвоем,
Губы юные сомкнем!

Другой

Новый мир — как страшный сон
Пред столетьями зажжен!
Дуб и кедр с высоких гор
Повергаем мы в костер!
Словно углю, дай и мне
Вспыхнуть в яростном огне!

29 января 1907

Дух земли

Schreckliches Gesicht.
Goethe[25]

В порыве скорби и отваги
Тебя, о мощный Дух Земли,

Мы, как неопытные маги,
Неосторожно заклиали.

Ты встал, громаден и ужасен,
На гордый зов, на дерзкий клик,
Так ослепительно прекрасен
И так чудовищно велик!

Ступил — и рухнули громады
Хранимых робко городов;
Дохнул на толпы, без пощады, —
И смёл безумных гордецов.

Ты наше маленькое знамя
Вознес безжалостной рукой,
Чтоб с ним, под гром, скрутилось
пламя
В полете тучи грозовой.

Ты озарил нам глубь столетий,
И там, за дымом и огнем,
Открылось нечто в рдяном све-
те,
Как странный сон в краю ином.

И вот, отпрянув, мы трепещем,
Заклятья повторяя вслух:
Да остановим словом вещим

Тебя, — неукротимый Дух!

5 июля 1907

Наш демон

*Ἀπάντι δαίμων ἄνδρι.
Μένανδρος[26]*

*У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.*

*Не демон ли тебе, Россия,
Пути указывал в былом, —
На берег Сити в дни Батые,
На берег Дона при Донском?*

*Не он ли вел Петра к Полтаве,
Чтоб вывести к струям Невы,
И дни Тильзита, дни бесславии,
Затмил пыланием Москвы?*

*Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неодолимый?
Не видно вех, и нет путей.*

Где ты, наш демон? Или бросил

Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Явись в лучах, как страж госпо-
день,
Иль встань, как призрак гробовой,
Но дай нам знак, что не беспло-
ден
Столетий подвиг роковой!

1⁹⁰⁸

Кому-то

Фарман, иль Райт, иль кто б ты
ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дедала поверил,
Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

*Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.*

*Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.*

*Пусть, торжествуя, вихрь могу-
чий
Взрезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!*

2 сентября 1908

Послания

М.А. Врубелю

*От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.*

*Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.*

*Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.*

*И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.*

*И там, в торжественной пусты-
не,
Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павли-*

ний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

З.Н. Гиппиус

*Твои стихи поют, как звучный
В лесу стремящийся ручей;
С ним незабудки неразлучны
И тени зыбкие ветвей.*

*Порой, при месяце, глядится
В него косматый лесовик,
И в нем давно купать копытца
Чертенок маленький привык.*

*Однажды в год, в святой сочель-
ник,
Сияет ангел надо льдом,
И скачут зайцы через ельник,
Испуганы живым лучом.*

*Не всем, быть может, внятен ро-
пот
В лесу звенящих, тихих струй:
Их заглушает жизни топот,
Как битвы, страстный поцелуй.*

Но в вечных далях не устанет

*Земля чертитъ круги орбит.
И много песен в бездну канет,
И много шумов отзвучит.*

*И новымъ людям, в жизни новой,
Как нынче, ясен и певуч,
Все будетъ петь, за мглой еловой,
Твоихъ стиховъ бессмертный ключ!*

*И будетъ лесовик, как прежде,
Глядеться в зеркале его,
И ангел, в пламенной одежде,
Над нимъ сиять под рождество!*

4 декабря 1909

Андрею Белому

*Нас не призвалъ посланникъ божий
В свой час, как братьев, от сетей,
И долго были непохожи
Изгибы нашихъ двухъ путей.*

*Ты былъ безумиемъ и верой
На высь Фавора возведенъ;
Как Данте, яростной пантерой
Былъ загнанъ я на горный склон.*

*Но на высотахъ, у стремнины,
Смутясь, мы встретились с то-*

бой.
Со мною был — мой жезл змеи-
ный,
С тобой — твой посох костяной.

И в темный путь пошли мы ря-
дом...
Но кто-то третий близко был.
Палящей страстью, жгучим
ядом,
Он нашу, душу опалил.

И — помню — кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кин-
жал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! на пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас съединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту.

Пойдем ли дальше в путь единый,
Иль каждому — удел иной,
Тебе дарю я жезл змеиный,
Беру твой посох костяной.

День ярко гаснет на откосах,
Клубится сумрак по земле.
Да будет мне твой белый посох
Путеводителем во мгле!

1⁹⁰⁹

**М.А. Кузмину
Акrostих**

Мгновенья льются, как поток
бессменный,
Искусство — радугой висит над
ним.
Храни, храни, под ветром миро-
вым,
Алтарь своей мечты, огонь свя-
щенный!

И пусть твой стих, и пламенный
и пленный,
Любовь и негу славит. Мы спешим
Улыбчивым созданиям твоим,
Как божествам, сплести венок
смиранный,

Умолкли шумы дня. Еще размер-
ней

Звучит напевный гимн в тиши ве-
черней,

Мелькают лики, вызваны тобой.

И мы, о мусает, как пред святы-
ней,

Невольно клонимся, — и к тверди
синей,

Увенчан, ты возносишь факел
свой.

24 декабря 1908

Равному
Ответ на его послание

*Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.*
Е. Баратынский

*Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных вызовов к борьбе,
В гуле выкриков хвалебных,
В царство грез твоих волшебных,
Вдруг домчавшихся к тебе!*

*Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,*

Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это — боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копьё!

22 марта 1906

Воссоздателю

Вяч. Иванову

Спокойный взор вперив в обломок
Изваянного лика, — ты,
Друидов сумрачных потомок,
Постиг разбитые черты.

Коснувшись мрамора немого
Своим магическим жезлом,
Ему вернул ты силу слова,
Былую жизнь затеплил в нем.

Ты стройность дал бессвязным
грудам,
В безликом облик угадал,
И — чудотворец! — этим чудом

Встречной

Они не созданы для мира.
М. Лермонтов

Во вселенной, страшной и огром-
ной,
Ты была — как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездом-
ной,
С изумленьем горестным во
взгляде,

Ты дышать могла одной любо-
вью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, как быстро обагрялись кровью
С нежностью протянутые руки!

Ты от всех ждала участия — жад-
но.
Все обиды, как дитя, прощала,
Но в тебя вонзались беспощадно
Острые, бесчисленные жала.

И теперь ты брошена на камни,

Как цветок, измолотый пото-
ком.

Бедная былинка, ты близка мне,

—
Мимо увлекаемому Роком!

Сентябрь — ноябрь 1907

Е.Т.

Кто глаза ее оправил
В завлекательный магнит?
Вместо сердца камень вставил,
Желтый камень хризолит?

И когда в блестящем зале,
Взор склонив, скользит она, —
Словно искрится в бокале
Ледяной огонь вина!

Смех ее — что звонкий голос
Разыгравшихся дриад.
Как на колос спелый колос,
Косы сложены назад.

Ах, я верю! в час, как щелкнет
Оградительный замок,
И весь мир кругом примолкнет,
Словно скромн и далек, —

Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим, острым кубком
Жажду страсти утолить!

Да, я верю: в этом теле
Взвивность синего огня!
Здесь опасность, — в самом деле!

—
Чур меня! ах, чур меня!

1⁹⁰⁹

Начинающему

...доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один поэт!
А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы
все и хранители тайны!
В образах, в ритмах, в словах есть
откровенья веков.
Гимнов заветные звуки для слуха
жрецов не случайны,
Праздный в них различит лишь
сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и
Пушкин — согласно
В явные знаки вплели скрытых на-

меков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?
Нет? так сними свой венок: чужд
Полигимнии ты.

1⁹⁰⁶

Исполненное обещание Романтическая поэма

*Благоговейно посвящается памяти В.
А. Жуковского*

1

*Угрюм и грозен замок Твид.
Он со скалой как будто слит,
Как будто вырос из скалы.
Гнездятся по углам орлы,
От стен идет нагой отвес,
Внизу синее хвойный лес,
И, недоступно далека,
Змеится белая река.*

*Владыка замка, Гуго Твид,
Издавно бранной славой сят.
Добытым на войне добром
С излишеством наполнен дом.
Казне у Твида счета нет;
С ним не тягается сосед,*

*А Твид оспорит короля;
Подвластны Твиду все поля,
Твид — стар, но силен до сих пор;
В его руке как гром топор;
И Твиду старому верна
Его прекрасная жена.*

*Ее он девочкой увез
На свой незыблемый утес;
Хранил года как ценный клад;
Воспитывал как добрый брат,
Чтоб после выбрать жениха;
Берег от тайного греха
Меж верных слуг и старых дев;
Но, божьей волей, овдовев,
Назначил ей удел иной
И сделал пленницу женой.*

*Гертруда вся — как сладкий сон.
Туманной тенью углублен
Ее лучистый взор; у ней
Звук голоса — как пенье фей,
И россыпь золотых волос —
Как кудри дев из мира грез;
Она легка — как тихий снег,
Ее беззвучен легкий бег,
Ее шагов не помнит слух,
Как будто мимо веял дух.*

Вся жизнь Гертруды, с ранних
лет,
Прошла, вдали от зол и бед,
На неприступной высоте.
Она лишь смутно, как в мечте,
Знавала реки и леса;
Ей ближе были небеса,
Где тихо облака плывут,
Где ночью ангелы поют,
Да лики с сумрачных икон —
Христа и вдумчивых мадонн.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пел зашедший к ним певец
О связи любящих сердец,
Но внятней, чем любовный стих,
Ей были жития святых.

И, зная, как она живет,
Легенды заживо народ
Об ней слагал, — и слух ходил,
Что чудо ей господь явил.
В своей молельне, в дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась в поздний час,
И слезы из прекрасных глаз
Лились Христу на язвы ног;

*И, вдруг, изваянный венюк
Над каменным святым челом
Расцвел, как ветка под дождем!
И верили, — что вся страна
Ее мольбой охранена.*

2

*Шестые сутки в замке Твид
Огонь до полночи блесит.
В восточной башне угловой
Гость водворился дорогой:
Граф Роберт — Гуго давний друг.
Один, без спутников и слуг,
Обетом связанный своим,
Идет он, скромный пилигрим,
В одежде инокa и бос
В страну, где пострадал Христос.*

*Граф Роберт смертный грех свершил.
Он брата своего убил
В порыве гнева и с тех пор
Поднять не смеет скорбный взор.
Не снят с души тяжелый грех,
И граф не ведает утех.
И чужд ему веселый пир,
И грустен радостный турнир.
В его душе клеймо одно*

*Рукой горящей возжжено;
В его душе одна лишь страсть:
Пред гробом господа упасть
И вымолить себе покой...
Зачем же в башне угловой,
Где думал вечер отдохнуть,
Он медлит, забыв свой путь?*

*Граф Роберт — молод и красив.
В его кудрях стальной отлив;
Всегда он смотрит словно вдаль,
Но затаив в себе печаль,
Его глаза — как два клинка;
Его слова, как облака,
Меняют формы каждый миг;
Но ярче и мудрее книг
Его обдуманная речь,
Сердца разящая, как меч.*

*С Гертрудой встретясь в первый
раз,
Не поднял Роберт темных глаз.
То было поздно, в час глухой,
На узкой лестнице витой,
Где злые тени при огне
Качались грозно по стене.
Промолвил он, лицо клоня:
«Молись, святая, за меня!»*

*И был встревоженной мольбой
Ее ответ: «Господь с тобой!»*

*Но день спустя, в такой же час,
Опять вдали от чуждых глаз
Они сошлись. Был мрак уныл,
Над черной бездной ветер выл,
И в свете молнии — бледна
Была Гертруда у окна.
Шепнул смиренный пилигрим:
«Твоей молитвой я храним
Сегодня!» Но, смотря во тьму,
Та не ответила ему.*

*Когда же, в третий раз, опять
Пришлось им вместе задрожать
На башне перед ликом звезд, —
С груди сорвал он черный крест,
И пал к ногам ее, и ей
Сказал безвольно: «Будь моей!» —
Сказал, и к ней лицом приник...
И темен был безмолвный миг...
Но вдруг, как солнце впереди,
Ее ответ зажегся: «Жди!»*

Письмо Гертруды

*«Мой господин! мой царь! мой
брат!*

Свершилось. Нет пути назад.
Не жаль мне в прошлом ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоих, огнем горящих, уст.
Мир без тебя и дик и пуст.
Я годы целые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своим лучом.
Рублю я радостным мечом
Нить жизни краткой — пополам.
Души спасенье я отдам
За день с тобою, — и в аду
У ног твоих я рай найду!
Как сон, я скину дни мои!
Увижу лес, поля, ручьи,
Увижу вольных певчих птиц!
У наших западных границ
Есть лог и три Проклятых Пня.
На склоне дня там жди меня!»

3

Алеют тихо облака.
И безрассудна и робка,
Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой
Гертруда вышла из ворот.
Ее никто не поведет,
Ее никто не охранит, —

Но тщетно будет Гуго Твид
Искать изменницы-жены.
Ее движенья решены,
Как решена ее судьба:
Она — счастливая раба,
Пока захочет властелин,
Пусть жизнь, пусть год, пусть
день один,
А после — дальний монастырь
Ей вновь закроет высь и ширь.

Меж буков, мрачных и немых,
Дорогой, полной чар лесных,
Скользит Гертруда в тишине,
И мир пред ней — как мир во сне,
Как память о иных мирах,
Порой томящая в мечтах.
Пьянит свобода, как вино,
И сердце мыслью прожжено:
Он ждет, он встретит, и они
Сольют свои уста в огни,
Сплетут извивы нежных рук,
Замрут в истоме сладких мук.
И страстный взгляд любимых
глаз
Она увидит в первый раз!

Она идет вперед, вперед...

Так лишь лунатики обход
Свершают ночью вдоль стены
При свете пристального луны.
Она скользит, как легкий челн
По ветру над качаньем волн,
Храня безволие свое.
Не ангел ли ведет ее?
Не бог ли правый с высоты
Благословил ее мечты?

Но чу! глухой, далекий скок.
И вторит лес, и вторит лог
Бряцанью шпор и лаю псов.
Не скрыться меж лесных ство-
лов!
Не упредить лихих коней!
Все ближе, ближе, все ясней,
Все беспощадней стук копыт, —
И пред Гертрудой Гуго Твид!

4

Глуха подземная тюрьма.
В ней смрад и сырость, тишь и
тьма.
Порой в ней тени говорят,
И кости давние стучат
Под непривычную ногой,
Рождая отзвук гробовой, —

Но звуки, умирая тут,
Гранитной толщи не пробьют,
Ни в замке, ни среди полей
Ничьих не возмутят ушей!
И с воли к тем, кто здесь забыт,
Зов ни один не долетит!

Припав к стене, в сыром углу,
Гертруда не глядит во мглу,
Не плачет, тщетно не зовет.
На миг сверкнул ей небосвод
Сияньем пламенной зари, —
И вновь померкли янтари.

На миг, в сияющем венце,
С улыбкой странной на лице,
Маня, предстала ей Любовь —
И в темный гроб упала вновь.
На миг зажглась над ней звезда,

—
Чтоб закатиться навсегда!

Томят виденья в тишине!
В бреду больном иль в зыбком сне
Гертруда видит дальний лес,
Глубь вечеряющих небес,
И лог, и три Проклятых Пня...
При свете меркнувшего дня,

К сухой коре лицом припав,
Там ждет ее печальный граф.
Его глаза блестят во мгле;
Высокий посох — на земле;
А что в его руке? — кинжал?
Встал полный месяца, кругло-ал,
И чрез глазницы мрачных туч
Стал наводить на все свой луч.

И кажется Гертруде вдруг:
Благоухает лог и луг,
И снова, по траве полян,
Она бежит в ночной туман.
Слабеют силы; на ногах
Как будто цепи; хладный страх
Растет на сердце... Поворот...
И старый бук... И он... И вот
Слетает с уст невольный стон, —
И милый, милый к ней склонен!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечет нежные слова,
И слышит лепет нежных слов,
И видит страстный блеск зрачков,
И, холодея вся, как труп,
Впивает ласку жданных губ.
Что это? смерть иль страсти
миг?

Стон боли или счастья крик?
Со странно-радостным лицом
Поверглась узница ничком.
В темнице, царственно-одна,
Стоит и смотрит тишина.

5

Померк на западе пожар.
Настало время тайных чар.
Раскрыли звезды ширь и высь;
Сквозь ветви эльфы пронеслись;
Вдали короной золотой
Блеснул под буком Царь Лесной;
И на поляне смех звончей
Его беспечных дочерей.

Но графа не коснется страх.
Не лезвие ль в его руках?
Не крест ли на его груди?
Но мрак все гуще впереди.
Давно прошел условный час,
Плыл месяц — и меж туч угас,
Была надежда — и прошла,
И мгла кругом, и в сердце мгла...
Слабеет, никнет гордый дух,
И граф молитву шепчет вслух:

«Ты не пришла, ты не придешь!

Твое письмо — иль смех, иль
ложь!

А я, смиренный пилигрим,
Обетом связанный своим,
Посмел о радости мечтать!
Бежать я должен, словно тать,
В святую землю поспешить,
У гроба господа сложить
И прежний грех, и эту страсть!
К кресту пречистому припасть,
Да скажет мне господь: „Пролью.
Елей я на душу твою!“
Но если... Если в замке том
Она томится под замком,
И ждут ее — и суд и казнь!
О, сердце сжавшая боязнь!
О, ужас, впившийся в мечты!
Но что во тьме?.. Кто близко?..
Ты?»

Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой,
Как черный призрак через тьму,
Гертруда тихо шла к нему.
И граф спешит навстречу ей,
Зовет небесной и своей,
И ризы влажные края
Целует, счастья не тая,

И шепчет, что им должно прочь,
Что клонится к исходу ночь.

Но, словно статуя бледна,
Молчит в его руках она
И только льнет к нему нежней,
Как тень среди других теней.
Он близостью ее сожжен,
И страсти, бьющей в сердце, он
Уже не может одолеть!
Готов он вместе умереть
За миг блаженства здесь, те-
перь...

Закатный месяц, словно зверь,
Взглянул на них из низких туч...
Чу! где-то близко брызнул ключ.
И вот, под мерный говор струй,
Сверкнул их первый поцелуй!

Без клятв был заключен их брак.
Свидетелем был строгий мрак;
Меж трав, обрызганный росой,
Стоял незримый аналой;
Светили звезды им с небес;
Пропел им хор могучий лес;
И эльфы, легкие, как дым,
Приветствия шепнули им;
И, мимо проходя тропой,

Благословил их Царь Лесной.

6

Храня лица спокойный вид,
Сошел наутро Туго Твид
С ватагой слуг в свою тюрьму.
Чуть факелы вспугнули тьму, —
Все вдруг поникли головой:
Лежал пред ними труп немой.
Была Гертруда хороша,
Как будто грешная душа
С восторгом отошла, пред тем
Увидев благостный Эдем.
Казалось: спит Гертруда, сжав
В руке пучок цветов и трав.
И было явно всем, что тут
Не нужен больше грозный суд!

И в тот же день бедняк пастух,
Свирелью услаждая слух,
Привел овец к Проклятым Пням,
И труп нашел, простертый там.
Граф Роберт словно тихо спал.
Высокий посох и кинжал
Лежали близ, в траве густой.
Был граф прекрасен, как живой,
С улыбкой счастья на устах.
Но в крепко стиснутых руках

*С собой в могилу он унес
Прядь золотистую волос.*

Н*ачато в 1901 г.
Кончено в 1907 г.*

Заключение

Оправдание земного

А*нгел*
Огни твоей земной вселенной
—
Как тень в лучах иных миров!

Поэт

*Но я люблю мой дух надменный
И яркий блеск моих оков!*

Ангел

*За гранью счастья и несчастий
Есть лучшей жизни небосвод!*

Поэт

*Но я хочу, чтоб темной страсти
Меня крутил водоворот!*

Ангел

Познаешь, кинув мир случайный,

Как сожигает полнота!..

Поэт

*Но для меня в любви — все тайны,
В одном лице — вся красота!*

26 января 1907

Сеятель

*Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах;
время снова
Мне стать учеником.*

*От шума и толпы, от славы и
приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в от-
даленном детстве,
К тебе, живой родник!*

*Чтоб снова испытать раздумий
одиноких
И огненность и лед,
И встретить странных грез, сто-
крылых и стооких,
Забывтый хоровод.*

*О радость творчества, свободно-
го, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в
колыбели
Восторженной мечты!*

*Вновь, как Адам в раю, неведо-
мым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать простым и ве-
щим словом
Все тайны бытия!*

1⁹⁰⁷

Звезда

*В дни юности, на светлом небе,
Признал я вещую звезду,
И принял выпавший мне жребий,
И за моей звездой иду.*

*И в темном мире, год за годом,
Меня кружит и водит Рок.
Я видел пред эдемским входом
Огнем пылающий клинок;*

*Я слепнул в нестерпимом блеске
Воздвигнутых Содомом зал;*

*Я грустной повести Франчески
В стране, где нет надежд, вни-
мал...*

*Зачем же в лабиринт всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смиренны,
И злата — царский дар таю?*

*Не даст ответа светоч горний...
Ад пройден, и за мной Эдем...
И все спокойней, все покорней
Иду я в некий Вифлеем.*

1⁹⁰⁶

Фаэтон

*Как в полдень колесница Феба
Стоит на ясной высоте,
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.*

*Я вижу с вечногo зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!*

*Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаэтон,*

*И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.*

*Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.*

7 июня 1905

Примечания

1

Обыденная речь имеет лишь практическое отношение к сущности вещей.

Ст. Малларме (*фр.*)

[^^^]

Беседки (*фр.* kiosque).

[^^^]

Это старая история.

Г. Гейне (нем.).

[^^^]

4

Пусть юный возраст поет о любви (*лат.*).

[^^^]

Размышления (*фр.*)

[^^^]

Поцелуй (*ит.*).

[^^^]

*Море, к которому сверху взывает
Дева Мария.*

П. Верлен (фр.).

[^^^]

*Из солнца и желтого песка
Я делаю золото.*

Фр. Вьеле Гриффен (*фр.*).

[^^^]

Чистая и целомудренная (лат.).

[^^^]

Скука жизни... (фр.).

[^^^]

Она имеет во чреве (*лат.*)

[^^^]

12

В этой долине слез (*лат.*)

[^^^]

Моя привычная мечта (*фр.*).

[^^^]

Святая Агата (*лат.*).

[^^^]

Максимилиану Шику (*нем.*).

[^^^]

16

Мир тебе, Марк, мой евангелист (*лат.*).

[^^^]

Музыки прежде всего.

П. Верлен (*фр.*).

[^^^]

*О ты, которую я мог бы полю-
бить,
о ты, которая это знала!*

Ш. Бодлер, «Прошедшей мимо» (фр.).

[^^^]

Буквально: железная дорога (*фр.*); здесь: название карточной игры.

[^^^]

Лесной царь (*нем.*)

[^^^]

Эрос, непобедимый в битве (*греч.*)

[^^^]

*Да будут благословенны руки
твои,
ибо они нечисты*

Реми Гурмон (фр.).

[^^^]

«Не прикасайся ко мне, Мария» (*лат.*)

[^^^]

*Придет, как час настанет,
Любимый мой, и станет
Кровать моя трещать!*

Народная песня (нем.).

[^^^]

Ужасный лик.

Гете (нем.).

[^^^]

У каждого человека свой демон.
Менандр *(греч.)*.

[^^^]